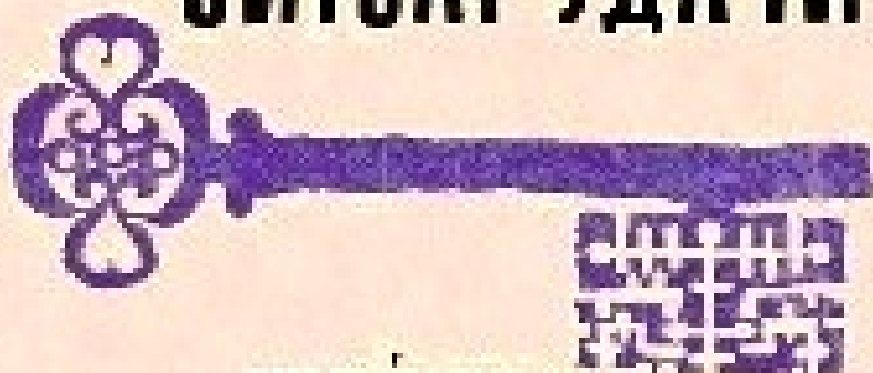

**ЭМИЛЬ БРАГНСКИЙ
ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ**

ЗИГЗАГ УДАЧИ

**УБИЙСТВО
В БИБЛИОТЕКЕ**

**БЕРЕГИТЬСЯ
АВТОМОБИЛЯ!**

А. Франклин

А. Франклин

**ЭЛЬДАР
РЯЗАНОВ**

ЗИГЗАГ УДЛУЧИ

**ЭМИЛЬ
БРАГИНСКИЙ**

**УБИЙСТВО
В БИБЛИОТЕКЕ**

**БЕРЕГИСЬ
АВТОМОБИЛЯ !**

Повесть «Берегись автомобиля!», с которой началось литературное содружество сценариста и драматурга Э. Брагинского и кинорежиссера Э. Рязанова, уже известна читателю, а экранизация ее получила признание и у широкого зрителя.

«Зигзаг удачи» — смешная новогодняя история, «зимняя сказка» на современный лад, с целым каскадом приключений, запутанных ситуаций, недоразумений. По ходу стремительно развивающегося действия герои лучше узнают друг друга; удивительные события сближают людей, вовлеченных в них, одним помогая найти свое счастье, других заставляя иначе взглянуть на товарищей и сослуживцев, относиться к ним внимательнее.

К жанру «комического детектива», использованному в «Берегись автомобиля!», авторы возвращаются в повести «Убийство в библиотеке». Пародируя излюбленные приемы и ходы детективных произведений, Э. Брагинский и Э. Рязанов затрагивают в повести актуальную проблему преподавания гуманитарных дисциплин в школе, поднимают вопрос о необходимости живого, творческого подхода к школьному преподаванию литературы, истории, обществоведения.

Нетрудно проследить во всех повестях общие черты творчества Э. Брагинского и Э. Рязанова, своеобразный «почерк» этого литературного дуэта: умело задуманный и построенный сюжет с причудливыми, изобретательными поворотами, занимательность, а главное — юмор, непринужденный и свободный, то мягкий, то язвительный, иногда с примесью озорства, розыгрыша, причем авторы используют разные стороны и грани юмора, от легкой иронии до гротеска, от каламбура до буффонады.

ХУДОЖНИК И. А. ОГУРЦОВ

БЕРЕГИСЬ АВТОМОБИЛЯ!

Читатель любит детективные романы. Приятно читать книгу, заранее зная, чем она кончится. Вообще лестно чувствовать себя умнее авторов...

Итак, стояла темная ночь. Накрапывал дождь. Тускло светили редкие фонари — зачем освещать город, когда все равно темно?

По обе стороны улицы молча высились дома-близнецы с черными провалами окон. Оставалось загадкой, как счастливые новоселы находят свой дом, тем более ночью. Но одинокий прохожий с портфелем в руках шагал уверенно. Было совершенно очевидно, что он знал, куда и на что идет! Около ворот одного из домов прохожий остановился и огляделся по сторонам. Глаза его, как водится, горели лихорадочным блеском. Он прижался к стене, стараясь остаться незамеченным. Это ему удалось. Он вошел во двор. Огромная тень скользнула по белой плоскости дома. Незнакомый подкрался к стоящему в самой глубине двора типовому гаражу и снова огляделся.

Здесь было так темно, тихо и пустынно, что невольно хотелось совершить преступление.

Первым делом злоумышленник достал из портфеля бутылку с подсолнечным маслом и, аккуратно открыв пробку, полил им замок и петли ворот гаража. Потом он надел перчатки и, вынув из того же портфеля отмычку, вскрыл замок. Подсолнечное масло было высшего сорта, и ворота гаража распахнулись бесшумно.

Неизвестный перевел дух...

В это время на шестом этаже беспокойно ворочался в постели Филипп Каргузов — неправдоподобно толстый человек. Ему снилось, что у него угоняют машину. Это был тот редкий случай, когда сон в руку!

Услышав звук заведенного мотора, Филипп проснулся и, вскочив с кровати, подбежал к раскрытому окну.

Из его собственного гаража выезжала его собственная «Волга»!

— Угоняют машину! — беспомощно закричал Филипп.

Как был, в одних трусах, он скатился вниз по лестнице и выбежал под дождь. Машина приветливо подмигнула своему бывшему хозяину красным огоньком и скрылась. В этот момент у места происшествия, конечно совершенно случайно, не оказалось ни одного милиционера. Зашлепав босыми ногами по лужам, потерпевший припустился к перекрестку.

На углу в стеклянном стакане дежурил регулировщик. Не подозревая ничего дурного, он только что дал зеленый свет украденной машине.

Увидев голого человека, милиционер с нескрываемым любопытством высунулся из своего стакана и сочувственно спросил:

- Вас раздели?
- У меня угнали машину!
- И раздели?
- Нет, я сам!..

В настоящем детективе регулировщик, как Тарзан, выпрыгнул бы из стеклянной будки и, с размаху угодив в седло мотоцикла, устремился в погоню.

— А ну дыхните! — привычно повелел милиционер.

Картузов покорно дышул. Он не в первый раз дышал в лицо милиции. Не учуяв алкоголя, регулировщик стал звонить куда надо... На милицейские посты всех шоссе, убегающих из Москвы, был сообщен номер украденной «Волги».

А виновница торжества мчалась в южном направлении. Фары редких встречных машин на мгновения освещали мужчину, прильнувшего к рулю. Эти мгновения были столь коротки, что разглядеть лицо похитителя не представлялось возможным. Стрелка спидометра замерла на

цифре «130». Машина глотала километры. Погони пока еще не было, но преступник не сомневался — погоня будет! И вот коварный крутой поворот...

Уважаемый читатель! Когда ты угоняешь машину, со-людай правила уличного движения!

Не снижая скорости, «Волга» пошла на поворот! Визг тормозов, но... поздно! Машина перевернулась! Задранные сверху колеса продолжали стремительно вращаться, но сейчас машина обходилась без них! Царапая крышей асфальт, «Волга» продолжала нестись по шоссе с угрожающей быстротой! И это ее спасло. Машина снова перевернулась и, приняв нормальную стойку, как бешеная, поскакала дальше...

ГЛАВА

2

В КОТОРОЙ, КАК И НАДО ОЖИДАТЬ, ПОЯВЛЯЕТСЯ СЛЕДОВАТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК С ПРОНЗИТЕЛЬНЫМИ ГЛАЗАМИ

Бесконечно разнообразен мир городского пассажирского транспорта (в алфавитном порядке):

Автобусы

Велосипеды

Верблюды

Грузовики

Дороги канатные

Коляски детские

Коляски инвалидные

Лифты

Лошади

Метро

Мопеды

Мотоциклы

Мотоциклы с коляской

Мотороллеры

Олени северные

Ослы

Поливочные машины

Речные трамваи

Служебные машины

Собаки ездовые

Такси
Трамваи
Троллейбусы
Фуникулеры

Хождение пешком...

Но человеку всего этого мало. Он, как никто из живых существ, любит создавать себе дополнительные трудности. Очевидно, это свойственно только мыслящим организмам. Ничем другим не объяснить желание каждого индивидуума иметь собственный автомобиль. Разговоры, что машина экономит время, ссылки на классиков, что «автомобиль не роскошь, а средство передвижения» — только разговоры и ссылки.

Каждый, у кого нет автомобиля, мечтает его купить. Но зато каждый, у кого есть автомобиль, мечтает его продать. Удерживает от этого только то, что, продав, останешься без автомобиля.

Видя эти колебания автовладельцев, можно подумать, что сделано еще не все, чтобы отравить радость собственника. А между тем и в этой области достигнуты немалые успехи. Гаражей нет и не будет, Помыть машину нигде, а ездить на грязной машине дорого.

— Скажите, — вежливо осведомляется сержант милиции у автовладельца, рискнувшего выехать утром на неумытой машине, — вы сами по утрам умываетесь?

— Я опаздываю на работу! — голос у любителя умоляющий, он действительно опаздывает.

— И зубы вы чистите? — спокойно спрашивает сержант, он-то никуда не торопится.

— Мне некогда...

— Да, вам некогда помыть машину. Ваши права!

— Ну општрафуйте меня, я же опаздываю! — канючит нарушитель. Противно просить, чтобы тебя штрафовали. Но сержант милиции сделает одолжение и удовлетворит просьбу!

Шофер, а любитель тоже шофер, всегда виноват, даже тогда, когда он прав. На любом перекрестке можно наблюдать, как регулировщик отчитывает водителя, но никто никогда не видел обратной картины. Любитель не может быть культурным, если не стал им до того, как приобрел свой транспорт.

У владельца нет свободного времени. Когда он не чинит машину, не полирует ее, не заправляется бензином, не накачивает шины, не рыскает по городу в поисках запасных деталей, не развозит по домам знакомых или знакомых

иных знакомых, он испытывает страх. Обыкновенный животный страх, что машину уведут. Каждый собственник убежден, что вору приглянулось именно его движимое имущество. Поразительное самомнение!

Каких только замков не увидишь на личной машине! В этой области техническая мысль находится на уровне нашего кибернетического века. Тут и тайные реле, и прерыватели, и замки с алгебраическим шифром, и фантастические запоры на руле, похожие на ракетные установки. И только некоторые любители-консерваторы ставят на дверцы машин дедовские амбарные замки.

Существует и такое приспособление: от машины на четвертом этаже, прямо в окно, тянется электрический провод. Когда вор лезет в автомобиль, в квартире хозяина пронзительно воет сирена. Хозяин просыпается, высовывается в окно и лично наблюдает, как угоняют его машину...

Ровно в девять утра невыспавшийся, мятый Картузов волочил свое измученное тело по коридору следственного отдела районной прокуратуры. У дверей с табличкой «Подберезовиков М. П.» высокий костлявый субъект, выбросив, как шлакбаум, длинную руку, преградил Картузову путь.

— ...ините, мне ...оже ...обходимо в этот ...бинет! — загадочно и нежно проблеял Пеночкин, ибо фамилия костлявого шлакбаума была такова.

Филипп оторопел. Ему почудилось, что Пеночкин говорит по-заграничному, а по-заграничному Филипп не понимал.

— ...идется отерпеть! — в своей экономной манере предложил Пеночкин. Он проглатывал начала слов и крепко поднаторел в этом деле.

— Но у меня угнали машину! — выпалил Картузов и изумился, что понимает не по-русски.

— ...оразительное ...впадение! — ехидно заметил Пеночкин. — У меня ...оже угнали! Я вас ...ошу, ...аймите ...ереды!

Картузов только сейчас увидел, что на стуле, прижатом к стене, понуро сидит еще один тип и неодобрительно смотрит на новичка.

— Но у него ведь не угнали машину! — вскричал Филипп.

— ...али! — эхом отозвался Пеночкин.

— Этого не может быть!

— ...очему это у вас ...ожет, а у ...ругих нет? — обиделся Пеночкин.

— У меня угнали сегодня ночью!

Шлагбаум снисходительно погладил Картузова по голове:

— Вот у него ...крали ...шину ...осемь ...есяцев ...назад, а у ...еня ...етыре ...есяца. Так что у вас ...асса ...времени ...ереди!.. алуйста!

И Пеночкин указал Филиппу на стул. Картузов послушно сел.

А по ту сторону двери за письменным столом возвышался изможденный шатен с пронзительными, как у следователя, глазами.

Совсем недавно Максим Подберезовиков отправил на небезызвестную скамью группу матерых валютчиков... И вчера как молодого и подающего надежды его бросили на безнадежный участок работы вместо несправившегося Чуланова. Дело об угоне двух машин было непопулярным в следственном отделе, как всякое дело, которое не удастся раскрыть. Теперь, словно в честь назначения Подберезовикова, ночью была украдена еще одна «Волга», по счету третья.

Подберезовиков резво взял старт. На рассвете он примчался на место преступления, нагнал страху на управ-

дома и допросил потерпевшего Картузова. Тщательно собрав с петьель ворот гаража остатки подсолнечного масла, Подберезовиков отправил их на срочное исследование.

Помощница Максима Таня сняла отпечатки пальцев преступника. К сожалению, не удалось сфотографировать отпечатки следов его ног, — они были затоптаны босыми ступнями Филиппа.

В девять часов утра следователь снова был в своем кабинете.

Только что доставили результаты исследований. Масло оказалось рафинированным. Также удалось установить, что вор действовал в хлопчатобумажных перчатках. Такие перчатки производит фабрика № 7 Мосгоршвейпотребсоюза, и они безуспешно продаются во всех галантерейных магазинах.

Следователь усиленно размышлял над обстоятельствами ночной кражи. Ему было ясно, что здесь, как и в предыдущих случаях, орудует одна и та же рука, опытная и умелая.

— Таня, сведений с шоссе не поступало? — спросил Максим.

— Пока ничего нет, — ответила его помощница.

В детективном романе у следователя непременно должен быть друг, помощник или подчиненный. У Шерлока Холмса им состоял доктор Ватсон. Такой человек необходим следователю. Не для помощи — следователь и сам найдет преступника в последней главе. Но перед кем он раскроет свой выдающийся талант криминалиста? Вряд ли его олимпийским спокойствием и несравненной храбростью станет восхищаться сам преступник! В последние годы на роли ближайших друзей следователя стали претендовать юные девушки. У современных Холмсов — прехорошенькие помощницы, часто из числа студенток-практиканток. Это удобнее, чем держать в доверенных лицах мужчин. Ведь совместное раскрытие преступления как нельзя больше способствует зарождению чувства, именуемого любовью. Чем тяжелей преступление, тем сильнее и

ярче любовью! Было бы грубым нарушением традиции, если бы Таня не любила Подберезовикова. Поэтому она и любила его молчаливой любовью. О чем он, естественно, не догадывался.

— Я верю в вас! — нарушила молчание Таня. — Вы найдете преступника!

Подберезовиков, в который раз, не заметил сквозившего в словах девушки всепоглощающего чувства.

— Вы обратили внимание, Таня, — сказал ушедший в себя следователь, — что во дворе, где произошла кража, и рядом на улице ночует много безгаражных машин?

— Да, — с недоумением произнесла Таня.

Помощник следователя должен быть немного глуповат.

— А ведь украсть машину, стоящую на улице, было легче, нежели из гаража...

— Верно, — радостно сказала Таня, пораженная тонким ходом мысли любимого начальника.

Тут следователь посмотрел на огромный портрет Станиславского, который почему-то висел в его кабинете.

— Если здесь применить учение Константина Сергеевича о сверхзадаче, возникает любопытная мысль: преступник идет по пути наибольшего сопротивления. А почему? Вот раскрыв его сверхзадачу, мы и поймем преступника!

— Как я сама не догадалась! — восхитилась Таня.

Однако Подберезовиков не клюнул на лесть.

— Между прочим, — продолжала девушка, — потерпевшие собрались у нас в коридоре.

— Все? — спросил следователь.

— Там и серая «Волга», и та, у которой помят передний бампер, и последняя.

Мысль о встрече с клиентами не привела Подберезовикова в восторг, но уклоняться от опасности было не в его обычаях.

— Зовите их всех сразу! Как говорится, одним махом!

Потерпевшая тройка цугом вбежала в кабинет. Следователь встал из-за стола.

— Давайте знакомиться!

— Мы очень рады, что назначили именно вас, — поклонился ветеран, который ждал уже восемь месяцев.

— Мы ...адеемся, что вы ...авдаете ...аше ...оверие!

Максим посмотрел на Пеночкина и, скрыв улыбку, заверил:

— Я ...уду ...тараться!

Потерпевшие дружно сели, располагаясь для долгой поездки.

— У вас есть какие-нибудь новости? — поинтересовался Максим.

— Нет! — хором ответили потерпевшие.

— Я думаю, будет полезнее, — жестко отчеканил следователь, — если вы с утра станете приходить на работу к себе, а не ко мне. Когда вы понадобится, я вас вызову!

— ...нятно. — Пеночкин поднялся первым. — До ...идания!

— До свидания, — подхватил дуэт, и расстроенные потерпевшие гуськом потянулись к выходу. Таня плотно прикрыла за ними дверь, но в кабинет тотчас постучали.

— Войдите! — крикнул Максим.

Это вернулся Картузов.

— Ночью я позабыл вам сообщить деталь. Может, она поможет...

— Слушаю вас.

Филипп стыдливо покосился на Таню.

— У меня на левом заднем крыле гвоздем процарапано неприличное слово!

— Какое? — строго спросил следователь.

ГЛАВА

3

В КОТОРОЙ МЫ ЗНАКОМИМСЯ С ЮРИЕМ ДЕТОЧКИНЫМ, СТРАХОВЫМ АГЕНТОМ

Прошла неделя. Человек, как известно, ко всему привыкает. Картузов привык к тому, что у него угнали машину. Больше того, это горестное происшествие по-своему украсило его жизнь. Он стал ощущать себя невинной жертвой произвола, и это возвысило его в собственных глазах. Он начал рассказывать своим сослуживцам о событиях знаменательной ночи. Постепенно рассказ обрастал новыми деталями. Когда появилась сцена, в которой Картузов стрелял из ружья в преступника, но промахнулся, у сослуживцев сдали нервы, и они начали избегать страдальца. Тогда Картузов стал делиться своей бедой с людьми незнакомыми. За отсутствием машины, он ездил теперь на работу автобусом.

За шесть остановок можно было поведать эффектную историю со всеми подробностями. Кроме того, у Картузова появилась уважительная причина, чтобы ежедневно уходить со службы в прокуратуру. Запрет следователя не подействовал и, потерпевшие упрямо торчали в его коридоре.

Но Подберезовиков не мог сообщить ничего утешительного.

Прошла неделя...

Пассажирский лайнер ТУ-104 приближался к Москве.

— Наш самолет, следующий по маршруту Тбилиси — Москва, прилетает на Внуковский аэродром, — профессионально сияя от счастья, объявила стюардесса. — Пассажиры просят пристегнуться!

И пассажиры стали послушно пристегиваться, словно это поможет в случае катастрофы.

Худой человек с простодушным унылым лицом старательно привязал себя к креслу. Потом он достал из портфеля бухгалтерскую ведомость на выплату командировочных, и в графе «фамилия» аккуратно вывел «Деточкин Ю. И.».

В рубрике «количество дней» он поставил цифру «7». Его сосед, пожилой южанин, повернул к нему бритую голову.

— Из командировки едешь?

— Да, домой, — застенчиво улыбнулся Деточкин, расписываясь в ведомости и скрепкой подкалывая к ней авиабилет.

Самолет крепко встряхнуло. Южанин болезненно поморщился, — он плохо переносил полет

— Вы читали в «Вечернем Тбилиси», — Деточкин счел долгом вежливости продолжить беседу, — при заходе на посадку разбился самолет «Боинг-707»?

— Слушай, не надо, не люблю я этих разговоров!

— А я воспитываю себя так, — кротко разъяснил Деточкин, — чтобы смотреть опасности прямо в глаза! Тем более, от нас ничего не зависит, все в руках летчика. Вы застраховали свою жизнь?

— Слушай, зачем пугаешь? Зачем нервы мотаешь? — простонал попутчик, изнемогая от воздушной болезни.

— Страхование — прекрасная вещь, — вдохновенно продолжал Деточкин, вынимая из портфеля гербовую бумагу, — вот ты гибнешь при катастрофе, а твоя семья получает денежную компенсацию!

Побледневший южанин ничего не ответил.

— Может быть, застрахуемся от несчастного случая? — предложил Деточкин. — Можно оформить здесь, пока мы еще в воздухе!

— Слушай, — догадался южанин, — ты страховой агент, что ли?

— Да. — Младенческая улыбка осветила лицо Деточкина, и он похоршел.

— Я так скажу, дорогой, — сосед рассердился, — ты не страховой агент, ты, дорогой, хулиган! Если мы разобьемся, кто ее найдет, эту бумагу? А если мы не разобьемся, я буду зря деньги платить?!

— Но вы же не в последний раз летите, — Деточкин ободряюще глядел на него наивными и грустными глазами.

Тут самолет провалился в воздушную яму. Южанин вцепился в подлокотники.

— Зачем я лечу? Зачем, я спрашиваю?

— В самом деле, зачем? — Деточкин был не чужд любопытства.

Южанин мечтательно улыбнулся.

— Сын в институт поступает!

— В какой? — спросил вежливый Деточкин.

— Я подберу самый лучший!

Деточкин улыбнулся.

— Вы что же, летите за него сдавать экзамены?

— Не будь наивным! Экзамены — это случайность.

А в важном деле нельзя полагаться на случай!

В проходе между сиденьями появилась стюардесса с подносом в руках. На подносе лежали мятные конфетки. Деточкин потянулся к конфетке, но сосед схватил его за руку и отослал стюардессу.

— Понимаешь, девушка, не нуждаемся!

Он изловчился, снял с полки чемодан и раскрыл.

— Бери, страховой агент, это лучше будет!

Чемодан был заполнен черешней.

— Своя? — спросил Деточкин, отправляя ягоду в рот.

— У нас в стране все свое... — уклончиво ответил хозяин черешни.

Самолет накренился, и южанин опять застонал:

— Ненавижу летать и круглый год летаю.

— Бывает... — Деточкин уплетал черешню.

— Это потому, что каждому овощу свое время. Мимоза — одно время, помидор — другое, а мандарины — они вообще сами по себе!

— Вы бы на поезде ездили, — посоветовал Деточкин. 17

Видя, что аппетит у него отменный, сосед захлопнул чемодан.

— Я-то могу на поезде, черешня не может!

В иллюминаторе показался аэродром.

— Ну как, — спросил Деточкин, — все-таки будем страховаться? Самый последний момент — самый опасный.

— Опоздал, дорогой! — усмехнулся южанин. Самолет уже катился по бетонной дорожке. — Я подумаю. Ты ко мне заходи.

— На Центральный рынок? — лукаво спросил Деточкин.

— Зачем на Центральный? Я всегда на Тишинском работаю!

Как это ни странно, но, не успев ощутить под ногами твердую почву, многие пассажиры вновь поднимались в воздух. Эти смельчаки добирались в центр Москвы не на автобусе, а вертолетом. Деточкин был среди них, а южанин среди них, конечно, не было.

Через тридцать минут Деточкин прибыл в центр города. Тысячи москвичей в хорошем московском темпе бежали по улицам, скрывались в тоннеле подземного перехода, выбегали из-под земли и вновь исчезали в кратере метро. К остановке один за другим подъезжали троллейбусы. Сквозь их стеклянные стены, как товары в витрине, были видны пассажиры.

Деточкин терпеливо стоял на остановке и чего-то ждал. Прошло около часа. За означенное время от остановки отъехало двадцать три троллейбуса. Ни в один из них Деточкин не сел. Когда подошел троллейбус, двадцать четвертый по счету, Деточкин засуетился. Он сошел с тротуара, обежал машину спереди и заглянул в окошко водителя.

— Люба! — сказал Деточкин ненатуральным голосом. — Здравствуй, Люба! Я вернулся!

Водитель, воспетый современным поэтом «она в спецвочке такой промасленной, берет немислимый такой на ней», не обратила на Деточкина никакого внимания. Она нагнулась к микрофону и объявила:

— Товарищи, побыстрее заполняйте машину! Не скапливайтесь в хвосте!

А потом, позабыв отодвинуться от микрофона, продолжила в той же интонации:

— Юрий Иванович, вход в троллейбус с другой стороны!

Деточкин просветлел лицом и обрадованно кинулся к

ходу. За его пробогом следил весь троллейбус. Когда Юрий Иванович финишировал возле двери, створки плавно закропились. Пассажиры захохотали. Троллейбус медленно отошел от остановки. Глядя в зеркальце, Люба наблюдала за тем, как уменьшалась сутулая фигура Деточкина.

Смотря вслед троллейбусу, Юрий Иванович был полон неправильных, пессимистических мыслей по поводу своей личной жизни. Понимая, что Люба появится здесь не раньше чем через полтора часа и поэтому примирение надо отложить на вечер, Деточкин побрел к себе на службу. Известно, что работа — лучшее лекарство от душевных недугов. Если тревожно на сердце, легче всего забыться при встрече со своим начальником.

Когда Юрий Иванович вошел в комнату, где сидели его коллеги по районной инспекции Госстраха, арифмометры перестали трещать, все сотрудники оборвали разговоры на посторонние темы и начали, как по команде, с соболезнованием глядеть на Деточкина. Наступившая тишина ему не понравилась. Желая избежать расспросов, он быстро проследовал через комнату и толкнул дверь в кабинет начальника.

Руководитель инспекции, Яков Михайлович Квочкин, встретил Деточкина репликой, полной сарказма:

— Ну? Как ваш тбилисский дядя?

— Дядя плох! — сокрушенно ответил Деточкин.

— В прошлый раз была тетя?

— Двоюродная сестра. Она скончалась...

— Все мы смертны, — вздохнул начальник. — Если бы люди не умирали, мы бы не страховали их на случай смерти! Вы не станете отрицать, Деточкин, что я проявляю к вам чуткость. Каждый раз, когда заболевают или помирают ваши родственники, я предоставляю вам отпуск за ваш собственный счет.

— Это верно, — согласился Деточкин, — вы на редкость чуткий руководитель!

— Но родственников у вас много, а штатных единиц у меня мало. Ваши отъезды срывают нам план.

— Яков Михайлович, — пообещал Деточкин, — я нагоню!

— Идите и нагоняйте! — Начальник отпустил подчиненного, ограничившись поучением общего характера: — Помните, я не позволю ставить родственные интересы выше общественных!

Выйдя на улицу, Деточкин с облегчением подумал, что в жизни все компенсируется. Вот встреча с Любой — она

оказалась хуже, чем он предполагал. Зато встреча с начальником не принесла ожидаемых неприятностей. Одним словом, ничья — 1:1. Но оставалось главное — надо было позвонить домой. Деточкин вошел в автоматную будку, набрал номер и, взяв себя в руки, беспечно сказал:

— Мама, это я! Я приехал из командировки! За мной, я хотел сказать, ко мне никто не приходил?

— Кому ты нужен? — последовал энергичный ответ.

И никому не нужный Деточкин, сразу успокоившись, отправился нагонять свой производственный план.

ГЛАВА

4

В КОТОРОЙ СЛЕДУЕТ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ НА БЕЖЕВУЮ „ВОЛГУ“ № 49-04-МОТ

Огромные масштабы жилого строительства сильно удлинляли ежедневный рабочий пробег страховых агентов. Деточкин трудился, не жалея ног.

Новосела страховать особенно трудно. Получив новую квартиру, счастливцев не желает думать о пожаре, землетрясении или наводнении. Тем более противно думать о собственной кончине.

Войдя в дом № 17 по Тополиной улице, Юрий Иванович поднялся лифтом на самый последний этаж. Как почтальоны и разносчики молока, Деточкин всегда совершал обходы сверху вниз.

Он начал с квартиры № 398.

— Здравствуйте, товарищ Ерохин! — поздоровался Деточкин, у него была уникальная память на фамилии тех, кого он намеревался заполучить в клиенты.

— Здравствуйте, — ответил Ерохин, тоже обладавший неплохой памятью, — только я ~~страхователем~~ не буду!

Ерохин был человек заводской, откровенный и не любил подтекста.

— Во время пожара все сгорит! — уже без всякой надежды сказал Деточкин.

— Новое купим! — оптимистически парировал неподдающийся Ерохин.

— Человек может умереть, — напомнил Деточкин.

— А я еще поживу, — не сдавался упрямец, — мне все-таки пятьдесят два...

— Прекрасная мысль, — подхватил Юрий Иванович, — вы отлично выглядите. На вид вам значительно меньше. Можно застраховаться на дожитие!

— На что? — первый раз с интересом спросил Ерохин.

— Ну, например, доживете до семидесяти лет, получите страховое вознаграждение. А не дотянете — ну... — Тут Деточкин развел руками.

— Это что же, вроде пари?

— Ну, вроде...

— Значит, если я помру до срока, — рассуждал вслух Ерохин, — выиграете вы? А если я доживу до семидесяти, выиграю я, так?

— Так, — согласился Деточкин и хлопнул в ладоши, — будем оформляться! Установим размер ваших взносов, направим вас на медицинскую комиссию...

— До свидания, — ласково сказал Ерохин и повернулся к Деточкину спиной.

После квартиры № 398 следовала квартира № 397. В ней жили застрахованные люди. В свое время Деточкин победил их с первого захода. Супруги Семицетовы, Инна и Дима, владели неплохим имуществом, и им не хотелось, чтобы оно сторело безвозмездно. Супруги были молоды и хороши собой, так же, как их новая однокомнатная квартира. Инну украшали синие модные глаза удлиненной формы. Именно потому она носила синие ресницы, синие серьги, синие кофточки и синие чулки. Чтобы не потеряться рядом с эффектной женой, Дима употреблял ярко-красные галстуки и очки в квадратной золотой оправе.

Выписывая Семицетовым квитанцию на очередной платеж, Деточкин думал о Любе. Ему все нравилось в ней, даже ее троллейбус. «С прошлым надо кончать, пора жениться!» — Деточкин принимал такое решение после каждой командировки. Занятый мыслями об устройстве личного счастья, он не замечал странного поведения своей клиентуры. Супруги то и дело по пояс высывались в окно.

Наконец Дима не выдержал. Если у человека есть возможность похвастать, он ею воспользуется, не заботясь о последствиях.

— Товарищ агент!.. — Дима поманил Деточкина.

Деточкин подошел и покорно выглянул в окно. Внизу у подъезда стояла свеженькая «Волга».

Инна и Дима, жмурясь от удовольствия, следили за впечатлением, какое произведет «Волга» на Деточкина. И действительно, она произвела на него впечатление. Деточкин туго смотрел на машину. Он не ожидал подвоха от Семицветова, и особенно в день своего приезда.

— Я смотрю, ваше благосостояние растет! — мрачно изрек Юрий Иванович, не сводя глаз с проклятого автомобиля.

— Как и всего народа! — радостно откликнулся Дима. — Иду вперед семимильными шагами!

Вопреки желанию мозг Деточкина начал лихорадочно трудиться в нежелательном направлении.

— Бежевая... — задумчиво произнес Деточкин, — цвет неброский... Вы все время держите ее под окном?

— Скоро поставлю гараж, — пообещал Дима.

— Может, застраховать нашу машину на случай угона? — озабоченно спросила его жена.

— Страхование индивидуальных автомобилей, — машинально затараторил Деточкин, думая о другом, — производится только на случай гибели или аварии в результате столкновений или стихийных бедствий.

Дима усмехнулся.

— Я не настолько богат, чтобы оплачивать стихийные бедствия!

Он не без гордости продемонстрировал посетителю замок невиданной сложности.

— Достал для гаража. Японский! К нему ключей не подберешь!

— Трудно подобрать! — грустно согласился Деточкин, со знанием дела изучая замок. — И отмычка его не возьмет. Тут автоген нужен! А автогеном резать — это такая возня...

Деточкин безнадежно махнул рукой и, попрощавшись, ушел в подавленном состоянии.

— Наша машина его доконала! — удовлетворенно констатировала Инна.

— Чему ты удивляешься? — Диме было пора на работу, и он начал переодеваться. — Это рядовой труженик. Для него «Волга» несбыточная мечта. Где ему взять пять с половиной тысяч?

Дима надел белую рубашку и, завязывая галстук, отдал распоряжение по хозяйству.

— Тебе, Инночка, есть боевое задание. Заедешь в книжный к Ангелине Петровне и возьмешь Экзюпери про принца. Запиши фамилию, забудешь!

— Милый, не остри. Фамилия Экзюпери я знаю наизусть!

Дима завершил свой туалет итальянским плащом «бонья» с золотыми пряжками на погонах. Сейчас Семицветов походил на respectable молодого карьериста Международного отдела той организации, где имеется такой отдел. Поцеловав жену, Дима ушел.

На улице он увидел Деточкина. Страховой агент как зачарованный стоял возле машины и не мог отвести от нее взгляда.

— Вас подбросить? — предложил Семицветов, пряча снисходительную улыбку.

— Нам не по пути! — поспешно ретировался Деточкин.

Бежевая «Волга» № 49—04—МОТ с плюшевым тигром, прильнувшим к заднему стеклу, плавно покатила по столице.

Дима проезжал знакомыми местами...

Вот родильный дом имени Грауэрмана. Здесь двадцать семь лет назад акушерка шлепнула по задку новорожденного Семицветова...

Вот памятный угол. Здесь маленький Димочка впервые сам купил мороженое и сделал свой первый практический вывод: мороженое не отпускают задаром. А Дима очень любил крем-брюле...

Остановив машину у светофора, Дима с умилением вспоминал, как он похитил деньги из маминой сумочки, чтобы купить пломбир, и его снова шлепнули по задку, только значительно больше...

Дали зеленый свет, и Семицветов поехал дальше. Вот букинистический магазин. Дима сбывал сюда книги, подаренные ему ко дню рождения, и книги из отцовской библиотеки, которые стояли во втором ряду и никогда не вынимались. Это осталось незамеченным, и Дима сделал второй практический вывод: не пойман — не вор!

А вот палатка «Утиль», Дима сдавал сюда вторичное сырье.

И здесь он сделал свой третий практический вывод: деньги не пахнут!

Через несколько минут бежевая «Волга» приблизилась к зданию Института связи. Дима притормозил. Да, прошло уже четыре года, как он закончил этот институт. Дима отлично помнил тот по-весеннему солнечный день, когда председатель комиссии, вручая ему назначение, дружески улыбнулся.

— Вы, Семицветов, в Семипалатинск. Но это совпадение — чисто случайное...

И тогда Дима сделал свой четвертый практический вывод: человек сам кузнец своего счастья...

Поглядев на часы, Семицветов заторопился — было без десяти одиннадцать. Миновав комиссионный магазин, «Волга» № 49—04—МОТ свернула в переулок, проехала целый квартал и только затем остановилась.

Тщательно заперев машину, Семицветов повернул обратно и направился в комиссионный магазин. Он миновал отдел готового платья, не взглянул на витрину в отделе фарфора и фаянса, ничем не заинтересовался в секции мехов и скрылся в служебном помещении.

Минуту спустя с Димой Семицветовым произошла удивительная метаморфоза. Он перестал походить на дипломата. Теперь на нем висел штапельный тускло-голубой форменный халат с эмблемой магазина. С лица исчезло выражение самонадеянности, появилось выражение услужливости. Дима зашел за прилавок отдела магнитофонов, радиоприемников, телевизоров и занял свое рабочее место. Все-таки Дима не зря закончил Институт связи.

Уже четыре года он применял за этим прилавком свои высокие технические познания.

Начался беспокойный день. Дима то и дело выбегал на угол смотреть — целая ли машина? Мысль о том, что пять с половиной тысяч попросту брошены на мостовой и к тому же снабжены колесами, не давала ему покоя. Бросаться деньгами было не в его привычках. И вместе с тем, как человек скромный, Дима не хотел ставить свою машину возле магазина.

В пятом часу вечера, когда Дима показывал покупателю узнопленочную кинокамеру, объявился Димин тесть — Семен Васильевич Сокол-Кружкин.

— Прост-таки бездельничать среди бела дня! — зычно и безапелляционно, на весь магазин объявил тесть.

Дима не нашелся, что ответить. В душе он презирал своего ближайшего родственника, но при встречах с ним тушевался от его командных замашек.

Семен Васильевич решительно отнял у покупателя камеру и так же громко вынес свой приговор:

— Барахло! Не советую!

Обратив в бегство кинолюбителя, Сокол-Кружкин дружески заорал:

— Семицветов, гони полсотни!

— Пожалуйста, потише, — зябко сказал Дима. — Кроме того, Семен Васильевич, я вам уже давал деньги!

Сокол-Кружкин так поглядел на зятя, что прения были прекращены.

— А вы достали? — тихо спросил Дима.

— Допустим, бой стекла! — расправил свои могучие плечи Сокол-Кружкин. Он был горд, что добыл для дачи дефицитный строительный материал.

— А зачем нам битое стекло? — позеленел Дима.

— Ты, Семицветов, прост-таки болван! — не етесняясь, как и всякий громкоговоритель, подытожил тесть. Продавцы и покупатели с интересом поглядели на Диму. — Попался бы ты ко мне в батальон, я бы, допустим, сделал из тебя человека!

— На осколки я деньги не выдам! — прошипел Дима.

— А я уже отобрал осколки побольше! — захохотал Сокол-Кружкин.

— А теперь такое время, — ехидно напомнил ему Дима, — что на каждое стеклышко нужен оправдательный документ!

— Документов, допустим, будет больше, чем стекла! — и Семен Васильевич протянул здоровенную ладонь, в которой могло поместиться значительно больше, нежели пятьдесят рублей.

— Я бы просил вас, — шепотом сказал Дима, вручая требуемую сумму, — по делам приходите домой, а не в магазин.

— Кругом за прилавок шагом марш! — гаркнул тесть, спрятал деньги в карман и ушел, стуча подкованными каблуками.

Дима, чтобы успокоиться, сбегал на угол, поглядел на машину и купил мороженое. Он съел любимое с детства крем-брюле и с некоторым опозданием сделал свой пятый практический вывод: жениться надо на сироте!

Юрий Иванович Деточкин заканчивал работу. В последней квартире долго не открывали. Потом на пороге появился сам хозяин, С. И. Стулов, с недовольным лицом человека, которого оторвали от дел неслыханной важности.

— Я из Госстраха! — представился усталый Деточкин, привыкший к любому хамству жильцов

— Молодец! — послышалось в ответ.

Деточкин вздрогнул от неожиданности и устался на хозяина квартиры.

С. И. Стулов не обладал представительным экстерьером, но вид имел вполне достойный.

— Так вот и ходишь из квартиры в квартиру? — спросил Стулов.

— Так и хожу! — недоуменно ответил Деточкин.

— Молодец! — тихо одобрил Стулов.

Тут Деточкин понял, что имеет дело с лицом значительным. И не ошибся. Стулов всегда говорил не повышая голоса. Он знал, что подчиненные его услышат. Стулов регулярно возглавлял какое-либо ведомство и, активно трудясь, доводил его до состояния краха и разгона. Он был незаменим при реорганизации, преобразовании и перестройке. Он умел начинать любое новое дело, продолжить его Стулов не умел. Сейчас он находился в состоянии невесомости. Одно ведомство разогнали, другое еще не создали. Стулов сидел дома и привычно ждал назначения. Он еще не знал, чем будет руководить, но знал, что будет!

— Так вот и привлекаешь народные средства? — спросил Стулов, демократично пригласив Деточкина в комнату.

— Пытаюсь.

— Молодец! И давно работаешь?

— Два года.

— Молодец! Ты и меня будешь страховать?

— Постараюсь!

— Молодец!

Уже застраховавшись и провожая Деточкина к выходу, Стулов оценил свою сознательность:

— Так вот, не подкачал Я!

— Молодец! — не сдержался Деточкин и быстро ушел. Стулов опешил. Его самого еще ни разу не награждали таким словом.

Юрий Иванович добирался домой на метро. Под грохот поезда думал о своей маме. Деточкин любил маму. Конфликта поколений в их семье не существовало.

Мама ждала Деточкина. Когда он отпер дверь, мама вышла в коридор и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала сына в щеку.

— Все-таки я не могу понять — какие у страхового агента могут быть командировки в Тбилиси? Обед на столе. Что ты стоишь, иди мой руки!

Во время обеда мама продолжала говорить без умолку. Деточкин и не пытался вставить слово. Он знал, что мама все равно не слушает собеседника, довольствуясь собственным мнением. Было странно, что при таком качестве характера мама не сделала карьеры. Всю жизнь она работала плановиком в Министерстве нелегкой промышленности и лишь недавно вышла на пенсию. Теперь чуть ли не всю свою пенсию Антонина Яковлевна тратила на печатные издания. Она боялась отстать от быстротекущей жизни.

— Ешь, — говорила мама, — не сутулься! Твои командировки кажутся мне подозрительными. Корчной выиграл международный турнир. Я болела за Таля. Он отстал на пол-очка. И эти командировки кажутся подозрительными не только мне.

— Кому еще? — испугался Деточкин.

Но мама уже поехала дальше.

— Последняя книга Дюма была кулинарной. Ты ешь луковый суп по рецепту великого писателя Дюма-отца.

— Очень вкусно, — отозвался Деточкин-сын.

— Командировки кажутся подозрительными Любе. Она права, что не желает идти замуж за недотелу.

— Она это тебе говорила? — печально спросил Юрий Иванович.

В дверь позвонили. Деточкин вздрогнул и перестал есть исторический суп.

Пришла соседка из квартиры сверху:

— Антонина Яковлевна, у вас не найдется щепотки соли?

Соседка целый день моталась по квартирам, выпрашивая одну луковицу, таблетку пирамидона, чаю на заварку, две морковки, ложечку сахарного песку или ломтик хлеба.

У нее всегда не хватало только необходимых вещей. Остальное имелось в изобилии. Для нее переезд из коммунальной квартиры в отдельную обернулся трагедией.

— Спасибо, я отдам, — поблагодарила соседка, которая почему-то всегда забывала отдавать.

Хлопнула дверь. Деточкин снова вздрогнул.

— Это ты всегда такой после твоих командировок! — Мама гневно потрясла седой мальчишеской стрижкой. — Я говорила с Любой, она не хочет идти за тебя замуж, ты ненадежный человек!

— Но почему?! — вскричал Деточкин.

— Ешь второе! Перестань горбиться! Енисей перекрыли, а я не видела. Я пойду к твоему начальнику и скажу, чтоб тебя не гоняли в разные города, ты потом нервный!

Деточкин поперхнулся. Он верил, что мама может пойти к начальнику

— Ты поставишь меня в неловкое положение... — сказал он, умоляюще глядя на маму.

— Вот, я купила на рынке черешню! Дерут спекулянты!

Ягода показалась Деточкину знакомой.

— Мне кажется, я уже ел эту черешню. Спасибо. — Он встал.

— Куда ты идешь? — требовательно спросила мать.

— Мама, мне уже тридцать шесть!

— Спасибо, что ты мне сообщил это, — поблагодарила мама, блеснув озорными глазами.

— Я всегда рад сообщить тебе что-нибудь новенькое, — немедленно включился Деточкин. — Я ведь беру пример с тебя!

— Тебе до меня далеко! — сказала мама. И они расстались, довольные друг другом...

Смеркалось. Деточкин вышел из дома и огляделся по сторонам. Приняв меры предосторожности, он поднял воротник пальто. Шляпы на нем не было, иначе он бы надвинул ее на лоб. Слившись с толпой, Юрий Деточкин зашагал в неизвестном направлении. Из другого конца большого города в еще более неизвестном направлении шел Максим Подберезовиков. Они двигались навстречу судьбе. Они сближались.

В киоске у входа в метро продавали «Вечернюю Москву». Деточкин встал в очередь. Подберезовиков встал за ним. Им дали два экземпляра газеты, сложенные вместе. Деточкин разнял их и одну газету отдал Подберезовикову.

Они сжали рядом на эскалаторе. Оба читали. Они вошли и один и тот же вагон. Сели напротив друг друга. На следующей остановке в вагон вошла женщина с ребенком. Деточкин и Подберезовиков вскочили одновременно, уступая женщине место. Хорошее воспитание подвело Юрия Ивановича. Подберезовиков мельком взглянул на него. Через несколько секунд он вторично поглядел на своего соседа, теперь внимательней. Деточкин ощутил на себе взгляд. И как бы невзначай подвинулся к двери. Подберезовиков уже не выпускал его из поля зрения. Деточкин чувствовал это спиной, обернуться он не смел. Выйдя на перрон, Деточкин все-таки не удержался и посмотрел назад. Подберезовиков шел следом. Стараясь не бежать, Деточкин покинул станцию метро. На улице было почти темно. Толпы не было, и на этот раз смешаться было не с кем. Деточкин повернул налево. Подберезовиков повторил его тактический маневр. Деточкин свернул за угол и перешел на примитивный бег. Невдалеке показалось спасительное здание районного Дворца культуры. Оно было построено в эпоху архитектурных излишеств. Деточкин спрятался за одно из них. Он стоял за колонной, не выглядывал и не дышал. Выждав несколько минут, он, крадучись, вошел во дворец. Первым, кого он увидел, был Подберезовиков.

У каждого следователя обязательно есть увлечение, которому он посвящает время, свободное от розыска преступников. Шерлок Холмс, например, играл на скрипке, Максим Подберезовиков — в самодеятельности.

Чтобы сохранить равновесие, испуганный Деточкин оперся на Доску почета активистов-аккордеонистов. Подберезовиков молча смотрел на Деточкина. Он продолжал мучительно вспоминать, где он видел этого человека? С ним происходило то же, что часто бывает с каждым. Навязчивое желание восстановить в памяти дурацкий мотив, название скверной книги или фамилию гражданина, с которым тебя ничто не связывает, нередко портит в общем счастливую жизнь. Пока не вспомнишь то, что тебе нужно, не можешь делать то, что тебе необходимо. Подберезовиков напрягся. Его усилие не пропало даром.

— Я узнал вас! — издал торжествующий клич Максим. Лицо Деточкина стало серым, как фотография на Доске почета:

— А это не я!

— Не отпирайтесь... Это вы говорили: «А судьи кто?»

Обмякший Деточкин неудержимо сползал вниз.

— Я про судей ничего такого не говорил!

— Говорили, говорили.— Подберезовиков подхватил Деточкина.— Это же вы играли Чацкого!

— Ах, Чацкого? — До Деточкина дошел наконец смысл слов Подберезовикова.— Я совсем забыл.

И Деточкин захохотал. Глядя на него, засмеялся и Подберезовиков. Они дружно ржали, испытывая взаимную симпатию.

— Так вы на репетицию...— заливался Деточкин.

— Ага! — покатывался Подберезовиков.

— Значит, будем играть вместе...— корчился Деточкин.

— В одном спектакле,— умирал от смеха Подберезовиков.

Вечерние времена коснулись и коллективов самодеятельности. Их стали укрупнять. Создавались народные театры.

Самодеятельный коллектив милиции, где выступал Подберезовиков, слили с самодеятельностью таксомоторного парка, где подвизался Деточкин. Все вместе стало называться Народный Большой театр. И сегодня милиционеры впервые встречались с таксистами.

Главный режиссер собрал энтузиастов сцены в пустом зрительном зале.

— Товарищи! — заявил режиссер.— Есть мнение, что народные театры вытеснят наконец театры профессиональные! И это правильно!.. Естественно, что актер, не получающий зарплаты, будет играть с большим вдохновением. Кроме того, артисты должны где-то работать. Неправильно, нехорошо, если они весь день болтаются в театре, как это было с Ермоловой и Станиславским. Насколько бы лучше играла Ермолова вечером, если бы днем она стояла у шлифовального станка.

Деточкин и Подберезовиков, которые сидели рядом, рассмеялись.

— Товарищи! — продолжал режиссер.— Звание народного театра ко многому обязывает. Кого вы только не играли в своих коллективах, лучше не перечислять! Не пришла ли пора, друзья мои, замахнуться нам на Шекспира?

— И замахнемся! — поддержал зал.

Создание народного театра прошло безболезненно. Когда народные артисты дружной гурьбой высыпали из дворца, совершенно нельзя было разобрать, кто из них милиционер, а кто таксист.

— Я люблю сцену! — возбужденно рассказывал Деточкин своему новому приятелю Максиму Подберезови-

мону.— Выходишь под луч софита в другом костюме, в гриме и парике — никто тебя не узнает!

Максим охотно с ним согласился.

— Я рад с вами познакомиться! — искренне сказал Юрий Иванович.

— Мы еще встретимся! — пообещал Подберезовиков. Они разошлись, помажав друг другу рукой.

Пятнадцать минут спустя Деточкин, достав из кармана ключ, успешно отпирал дверь чужой квартиры. Он вошел в прихожую, беззвучно закрыл дверь и замер. Он не услышал ничего, кроме аритмии собственного сердца. Потом он поглядел на вешалку. На ней одиноко висело женское пальто. Деточкин не взял его. Даже наоборот. Он снял свой плащ и повесил рядом. Затем скинул ботинки и сунул ноги в шлепанцы. Вдоль стены Деточкин подкрался к комнате и... боязливо постучал. Никто не отозвался. Он отважился постучать вторично. И опять никакого ответа. Тогда Деточкин расхрабрился. Он слегка приотворил дверь и, извиваясь, протиснул в щель свое худосочное тело.

В комнате пахло чем-то яблочным, сдобным и семейным. Втянув носом воздух, Деточкин решил остаться здесь навсегда...

Люба, упакованная в уютный домашний халат, сидела за столом и с аппетитом уплетала пирог собственного производства. Деточкину нравилось смотреть, как вкусно ест Люба.

У каждого бывает внутренний враг. Своим врагом Люба считала надвигающуюся полноту, хотя Деточкин категорически не разделял этой точки зрения. Люба истязала себя спортом и крутила до одури металлический обруч хула-хуп. Ровно в одиннадцать часов утра Люба останавливала свой троллейбус и к ужасу пассажиров быстренько делала производственную гимнастику. Ценная инициатива передового водителя была поддержана управлением и внедрялась в жизнь по всем маршрутам.

Но ничто не помогало Любе. Она ограничивала себя во всем, кроме еды.

— Явился? — сказала Люба, налегая на пирог.— Где пропал?

— Добрый вечер, Люба. Я был в командировке.

— Садись, если пришел,— разрешила Люба.

— Спасибо.— Деточкин присел на краешек стула.

— Пей чай.

— Спасибо.

— Ешь пирог!

— Спасибо. Большое спасибо, — изблагодарился Деточкин. Люба пододвинула к нему варенье. — Спасибо, — еще раз повторил затюканный Деточкин.

Чтоб как-то начать беседу, он неуверенно сказал:

— В Москве тепло. Можно сказать, жарко. А в Тбилиси просто жара!

— Я так и думала, что ты был в Тбилиси.

— А куда еще ехать?

— Тебе виднее. Может, ты в этом Тбилиси уже штампик в паспорт проставил?

Изаумленный таким оборотом дела, Деточкин полез в пиджак и предъявил Любе свой неженатый паспорт.

— Это ничего не значит, — вздохнула Люба, — можно и без печати.

— Что ты, Люба! Без печати ничего нельзя!

— Нет, Юрий Иванович, что-то ты от меня скрываешь...

— Понимаешь, Люба, — стал запинаться Юрий Иванович, — я вот первый раз поехал... в командировку... был уверен, что больше никогда не поеду... А потом еще раз поехал, как получилось — сам не знаю... Характер у меня, что ли, такой... вспыльчивый... Ну и делаю глупости. Сам понимаю — глупо, и все-таки еду... в командировку...

— Подумай, что ты несешь! — вскричала Люба.

Стало очень тихо. Оба, и Люба и Деточкин, размышляли о неудавшемся счастье.

— Юрий Иванович! — официально заявила Люба. — Верни мне ключ!

— Насовсем? — дрожащим шепотом спросил Деточкин.

— Да, насовсем, — подтвердила Люба.

Глядя в непреклонные глаза, Юрий Иванович встал и положил ключ в тарелку, рядом с пирогом. Затем потоптался на месте, ожидая помилования. Затем попытался к выходу, не теряя надежды, что его остановят. Надежда не оправдалась, и он оказался в коридоре. Там он снял шлепанцы и долго-долго надевал ботинки. Никто ему не мешал. Взяв свой плащ, Деточкин вышел на лестничную площадку. Траурно хлопнула дверь.

Оставшись одна, Люба заплакала. Это было банально, зато естественно.

Раздался звонок.

Люба пошла отворять.

У двери сиротливо стоял Деточкин.

— Ты зачем звонишь? — горько спросила Люба.

— Но у меня же теперь нет ключа...

В КОТОРОЙ ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО ЖИТЬ МОЖНО НЕ ТОЛЬКО ПО ПАСПОРТУ, НО И ПО ДОВЕРЕННОСТИ

По субботам и воскресеньям миллионы горожан, утомленных бензином, рвутся вон из любимого города.

Через тысячи лет археологи раскопают стоянки современных дикарей и досконально изучат состояние консервной и ликеро-водочной промышленности середины двадцатого столетия.

Однодетные и болеедетные горожане вынуждены общаться с природой весь летне-каторжный сезон. Они желают, чтоб их отпрыски максимально развились среди чудом сохранившихся березок.

Те же грядущие археологи еще хлебнут горя с расшифровкой памятника неизвестному мученику, опутанному бронзовыми авоськами и бронзовыми детьми на фоне абстрактно-барельефной электрички. Этот монумент пока не воздвигнут. Но при первой возможности его изваяет какой-нибудь заваливающий член Союза художников.

Летне-каторжный сезон начинается в январе, а иногда и раньше, ибо дачу нужно снимать загодя. Чем раньше, тем шире выбор. Дачевладельцы делятся на упрямцев, которые не сдают жилплощадь в аренду, на чудаков, сдающих по сходной цене, и на сволочей. Последние снимают денежные пенки с каждого миллиметра своей легальной частной собственности, выступающей под псевдонимом собственности личпой.

Как и вся страна, Дима Семицветов был охвачен строительной лихорадкой. Страна строила коммунизм, Дима — дачу. Каждому свое, как говаривал в аналогичных случаях Сокол-Кружкин.

Еще в школе Дима учил: коллектив великая сила! Один в поле не строитель! Задумав вложить свои сбережения в недвижимую собственность, Дима возглавил дачно-строительный кооператив из себя самого и своего тестя.

Благодарное отечество выделило подполковнику в отставке Сокол-Кружкину тридцать соток Подмосковья. Получив надел, Семен Васильевич пошел по стопам Мичурина. От великого селекционера он отличался не только тем,

что не был новатором. Сокол-Кружкин пристрастился исключительно к одной культуре — «клубника ранняя». Пока его старые боевые друзья трудились на целине директорами совхозов, поднимали в деревнях отстающие хозяйства и создавали животноводческие фермы, Семен Васильевич добивался высоких урожаев «клубники ранней» на собственном участке. Признательные москвичи платили ему за это на новых рынках немалые деньги.

То, что участок был оформлен на имя тестя, в общем устраивало зятя. Конечно, лучше иметь дачу на свое собственное имя, но придут люди в синей форме и невежливо спросят:

— Откуда у вас деньги?

К подполковнику в отставке они не придут.

Бежевая «Волга» тоже была записана не на Димино имя, а на жену. Дима ездил по доверенности. Доверенность была основой его существования. Он все делал по доверенности. Каждый раз, когда он должен был купить для дачи очередной гвоздь, Сокол-Кружкин нотариально подтверждал ему свое доверие. А гвоздей требовалось много! В нотариальной конторе Дима слыл своим человеком.

Доверенности преследовали Диму. Они снились ночами и являлись в бреду во время болезней. Ложась в постель, Дима подавлял в себе желание предъявить жене доверенность.

Такая жизнь не удовлетворяла денежного и мыслящего Семицветова, но выхода не было, особенно сейчас, в период разгула общественности и контроля. И за это Семицветов не любил Советскую власть. Советская власть платила ему той же монетой!

Было, как принято писать, восхитительное утро. Превосходное подмосковное солнце замечательно освещало изумительную природу, окруженную со всех сторон добротным частоколом.

За частоколом на своем участке ритмично махали лопатами Дима и Сокол-Кружкин. Оба были в противогазах. Противогазы по знакомству достал Сокол-Кружкин в краеведческом музее. Дело в том, что Дима раздобыл сегодня утром машину «левого» дерьма. И вот сейчас они удобряли им почву.

Инна не принимала участия в семейном воскреснике. Она гуляла по великолепному смешанному лесу, где людей было больше, нежели деревьев. В многотысячном состязании любителей природы Инна заняла одно из призовых

мост — она урвала два ландыша. Они были нужны ей для приготовления питательного весеннего крема «Светлого май привет», придающего эластичность любой коже. Инна мужила косметологом в Институте красоты. Это создавало ей устойчивую независимость, столь необходимую в супружеском сосуществовании.

Инна вернулась домой, когда с удобрением было покончено. Стянув противогазы, мужчины отдыхали на куче строительного мусора.

— У Топтунова отбирают дачу! — крикнула Инна, делась сенсационной новостью, которой знакомые огорошили ее в лесу.

— И правильно отбирают! — загремел Сокол-Кружкни. — Давно пора! С жульем, допустим, надо бороться!

— Но почему он жулик? — искренне возмутился Дима. — Человек умеет жить.

— Ты мне скажи, — вошел в раж Семен Васильевич, — на какие заработки заместитель директора одноэтажной трикотажной фабрики отгрохал себе двухэтажный каменный особняк?

— Это его дело, — примирительно вставил Семицветов.

— Нет, наше! — праведный гнев обуял тестя. — Мы будем прост-таки нещадно преследовать лиц, живущих на, допустим, нетрудовые доходы!

— Папочка, заткнись! — нежно прошипела дочь.

Семен Васильевич захохотал.

— Ага, испугались! Кто ты есть? — повернулся он к Диме. — Вот дам тебе прост-таки... коленом — и вылетишь с моего участка!

Страшать Диму было излюбленной забавой тестя. Его солдафонский юмор постепенно приближал Диму к инфаркту.

— Я понимаю, Сокол Васильевич, — заикаясь, пролетел Дима. — Вы шутите...

И он тоскующим взглядом обвел штабеля кирпичей и досок, «бой стекла» в нераспечатанной фабричной упаковке, младенчески-розовые плитки шифера и многое другое, купленное хоть и по доверенности, но на его кровные деньги.

Едучи в город на бежевой «Волге», Дима размышлял о своей собачьей жизни. Даже выходной не как у людей, а в понедельник... И эта идиотская зависимость от родственников. Вдруг Инна полюбит другого и уйдет? Тогда тесть вышвырнет его с дачи, а неверная жена выкинет на

ходу из машины. Почему он должен строить благополучие на непрочном фундаменте женского постоянства?

Когда Дима слышал формулировку «нетрудовые доходы», ему хотелось кусаться! Он вкалывает с утра до ночи, всем угождает, гоняет по городу, имея дело со всякой нечистью — с фарцовщиками и тунеядцами, добывая у них иностранный товар... А когда он вынимает из клиента жалкий рубль, то подвергается при этом несоразмерной опасности! В его профессии, как у саперов, ошибаются только один раз! Почему он, молодой, с высшим образованием, талантливый, красивый, вынужден все время таиться, выкручиваться, приспособливаться!

«Когда все это кончится?» — думал Дима и понимал, что никогда!

Он опять поставил машину за квартал от магазина и не заметил, что в сквере напротив укрылся за томиком Шекспира Некто в темных очках. Этот Некто следил за тем, как Дима запирает машину, как скрылся за углом и как зашел в комиссионный магазин.

Дима приступил сегодня к торговле в весьма раздраженном состоянии.

— Мне нужен заграничный магнитофон — немецкий или американский... — интимно сказала усатая покупательница, перегнувшись через прилавок и положив при этом многопудовую грудь на телевизор «Рекорд».

— Нету! — коротко ответил Дима. «Хоть бы побрилась», — думал он, с омерзением глядя на ее усы. Заметив, что «Рекорд» в опасности, Дима потребовал:

— Уберите это с телевизора!

Дама послушно отодвинулась и, перейдя на хриплый шепот, спросила:

— Скажите, пожалуйста, кто из вас Дима?

— Ну я Дима! Что из этого? — продолжал хамить продавец.

— Я от Федора Матвеевича.

— Какого еще Федора Матвеевича?

— Приятеля Василия Григорьевича...

— Ну, ладно, предположим...

— Мне необходим заграничный магнитофон!

— Есть очень хороший — советский!

— Не подойдет! — отрицательно пошевелила усами покупательница.

— Заграничный надо изыскивать... — задумчиво про-

Взял Семицветов, привычно становясь на стезю вымогательства.

— Я понимаю! — Дама имела достаточный опыт. — Сколько?

Дима растопырил пятерню.

— Пятьдесят новых? — переспросила опарашенная покушательница.

— А как же? Нужно узнать, нужно привезти, пужно попридержать... Оставьте телефончик...

В это время человек в темных очках, спрятав Шекспира в портфель, покинул сквер и, не торопясь, подошел к витрине комиссионного магазина. Он делал вид, что разглядывает норковую шубу. На самом деле он высматривал Семицветова. «Запят,— удовлетворенно подумал Некто. — И не скоро освободится. Приступим к делу!» Человек в темных очках фланирующей походкой направился к Диминной «Волге». Он небрежно насвистывал: «А я иду, шагаю по Москве...» — зорко оценивая переулочную обстановку. Это был знаменитый Двестилешников переулок, где автомобили, пешеходы и магазины смешались в одну оживленную кучу. Некто протолкался к «Волге» и оперся о беженное крыло. Ни одна живая душа не обращала на него ни малейшего внимания. Вдруг у места, где назревало пре-

сгулленные, объявился милиционер. Некто отпрынул от машины. Рядом оказался табачный киоск.

— Пожалуйста, «Беломор» и спичек!

— «Беломора» нет, — ответил киоскер, облезлый и грустный старик в черных канцелярских нарукавниках.

— Тогда дайте сигареты «Друг».

Купив сигареты, Некто обернулся. Милиционера подхватила воскресная толпа и унесла в неизвестном направлении. Человек, собирающийся украсть машину, закурил.

«Час пробил!» — высокопарно подумал он и незаметно надел хлопчатобумажные перчатки. Достав из портфеля отмычку, он в мгновение ока вскрыл машину. Через еще одно мгновение он уже сидел за рулем. Потушив сигарету, он, конечно, спрятал окурочек в карман, снова огляделся по сторонам, но уехать не удалось! К тротуару подкатило такси и стало вплотную к его «Волге». Некто обернулся — сзади, также вплотную, стояла «Татра». Беззаботный таксист вышел из машины и лениво заковылял покупать папиросы. Мысленно прокляв его, человек в темных очках вынул из портфеля томик Шекспира и притворился, что увлечен бессмертными стихами. Наконец такси отъехало. Но в этот момент в окно постучали. Пришлось опустить стекло. У бежевой «Волги» нервно сучил ногами толстенький мужчина с чемоданом на «молниях».

— Эта ваша машина? — заискивающе спросил толстенький.

— Нет! — ответил Некто. Ему не хотелось врать.

— Но вы шофер?

— Нет-нет.

— А что вы здесь тогда делаете? — спросил толстенький.

— Пытаюсь угнать эту машину, а вы меня задерживаете! — ответил Некто.

— Тогда, пожалуйста, угоните вместе со мной, — пошутил толстенький. — Я опаздываю на поезд.

Некто мучительно размышлял. Пассажир рядом, все-таки маскировка. Какой нормальный вор угоняет машину вместе с пассажиром?

— Вы действительно опаздываете?

— Да.

— Садитесь. Но вы становитесь соучастником! — честно предупредил Некто.

— Хорошо, хорошо... На Курский вокзал.

Рассыпаясь в благодарностях, толстенький влез в машину вместе со своим чемоданом.

Злоумышленник вставил ключ в зажигание, чтобы за-
вести «Волгу», но... она отчаянно завопила! Сработал
сигнал, поставленный знакомым Диминым элек-
триком.

— Вот! Я вас предупреждал, — сказал Некто, с отлич-
ной скоростью выскочил из машины и затерялся в толпе.
Машина продолжала надсадно гудеть, собирая зевак. По-
нял, что попал в переплет, пассажир тоже предпринял
попытку скрыться, но было уже поздно.

С криком: «Не отпускайте вора!» — гигантскими кен-
гуриными прыжками мчался Семицветов.

— Я не вор! — оправдывался толстенский. — Я опаз-
дываю на поезд! Вот у меня билет!

— Предусмотрительный! Все подготовил! — ехидно за-
метил кто-то, а Дима, выхватив билет, строго распоря-
дился:

— Держите его! — и стал отключать сигнал.

Через сто семнадцать минут к месту происшествия
примчалась синяя оперативная машина с красной полосой,
известная под названием «раковая шейка». Из нее выско-
чили Подберезовиков с блокнотом, Таня с саквояжем, юно-
ша с фотоаппаратом и сержант милиции.

— Кто владелец? — грозно спросил следователь.

— Я... — оробел Дима и показал на толстенского: — Мы
вора схватили!

— Я не вор! — в сотый раз повторил толстенский. —
Я опаздываю на поезд, а он отобрал у меня билет!

Юноша с фотоаппаратом щелкнул крупным планом
сначала Диму, а затем толстенского. Оба затихли. Таня, пе-
теряя времени, снимала с дверцы машины отпечатки
пальцев.

— Ваши документы! — обратился Подберезовиков к
затерянному. — И документы на машину! — сказал он
Диме. — Разбираться будем не здесь. Кто свидетель?

— Я! — бодро откликнулась женщина с хозяйственной
умом. — А что случилось?

— Я не вор! — безнадежно повторил толстенский. —
Вор сбежал! К сожалению, я не запомнил его лица, — до-
бавил он, ухудшая этим свое положение. — Я опаздываю на
поезд!

Он поглядел на часы:

— Впрочем, я уже опоздал!..

Таня нашла в машине томик Шекспира, забытый зло-
умышленником.

— Ваша? — следователь показал книгу Диме.

— Что вы! — ответил тот.

— Ваша?

Толстенький покачал головой. В подобную передрагу он влипал впервые в жизни.

— Я свидетель! — продавец табачного киоска появился возле машины и сразу стал центром внимания.

Фотограф с восторгом набросился на него со своим объективом.

— В профиль я получаюсь лучше! — намекнул киоскер. Его сняли и в профиль.

— Я начну с самого начала, — не без торжественности приступил к рассказу старик. — Сегодня не завезли «Беломор». Я уже устал отвечать: нет «Беломора»!

— Ближе к делу! — попросил следователь.

— Молодой человек, в вашей профессии нельзя торопиться. «Беломор» — это деталь для следствия. Он тоже просил «Беломор». А потом купил сигареты «Друг». Тридцать копеек пачка, на этикетке собака. Я подумал: почему он нервничает? Вам интересно?

— Очень! — ответил Подберезовиков.

— Он высокий, сутулый. Лицо обыкновенное. Даже симпатичное лицо. Ходит с портфелем. В шляпе. Тот, кто курит «Беломор», не курит сигареты с собакой на этикетке. Они дороже и создают другое настроение. А это его сообщник, — он показал на пришибленного толстяка. — Они посоветовались, и он тоже влез в чужую машину! Они хотели удрать вместе!

— Я не сообщник! — нищенски затанула жертва. — Я просто невезучий, несчастный человек. У меня горит путевка в Сочи!

Толстенькому стало жутко. Он осознал, что вместо курорта едет в тюрьму!

ГЛАВА

7

В КОТОРОЙ БЕЖЕВАЯ „ВОЛГА“ ЕЩЕ РАЗ ПОДВЕРГАЕТСЯ НАПАДЕНИЮ

Назавтра после работы Деточкин привычно маячил на остановке. Когда подошел желанный троллейбус, Юрий Иванович, как и все пассажиры, проник в него с задней площадки. Несмотря на роман с водителем, Деточкин не

разрешал себе ездить без билета. Он аккуратно проделал всю процедуру, связанные с бескондукторным обслуживанием, и оказался в Любиной кабине.

— Следующая остановка — Пушкинская площадь! — объявила в микрофон Люба, искоса поглядев на Деточкина.

— Люба, я должен с тобой поговорить!

Люба промолчала.

— Люба, я пришел с тобой мириться!

— А мы не ссорились! — холодно ответила Люба. Она следила — кончилась ли посадка?

— Можно ехать! — позволил Деточкин. — Одни сошли, другие сели.

Троллейбус покатил дальше.

— Зачем нам ссориться, Люба? Мы же с тобой близкие люди.

Люба горестно усмехнулась:

— Близкие люди знают все друг про друга! А ты все время что-то от меня скрываешь. Был шофером, вдруг становишься страховым агентом! Потом эти командировки... неожиданные... Какие? Почему?

Деточкину было противно лгать Любе, но сказать правду он не смел.

— Когда-нибудь ты все поймешь. Только чем позже это случится, тем лучше...

— Ты пришел издеваться надо мной, Юрий Иванович? — Люба устала от тайн Деточкина. — Перестань меня мучить, а то я задавлю кого-нибудь!

И она едва не выполнила это намерение.

— Значит, мы не помирились... — подытожил Деточкин, ударившись при резком торможении головой о стекло.

— Следующая остановка — площадь Маяковского, — печально сказала Люба. — Своевременно оплачивайте проезд!..

Так и не наладив отношений с Любой, Деточкин прибыл во Дворец культуры. В самодеятельности Юрия Ивановича любили. Он обладал прирожденными актерскими данными. Он был непосредствен и правдив в любой, самой невероятной драматической ситуации.

Атмосфера в репетиционном зале была накаленной. Вчера «Спартак» не смог одолеть «Динамо», и поэтому режиссер находился в трансе. Артисты знали футбольную слабость своего маэстро и сидели смирно.

— Каждый игрок должен знать свою роль назубок! — раздраженно выговаривал режиссер Подберезовикову, спуставшему текст. — Игрок не должен бестолково гонять по

сцене, играть надо головой! И не надо грубить! — цыкнул он на виновного, пытавшегося оправдаться. — А то я вас удалю с поля, то есть с репетиции!

В перерыве игроки, то есть артисты, вышли покурить.

Деточкин достал из кармана пачку сигарет и предложил Подберезовикову.

— Что у вас за сигареты? — заинтересовался Максим.

— «Друг», — безмятежно сообщил Деточкин.

Подберезовиков взял у него из рук злополучную пачку:

— Да... сигареты «Друг»... Собака на этикетке... Тридцать копеек...

— Я-то вообще «Беломор» курю, — разъяснил Деточкин с присущей ему откровенностью. — Но не было «Беломора».

— Это вы точно заметили — «Беломора» не было. Именно поэтому он и купил сигареты «Друг».

— Кто он? — все еще беспечно спросил Деточкин.

— Преступник!

Внезапно Деточкин ощутил себя на краю пропасти. Он хотел отступить, но сзади была стена. Проходить сквозь стены, даже сквозь сухую штукатурку, Деточкин не умел. Он безысходно взглянул на небо. По голубому потолку бодро вышагивали вполне реалистические колхозницы со снопами пшеницы. Деточкин пожалел, что он не с ними. Деваться было некуда.

— К-ка-кой преступник?

Следователь принял искуг приятеля за обычный обывательский интерес к нарушению закона.

— Современный, культурный. Я бы даже сказал — преступник нового типа! Раньше жулики что забывали на месте преступления?

— Что? — полюбопытствовал Деточкин.

— Окурки, кепки... А теперь — вот! — И Подберезовиков показал томик Шекспира, который Некто оставил в машине.

Деточкин вздрогнул и отшатнулся от книжки.

— Вы не бойтесь! — улыбнулся Максим. — Здесь нет пятен крови!

— Вы следователь?

Подберезовиков листал Шекспира.

— Отпечатков пальцев нет — преступник всегда работает в хлопчатобумажных перчатках. Нет ни библиотечного штампа, ни фамилии владельца — знаете, некоторые надписывают свои книжки...

— Знаю... Но я не надписываю! — заверил Деточкин.

— Я веду дела по угону машин, — продолжал Подберезовиков. — Но вам это неинтересно!

— Мне это чрезвычайно интересно! — Деточкин говорил святую правду.

— Я вам по секрету скажу, — понизил голос следователь, — в городе орудует шайка. Угоняет личные машины. За год из одного и того же района угнали четыре автомобиля.

— Три, — машинально поправил Деточкин.

— И вы уже слышали? Правильно, четвертую угнать не удалось. Но скоро с этим будет покончено! — вселил он надежду в Деточкина.

— П-почему?

— Вчера я задержал одного из членов шайки!

— К-кого? — поразился Деточкин. Он и не подозревал, что Некто в темных очках имеет сообщников.

— Представляете, инженер — из совнархоза. Жена — врач. Двое детей. Только что квартиру получил на юго-западе и занимается таким делом!

— А к-как он вы-глядит? — испугался Деточкин.

— Такой маленький, толстенный.

— Вы его арестовали? — Деточкин даже перестал заикаться. — Зачем такая строгая мера?

Подберезовиков снова улыбнулся.

— Он собирался удрать на курорт, но я взял с него подписку о невыезде!

— А вдруг он не сообщник? — горячо вступился Деточкин. — Инженер совнархоза, уважаемый человек, а вы лишили его заслуженного отдыха.

— Мое чутье тоже подсказывает — он не виноват, — задумчиво протянул следователь. — Но окончательное выяснение — дело нескольких дней. Мне уже известны приметы главаря шайки: он высокий, лицо обыкновенное, даже симпатичное, ходит с портфелем, в шляпе, и главная примета — сутулый.

Деточкин незаметно для Максима распрямил плечи.

— А как вы будете ловить главаря?

Подберезовиков не успел ответить. В вестибюле появился режиссер с судейским свистком:

— Прошу всех на второй тайм!..

У великого Репина в Куоккале были «среды», в «Литературной газете» на Цветном бульваре — «вторники», у Семицветовых в квартире № 397 — «понедельники» — два

раза в месяц. Тратить деньги на гостей еженедельно Дима не желал.

Приглашались нужные люди, поэтому Сокол-Кружкин, со свойственной ему меткостью, окрестил эти сборища «нужником». Самого Семена Васильевича никогда не звали. Однажды он все-таки появился, вмешивался во все разговоры, надрался коньяку и стал кричать, что Дима прохвост и по нему тоскует уголовный кодекс. Наиболее предусмотрительные гости не рискнули прийти на следующий «понедельник».

тельные гости не рискнули прийти на следующий «понедельник».

Сегодня подбор был изысканным. Пришли те, кто может достать пластик для дачи, пальто-джерси, дамские замшевые сапоги, билеты в Дом кино и многое другое, столь же необходимое.

Пришел поэт, осыпанный почестями и перхотью. Реальной пользы от поэта не было, но без него вечеринка была, как шашлык без шомпура. Главный гость окончил литинститут и стал поэтом. С тем же успехом он мог окончить мединститут и стать врачом. Все-таки лучше, что он окончил литературный институт...

Пришел и нужный Филипп Картузов. У него в «Пивном зале» можно было при случае укрыться в отдельном кабинете, вкусно поесть и потолковать о делах.

Вечер протекал интеллектуально. Рассказывались анекдоты средней скабрёзности, сообщались последние новости из серии «кто с кем живет» и «где что дают». Когда дошел черёд до Картузова, он поведал, как у него увели машину. Оказывается, Филипп бросился под колеса, чтобы заставить вора притормозить. Но машина у Филиппа была такая замечательная, что не захотела давить хозяина. Она

перепрыгнула через него и удрала! Вранье Картузова имело у выпивших гостей успех.

— Это называется гипербола! — пояснил поэт. Он долго читал свои стихи. Упрашивать его не приходилось.

«Понедельник» удался. Инна сновала между кухней и комнатой, демонстрируя завидные бедра. Дима надрывно пел под гитару блатные песни.

И вот меня обрили и костюмчик унесли,
На мне теперь тюремная одежда:
Квадратик неба синего и звездочка вдали.
Мерцают мне, как слабая надежда... —

Скорее всего выл Семицветов, боясь, что этот сюжет станет автобиографическим.

В этот вечер Дима не выглядывал в окно. Он не боялся за свою «Волгу». У него была на это уважительная причина.

А внизу, во мраке надвигающейся ночи сутулый мужчина, предварительно надев любимые хлопчатобумажные перчатки, привычно отпирал бежевую «Волгу». Вчерашний урок не прошел для него даром. Подняв капот, он преспокойно отключил секретный сигнал. Затем он сел за руль, положил на сиденье портфель с набором инструментов и поставил ключ в замок зажигания, чтобы завести машину. Он повернул ключ — машина смолчала! Чтобы включить скорость, он, как положено, нащупал ногой педаль сцепления и... закричал от нестерпимой боли!

Похититель не мог догадаться, что вчера же, после первого покушения, Дима купил в охотничьем магазине волчий капкан и тот же знакомый электрик установил его на педаль сцепления.

Капкан сработал — Деточкин был пойман!

Да, дорогой читатель! Ты, конечно, не мог догадаться, что машины угоняет Деточкин! А если ты все-таки догадался, то ты, дорогой читатель, как сказал бы С. И. Стулов, — молодец!

Деточкину было очень больно. Человек, не попадавший в капкан, не может себе этого представить, а волки никогда об этом не рассказывали. Деточкин не стал звать на помощь. Пре-

возможная боль, он попытался разомкнуть железные челюсти, стиснувшие его ногу. Но капкан был рассчитан на дикого зверя, и у Деточкина не хватило сил. Тогда он расстегнул спасительный портфель, достал ножовку и стал пилить железо, пока оно горячо...

«Понедельник» кончался. Радужные Семицветовы выпроваживали гостей. Чтобы ненароком никто не застрял, они вышли вместе с ними. Впереди шагал поэт. Он мучительно вспоминал, как зовут хозяина дома...

При виде бежевой Волги, все сильно развеселились.

— Люблю кататься по ночам! — взвизгнула жена того, кто достает модный пластик.

Компания окружила машину. Деточкин сжался в комочек, перестал пилить и сполз с сиденья на пол.

— Семицветов, твоя машина — блондинка! — состригли билеты в Дом кино.

— Димочка, повезите нас куда-нибудь! — попросило пальто-джерси.

При этих словах прикованному Деточкину захотелось завывать, как настоящему волку.

Гостей охватил энтузиазм.

— Дима, едем!

— Инночка, уговорите его!

Дима стойко отражал натиск:

— Нет, друзья, нет! Когда я принял — я не сажусь за руль!

— Дима, не трусьте! — крикнуло пальто-джерси, которому особенно хотелось кататься.

— Нет-нет! — поддержала мужа Инна. — Теперь изобрели такую пробирку. Милиция заставляет в нее дыхнуть, и сразу видно — пил или не пил! Если пил — напроочь лишают прав!

Гости разочарованно разбрелись.

Дима обошел вокруг машины и на всякий случай подергал дверцы. Одна из них, передняя левая, вдруг слегка поддалась и тут же, вырвавшись из Диминой руки, снова захлопнулась.

Дима изумился. Он дернул второй раз, но дверца не открывалась, так как сейчас Деточкин держал ее мертвой хваткой.

— Здорово же я набрался! — решил Дима. — Инночка! — обратился он к жене. — Я должен бросить себя в горизонтальное положение!

Когда Семицветовы скрылись в подъезде, Деточкин допил капкан и вывалился на мостовую вместе со своим

разлучным портфелем. С трудом поднявшись, незадачливый похититель заковылял прочь от подлой машины...

Люба испуганно вскочила с постели. Ее разбудил тревожный ночной звонок. Накинув халат, она, в предчувствии беды, выбежала в переднюю.

— Кто там? — крикнула Люба.

— Люба, это я! — голос был настолько жалкий и несчастный, что Люба сразу открыла.

В двери стоял раненый Деточкин и смотрел на Любу, как на свою последнюю надежду.

Податливое женское сердце дрогнуло.

— Что с тобой, Юра?

— Да вот, понаставили всюду капканов...

Люба подумала, что Деточкин бредит. Она обняла его за тонкие плечи и повела в комнату...

— Капкан на живого человека! — зло выговаривал Максим Подберезовиков Семицветовым, примчавшимся к нему на следующее утро. — Это, знаете ли, надо додуматься! Мы вас можем привлечь!

— Вот-вот! — возмутился Дима. — Бандит хотел угнать вашу машину! Он распилил мой собственный капкан! А вы попробуйте достать в Москве волчий капкан. Его ни за какие деньги не купишь!..

— Потише! — посоветовал следователь, и Дима, вспомнив, где он находится, тотчас присмирел.

— А вы хотите привлечь меня! — уже заискивающе закончил Дима. — Хороша законность!

Подберезовиков еще раз поднял глаза на Семицветова, и тот умолк.

— Преступник дважды пытался угнать одну и ту же машину... — рассуждал Максим. — Это совпадение не случайно. Я думаю, он хотел угнать именно вашу машину!

— Резонно. Я тоже об этом догадался! — робко съязвил Дима.

— Почему он прицепился именно к вашей машине? — продолжал следователь.

— Вы меня об этом спрашиваете?

— А кого же? — простодушно спросил Максим. — Вы не подозреваете никого из ваших знакомых?

— У нас знакомые, — обиделась Инна, — вполне приличные люди.

Про себя Дима подумал: может, действительно орудует кто-нибудь из своих?

— Вам никто не завидует? — продолжал расспрашивать следователь.

— Чему завидовать? У нас скромное положение. Умеренная зарплата. Мы живем тихо, незаметно...

Подберезовиков нажал кнопку звонка. На вызов в кабинет вошла Таня, как всегда, переполненная чувством.

— Таня, запросите поликлиники, не обращался ли кто-либо с характерной травмой ноги! — отдал распоряжение Максим.

— Хорошо! — согласилась Таня, с нескрываемой нежностью глядя в серые подберезовиковские глаза.

Позвонил телефон. Подберезовиков снял трубку и услышал добрый голос Деточкина.

— Привет Юрию Ивановичу! — расплылся в улыбке Максим. — Как — не придете? Смотрите, режиссер назначит вам штрафной удар!

На обоих концах провода рассмеялись.

— У меня нога болит, — сообщил Деточкин.

— Тогда вы лучше полежите... Пусть нога отдохнет... Всего вам хорошего... — посоветовал Подберезовиков и положил трубку на рычаг.

— У кого нога? — заволновался Дима.

— Это нога у того, у кого надо! — раздраженно ответил Максим и невольно сам задумался. Потом отогнал мысль, недостойную дружбы, и попросил Диму:

— Ну что ж? Звоните!

— Когда?

— Когда у вас угонят машину!

ГЛАВА

8

ПРО ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СВИСТ

Надвигался конец квартала. В районной инспекции Госстраха наступили суматошные дни. Надо было выполнять и перевыполнять квартальный план.

Руководитель инспекции Яков Михайлович Квочкин собрал своих подчиненных на краткий митинг. Он хотел вдохновить сотрудников на последний финишный рывок.

— Я сам пойду по квартирам! — заявил начальник, увлекая агента личным примером. — Но этого мало. По-

молотом, не создано ли за последний месяц какое-нибудь новое учреждение?

Посмотрели: создано Управление художественного свиста.

Решили: послать туда лучшего агента.

По опыту было известно, что в процессе организационной неразберихи еще не оперившиеся работники не умели оказывать достойного сопротивления мастерам страхового дела.

Слегка прихрамывающий Деточкин направился в УХС.

Художественный свист в течение многих лет находился в состоянии анархии. Никто им не занимался, никто ему не помогал. Артисты свистели кто во что горазд. Теперь этому был положен конец.

Управлению удалось захватить бывший дворянский особняк, расположенный в Дудкином тупике. В самом названии тупика было что-то символическое.

Когда Деточкин входил в особняк, его едва не облили цинковыми белилами. Управление, естественно, начало свою творческую деятельность с перекраски фасада.

Юрий Иванович, припадая на левую ногу, шел по длинному коридору, всматриваясь в таблички. «Высший художественный совет» — было начертано на высоких двустворчатых дверях, обитых черным коленкором на вате. На двери, обитой дерматином похуже и без звуковой изоляции, красовалась вывеска: «Главный художественный совет». Следующий вход был с матовым стеклом, как в уборных. Чтобы не создавать путаницы, табличка гласила: «Художественный совет». Кроме дверей с названиями, было множество безымянных.

Мимо Деточкина сновали рабочие и уборщицы. Они разносили по кабинетам новую мебель. Естественно, нельзя было работать по-новому при старой мебели.

Деточкин растерялся. Он не знал, с кого начать, и наконец вошел в первый попавшийся кабинет. Здесь трудился обаятельный Согрешилин. Увидев Юрия Ивановича, он заулыбался, обнял его, повел к кожаному креслу, усадил. Сам Согрешилин пристроился в таком же кресле напротив.

— Я еще не слышал, родной мой, но я должен предостеречь.

Деточкин ничего не понял.

— Конечно, в вашем репертуаре что-то есть... — дружелюбно улыбался Согрешилин.

— Я не свистун. — Деточкин начал понимать создающуюся ситуацию.

— А что вы делаете? — спросил Согрешилин. — Токуете тетеревом, ухааете филином, плачете иволгой, курлыкаете журавлем или стучите дятлом?

— Я насчет страхования, — начал было Юрий Иванович, но Согрешилин его перебил:

— А... понимаю. Вы текстовик! Вы предлагаете тему страхования? Но, согласитесь, родной, какой может быть страх у нашего человека?

— Но это государственное страхование, — поправил собеседника Деточкин.

— Государственное? — задумался Согрешилин. Он стал опасаться, что допустил промах. — В общем, это, конечно, тема...

— Можно застраховать на случай смерти... — предложил Юрий Иванович.

— Смерти не надо, — быстро вставил Согрешилин. — Художественный свист должен быть оптимистичным!

— Я хочу внести ясность, — настаивал Деточкин. — Я не подражаю птицам и не свищу.

— Будете свистеть! — убежденно заявил хозяин кабинета. — Здесь все свистят!

— Не хотите от смерти, я застрахую вас от несчастного случая. — Юрий Иванович достал из портфеля гербовую бумагу.

— Так вы страховой агент, — наконец сообразил Согрешилин.

— Я сейчас заполню бланк, а вы поставите подпись, — предложил Деточкин.

— Дорогуша! — Согрешилин смотрел на Деточкина, как на ближайшего друга. — Мне нравится ваша напористость. В общем, я не против. Но вы желаете, чтоб я так сразу поставил свою визу на документ? Ай-ай-ай! Это безответственно!

Профессиональный опыт не помог Деточкину. Битый час проторчал он у Согрешилина, но так и не смог уговорить его поставить свою подпись.

Деточкин ходил из кабинета в кабинет. Ходил он долго. Страховать были согласны все. Ставить свою подпись никто!

Деточкин устал. Нога болела. Он присел в холле на шаткий современный стул. Вокруг царила тишина. Лишь перестук пишущих машинок, доносившийся из машбюро, нарушал торжественный покой. Машинки отбивали отрицательные заключения по всем развлекательным мелодиям. Из их перестука складывался мотив антимарша, исполняе-

мого с лихой жизнерадостностью, как того и требовала эпоха.

Вдруг машинки замолчали. Вместо них дробно застучали каблучки. Из комнат выскакивали сотрудники и бежали в одном направлении. Согрешилили неся в первых рядах.

Из кабинета с табличкой «Начальник управления» степенно вышел С. И. Стулов. Увидев знакомое лицо, он негромко обратился к Деточкину:

— Ты теперь здесь работаешь? — Стулов привык к безудержному раздуванию штатов управления. Стулов по опыту знал, что зато потом будет кого сокращать.

— Сегодня здесь, — ответил Юрий Иванович.

— Молодец, — одобрил С. И. Стулов и направился в зал прослушивания вслед за табуном. Когда он удобно расселся на мягком диване, механики включили стереофонический магнитофон.

В рабочее время сотрудники управления дружно слушали фривольные программы низкопробных западных варьете, чтобы не допустить в родное искусство художественного свиста никакой безразличности. Сами сотруд-

ники считали себя настолько непорочными, что не боялись тлетворного влияния ни буржуазного твиста, ни буржуазного свиста.

Деточкин одиноко скучал в холле.

«Если бы я их страховал от потери занимаемой должности, выстроился бы длинный хвост», — с яростью думал Юрий Иванович.

Прослушивание закончилось одновременно с рабочим днем, ровно в пять часов.

Деточкин в потоке сотрудников пошел к выходу. Впервые за всю свою практику он не сумел застраховать ни одного человека.

ГЛАВА

9

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ, В КОТОРОЙ ЗА ДЕТОЧКИНЫМ УСТРЕМЛЯЕТСЯ ПОГОНЯ

Прошла еще одна неделя...

Районная инспекция Госстраха перевыполнила квартальный план. Страховые агенты выдали на-гора сто один и шесть десятых процента.

У Деточкина зажила нога. Отношения с Любой развивались в духе взаимопонимания. Деточкин исправно посещал репетиции и каждый раз интересовался, не удалось ли Максиму схватить главаря. Настроение у Юрия Ивановича было превосходным. Мучило одно — он так и не угнал семицветовский автомобиль.

Подберезовиков, подозревавший, что на Димину «Волгу» будет опять произведено покушение, установил за бежевой красавицей тщательную слежку. Но злоумышленник не подавал признаков жизни, может, он ушел в глухое подполье, может быть, его отвадил волчий капкан. Когда Дима поставил в своем дворе цельнометаллический гараж и запер его на японский замок, следовательно даже расстроился. Стало ясно, что ночью машину угнать невозможно, и было маловероятным, что, наученный горьким опытом, вор кинется на нее днем. След преступника терялся. За отсутствием прямых улик толстенькому пришлось отметить подписку о невыезде, и он улетел в Сочи, чтобы прийти в себя. В следовательском отделе уже подтрунивали над

Максимом, и только Таня защищала его, как могла. Потерпевшие тоже потеряли веру в нового следователя.

— Этот Подберезовиков... не ...авдал ...аше ...оверие! —
Появился Пеночкин Филиппу Картузову...

Снова, в который раз, стояла темная ночь. К гаражу приблизился Деточкин с неизменным портфелем в руках. В связи с установкой гаража Подберезовиков отменил ночное наблюдение, о чем Деточкин выведal на одной из репетиций. Юрий Иванович осмотрел защитное сооружение и нашел, что гараж хорош. Знакомый Деточкину японский замок был тоже недурен!

— Да,— рассуждал про себя Деточкин.— Эту крепость можно взять только автогеном. Но какая волынка! Баллон с кислородом, баллон с водородом, шланги, горелка... Можно, конечно, взорвать динамитом... Будет большой шум! Свидетели проснутся! Да, из этого гаража ее не вынешь. Спи спокойно, дорогой Семицветов! — И Деточкин ушел по солоно хлебавши.

Прошло двадцать четыре часа. Ночь опять не подкачала. Она была темная-претемная.

В постели рядом с женой спокойно спал дорогой Семицветов. Ему снился забор, который скрывал от завистливых глаз дачу, записанную на его собственное имя...

По ночной пустынной улице, слегка позвякивая, ехал автокран. Он свернул во двор и остановился возле гаража. Из кабины деловито выскочил Деточкин. Он взялся за крюк и подцепил его под японский замок.

— Вира! — скомандовал Деточкин.

Трос натянулся, и корпус гаража легко взмыл в воздух. На кирпичном полу беззащитно стоял бежевый автомобиль.

Зрелище гаража, парившего над «Волгой», было фантастическим. Жаль, что его видели только двое — Деточкин и водитель автокрана. Юрий Иванович напел крановщику с три короба, что, мол, кого-то надо встречать, что кто-то болен, что ключи у кого-то на даче. Самый вид Деточкина, все его слова были настолько искренними, что крановщик ни в чем не усомнился и взялся помочь.

Деточкин проворно открыл «Волгу», проверил, нет ли каккана или еще чего-нибудь новенького, отключил сигнал бедствия и вывел машину.

— Майна! — скомандовал Юрий Иванович, и автокран бережно опустил гараж на прежнее место.

В этот момент Дима проснулся. Ему захотелось по-маленькому. Не открывая глаз, он в полусне добрался до санузда. На обратном пути Дима подошел к окну, разомкнул слипшиеся веки и поглядел на гараж... Во дворе никого не было. Дима возвратился в постель и сразу заснул...

А Деточкин не терял времени даром. Он приехал на «Волге» в какой-то кривой переулочек. Он помнил, что под брезентом законсервирована ржавая колымага, которая в своей далекой молодости была легковым автомобилем. Убедившись, что за ним никто не следит, Деточкин поднял брезент и ловко отвернул номерные знаки. Нетрудно сообщить, что несколько минут спустя бежевая «Волга» № 49—04—МОТ уже выступала под шифром «82—14—МОП»...

Любу вновь разбудил ночной звонок.

— Кто там? — сонно спросила она.

— Люба, это я!

Люба испуганно отворила дверь:

— Что случилось? Опять капкан?

— Нет, на этот раз обошлось, — вздохнул Деточкин, не рискуя войти в квартиру. — Я пришел попрощаться, я уезжаю в командировку...

— Сейчас, ночью? — Люба старалась отвечать спокойно.

— Приходится... Можно, я от тебя позвоню маме? — Деточкин переступил порог.

— Езжай, езжай в Тбилиси! — и Люба ушла к себе в комнату.

— Зачем в Тбилиси? Я поеду еще куда-нибудь! — крикнул вдогонку влюбленный автомобильный жулик.

Ответа не последовало.

Телефон был в коридоре, и Деточкин позвонил домой.

— Мама! — нежно начал Деточкин, когда она наконец подошла. — Я не виноват, но я сейчас уезжаю в командировку...

Он отвел трубку от уха, чтобы не слушать того, что ему говорила мама.

— Я вернусь через несколько дней. Мама, не волнуйся! — попытался сказать он в конце, но все это оказалось лишним, так как мама уже повесила трубку.

Деточкин поскребся в дверь к Любе, но она заперла ее на крючок. Обстоятельства были таковы, что следовало торопиться. И Деточкин ушел, разрываясь между чувством и долгом.

Стоя у окна, Люба с изумлением увидела, как ее Юрий Иванович сел в шикарную «Волгу» и укатил по неизвестному маршруту.

На следующее утро Семицветовы встали рано. Накануне Дима договорился с механиком сделать «Волге» профилактику. Супруги быстро позавтракали и спустились к гаражу.

Механик уже поджидал их.

— Здравствуйте! — подобострастно поздоровался Дима. Автолюбители, особенно неопытные, всегда заискивают перед механиками, которые знают, что у машины внутри.

— У нас заедает левый поворот! — пожаловалась Инна.

— Поглядим! — сказал механик.

— Когда переводишь скорость, она вдруг «тук-тук-тук»... — добавил Дима.

— Послушаем! — сказал механик.

— И еще — греется переднее правое колесо, — продолжил Дима.

— Пошурим.

— Позавчера весь день пахло бензином! — вспомнила Инна.

— Понюхаем! — издевательски сказал механик. К людям, не смыслящим в технике, он относился свысока. — Вы отпирите гараж-то!

Дима достал из кармана ключ, похожий на иероглиф, отпер замок, снял его с петель, отодвинул засов и открыл первую створку ворот.

Машины в гараже не было!

Дима обомлел. Он не поверил своим глазам. Он распахнул вторую створку. Солнечный луч ворвался в гараж и осветил пустое место.

— Где машина-то? — бестактно спросил механик.

Дима и Инна тупо смотрели на кирпичный пол. Вчера перед сном они загнали «Волгу» в гараж и собственноручно заперли его на японский замок. Замок оставался целым, гараж стоял на месте, машины в нем не было!

— Чего молчите-то? — рассердился механик. — Я не для шуток пришел!

Ошарашенные мистическим исчезновением автомобиля, Семицветовы онемели. Они были не в силах издать ни единого звука. Они по-прежнему, не моргая, смотрели на пол. Кирпичный пол был в порядке. Значит, машина не провалилась сквозь землю.

— Тук-тук-тук.. — передразнил Диму механик. Он выразительно постучал пальцем по лбу и ушел...

...Чего только не узнаешь в дороге! Водитель не должен бессмысленно любоваться окрестным пейзажем. Даже на ходу он обязан расти, расширять свой кругозор, повышать интеллектуальный уровень. Именно для этого на краю шоссе понатыканы дорожные плакаты:

«Крым — лучшее место для отдыха!»

«Кавказ — лучшее место для отдыха!»

«Рижское взморье — лучшее место для отдыха!»

«Самолет — лучший вид транспорта!»

«Такси — лучший вид транспорта!»

«Суда на подводных крыльях — лучший вид транспорта!»

«Быстро, выгодно, удобно!» — это про Аэрофлот.

«Надежно, выгодно, удобно!» — это про сберкасса.

«Вкусно, выгодно, удобно!» — это про камбалу.

«Пейте советское шампанское!» — это специально для шоферов, чтобы не пили в дороге.

Вокруг советских городов
Сажай клубнику всех сортов!

Хочется вылезти и посадить.

«Лучшему строителю — право первого прыжка!» — это на строящемся трамплине. Бедный лучший строитель!

Читая проносящиеся мимо плакаты, Деточкин отвлекался от невеселых мыслей. Несмотря на замену номера, неприятностей можно было ожидать на любом километро пути.

Вдруг вдалеке, на обочине, ярким зеленым пятном возник неудачно покрашенный под цвет листвы милицейский мотоцикл. При виде инспектора ОРУДа Деточкин сбавил скорость — этот импульс присущ всем водителям. Беседа с инспектором как-то не входила в планы Юрия Ивановича. Он смотрел прямо перед собой, стараясь не встретиться взглядом с опасностью.

Но инспектор повелительно вытянул руку, приказывая Деточкину остановиться. В голове, как дорожные плакаты, замелькали лаконичные, но выразительные мысли:

«Почему остановил?»

«Что я нарушил?»

«Знает или не знает?»

«Наверное, знает!»

«Бегство — лучший вид спасения!»

«Но мотоцикл — самый лучший вид транспорта!»

И Деточкин притормозил. Мечтая отделаться штрафом

неизвестно за что, он зажал в руке мятый рубль и на плохо гнущихся ногах пошел навстречу гибели.

— Товарищ начальник! — обычным угодливым голо- сом нарушителя заныл Деточкин.

— Здравствуйте! — приветливо поздоровался старшина милиции. Он был немолод и устал от возни со своим седко-зеленым мотоциклом. — Я вижу, вы один едете! Если не торопитесь, помогите мне завести этот драндулет. Тут одному не справиться!..

— Завести мотоцикл?! — вскричал Деточкин, с трудом подавив желание расцеловать милиционера. — Обожаю заводить! — Он переложил рубль в карман, отодвинул старшину в сторону и с удовольствием ударил ногой по педали. Мотоцикл даже не чихнул.

— Аккумулятор подсел! — пожаловался инспектор. — Я давно прошу пересадить меня на другой мотоцикл.

— Со старым аккумулятором — это не жизнь, — почувствовал Деточкин. — Раз-два, взяли!

Они выкатили мотоцикл на асфальт.

— Садитесь! — предложил Деточкин.

Инспектор уселся в седло.

— Вперед! — скомандовал Юрий Иванович. Он побежал по шоссе, как молодая счастливая мама, толкающая перед собой коляску с сыном.

Однако мотоцикл не подавал признаков жизни.

Деточкин взмок, но продолжал бежать.

— Стоп! — сказал старшина и перешел на дружеское «ты». — Я вижу, ты уморился. Давай я тебя покатаю!

— Смысла нет.

— Тогда вот что, — посоветовал инспектор, — подцепим к твоей «Волге». У тебя есть трос?

— Кто его знает, что там есть? — вырвалось у Деточкина, но он тут же поправился. — Да я не помню. Сейчас погляжу.

Он подскочил к «Волге», открыл багажник, достал оттуда металлический канат и победно помахал им в воздухе.

— Есть буксир!

Старшина и Деточкин общими усилиями прицепили мотоцикл к «Волге». Деточкин сел за руль машины, милиционер снова прыгнул в седло, и они покатали по шоссе, связанные одной веревочкой. Наконец, непокорный мустанг чихнул и завелся. Проехав еще немного, они остановились. Деточкин отцепил канат.

— Спасибо, друг! — растроганно благодарил старшина. — Выручил.

— О чем разговор! — великодушно развел руками Юрий Иванович. — Человек человеку — друг...

— Точно, — подтвердил инспектор. — Случилась сомной беда — ты мне помог, случись с тобой беда — я тебе помогу...

— А вместе делаем общее дело, — оживился Деточкин, — ты по-своему, я по-своему...

И они улыбнулись друг другу.

— Скажи, брат, — спросил Юрий Иванович, — тут телеграф есть поблизости?

— Ты езжай за мной! — предложил инспектор и возглавил автоколонну.

Теперь впереди ехал старшина на милицейском мотоцикле, а за ним неотступно следовал Деточкин на угнанной «Волге». В таком порядке они и прибыли в мотель.

Мотель — такая гостиница, где раньше всего заботятся об автомобиле, а потом уже о человеке. И, как ни странно, человека это устраивает. Машина здесь моется, отдыхает, поправляет свое здоровье, а ее владелец комфортабельно блаженствует в кругу себе подобных. Непривыкшее к ласке сердце автотуриста тает от восторга, и он начинает думать, что иметь машину хорошо! Вечерами в холле можно участвовать в викторине на тему: «Правила уличного движения», а на спортивной площадке сыграть в популярную культмассовую игру «Не уверен — не обгоняй!» Те, кто не любят игр и предпочитают тихую жизнь, могут посмотреть в лекционном зале научно-популярный фильм «Непереклочение света ведет к аварии!»

Деточкину предложили место на стоянке и номер с балконом. Юрий Иванович отказался. Он заторопился на телеграф и отправил товарищу Квочкину скорбную депешу:

«Слезно прошу оформить отпуск пять тире шесть дней свой счет связи катастрофическим состоянием здоровья любимого племянника заранее благодарен Деточкин».

А рядом в телефонной будке старшина милиции выслушивал сообщение о том, что если на его участке появится бежевая «Волга» № 49—04—МОТ, то ее следует задерживать!

Деточкин и инспектор вместе вышли на улицу. Они шагали вдоль стоянки, где собрались машины самых разнообразных марок и цветов. Заметив, что за руль бежевой «Волги», точно такой же, как у Деточкина, садится дородный седой мужчина, собираясь отъехать, инспектор бросил Юрия Ивановича на произвол судьбы и побежал.

— Документы на машину, пожалуйста! — услышал Деточкин.

— Прошу вас! — И седой мужчина, на лацкане пиджака которого поблескивал лауреатский значок, полез за документами.

Деточкин, почуяв, что дело пахнет керосином, зашпешил к бывшей семицветовой «Волге». Он включил двигатель и в зеркальце, укрепленном над рулем, увидел, что теперь инспектор идет к нему.

Когда у тебя нет документов на машину, а их собираются проверять, то бегство, на самом деле, лучший путь к спасению! Деточкин, не мешкая, лихо рванул с места!

Стремительный старт бежевой «Волги» показался инспектору подозрительным. Он подбежал к своему мотоциклу и ударил ногой по педали. Двигатель сразу завелся. Мысленно поблагодарив за это Деточкина, инспектор устремился за ним в погоню!

Погоня! Какой детективный сюжет обходится без нее! В погоне может происходить все! Можно на обыкновенной лошади догнать курьерский поезд и вспрыгнуть на ходу на крышу купированного вагона! Можно запросто перескочить с одного небоскреба на другой! Можно пронестись на машине под самым носом электрички, хотя в действительности шлагбаум закрывают задолго до появления состава! Можно уцепиться за хвост реактивного лайнера, спрыгнуть в океан в нужном месте и схватить за горло мокрого преступника!

Один бежит — другой догоняет! Таков непреложный закон жанра! Детектив без погони — это как жизнь без любви!

Деточкин выжимал из рядовой «Волги» все, что она могла дать. Инспектор тоже выжимал из рядового мотоцикла максимум скорости. Выжимали они приблизительно одинаково, и расстояние между ними не сокращалось. Их разделяли двести метров, проигранных старшиной на старте.

Они нудно мчались без всяких происшествий. На дороге не было препятствий, моторы работали исправно, горючее было в изобилии, нервы гонщиков не сдавали.

Неизвестно, как долго бы это продолжалось и чем закончилось, если бы Деточкину не бросился в глаза дорожный знак: «Осторожно, дети!» Рядом приказывал второй знак: «Скорость 20 км!» И напоследок огромный плакат взывал: «Водитель! Будь осторожен! Здесь пионерский лагерь!»

Деточкин любил детей. Он резко затормозил. Стрелка спидометра поползла вниз и замерла на цифре «20». Лицо Юрия Ивановича приняло мученическое выражение. Он видел, что инспектор приближается к нему с угрожающей быстротой.

Стиснув зубы, Деточкин продолжал ехать со скоростью двадцать километров в час! Инспектор был уже совсем близко. Деточкин понял, что это конец! Ему хотелось закрыть глаза, но он боялся задавить пионера.

Инспектор примчался к роковому рубежу и поглядел на запрещающие знаки.

Инспектор тоже любил детей и в благородстве не уступал Деточкину. Хотя догнать бежующую «Волгу» не составляло сейчас никакого труда, старшина резко затормозил и тоже ползл со скоростью двадцать километров в час! Лицо его страдальчески исказилось, но он держал себя в руках и упорно тащился в темпе катафалка.

Зато Деточкин, которого умилил поступок инспектора, воодушевился.

Теперь они ехали друг за другом на расстоянии каких-нибудь двадцати метров. А по обеим сторонам шоссе в густой зелени виднелись светлые корпуса. Около них резвились пионеры. Им было категорически запрещено выбегать на дорогу.

Деточкин первым подъехал к концу детской зоны. Облегченно вздохнув, он сразу понесся как угорелый! Инспектор продолжал двигаться медленно. «Волга» удалялась!

Но вот и инспектор тоже вырвался на свободу и устремился в бешеную погоню! Его отделяли от «Волги» прежние двести метров. Все началось сызнова!

Шоссе, по которому они мчались, пересекала автострада. Этот перекресток был новейшим сооружением в два этажа, с поворотными бетонированными кругами. Сверху он, как известно, напоминал клеверный лист или две гигантские восьмерки.

Деточкин решил воспользоваться сложным переплетением дорог и уйти от старшины. Деточкин повернул направо.

В свою очередь инспектор, надеясь перехитрить преследуемого, повернул налево, чтобы встретиться с ним лицом к лицу...

Началась диковинная гонка. Одурев от долгой погони и потеряв всяческую ориентацию, они то мчались в разные стороны, то неслись навстречу друг другу, то инспектор

оказывался впереди Деточкина, и тот его старательно нагонял, то они менялись местами. Одним словом, была полная неразбериха.

Вдруг Деточкин увидел впереди тягач, который тащил за собой длинную пустую платформу.

Деточкину пришла в голову дерзкая мысль.

Он с ходу вогнал свою «Волгу» на движущуюся платформу и затормозил.

Милиционер проскочил мимо, искренне удивляясь, куда девался преследуемый.

Водитель тягача спокойно жевал булку с отдельной колбасой и ничего не подозревал, а Деточкин покатался на платформе, пока ему не надоело, дал задний ход, снова съехал на шоссе, и... тотчас же милицейский мотоцикл оказался рядом.

— Попался, брат! — торжествующе произнес инспектор.

— Да уж... попался... — согласился Деточкин.

— От милиции не уйдешь... — И, как водится, именно в этот момент мотоцикл чихнул и заглох!

Деточкин высунулся в окно и с удивлением отметил, что мотоцикл сначала отстал, а потом и вовсе остановился. Деточкин тоже остановил «Волгу», но на почтительном расстоянии.

Инспектор сполз с мотоцикла.

— Ты погоди, не уезжай! Понимаешь, опять аккумулятор!

— Я тебя предупреждал, — отозвался Деточкин, — со старым аккумулятором — это не жизнь!

Инспектор стал приближаться к «Волге».

Деточкин слегка нажал на газ. Машина тронулась с места. Деточкин соблюдал дистанцию. Так они и беседовали, словно инспектор ОРУДа вышел на шоссе проводить Юрия Ивановича и давал ему вдогонку последние дружеские наставления.

— Я этого всегда боялся! — сознался инспектор. — Будет важная работа, и он подведет! Вот не пересадили меня на новый мотоцикл!

— Сочувствую! — вздохнул Деточкин. — Не повезло тебе!

— Зато тебе повезло!

— Из нас двоих кому-то должно было повезти! — резонно заметил Юрий Иванович.

— А чего ты от меня удирал? — вдруг спросил инспектор.

— Привычка! — ответил Деточкин. — Ты догоняешь, я удираю!

— И у меня привычка! — поддержал шутку старшина. — Ты удираешь, я догоняю! Вышел бы, друг, помог завести мой мотоцикл. Подцепили бы к «Волге», как в прошлый раз... — Хотя на машине Деточкина стоял другой номер, а не «49—04—МОТ», инспектор превосходно понимал, что здесь дело нечисто.

— Э, нет, брат, — улыбнулся Юрий Иванович. — Я уже убедился, как ты отвечаешь на доброту... Счастливо тебе, и не поминай лихом!

И Деточкин пустился наутек!

ГЛАВА

10

В КОТОРОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ УЗНАЛ, КТО УГОНЯЕТ МАШИНЫ

Прибыв к осиротевшему гаражу Семицветовых, Максим Подберезовиков сразу выдвинул рабочую гипотезу: тут не обошлось без автокрана! Всякая догадка нуждается в подтверждении, и поэтому был проведен так называемый следственный эксперимент.

Во двор вызвали автокран. Правда, приехал не тот кран, который действовал ночью, но для эксперимента это не имело значения.

Максим попросил Семицветова запереть гараж на замок. Затем Подберезовиков в точности повторил все ночные манипуляции вора, и, к восторгу многочисленных зевак, запрудивших двор, кран непринужденно поднял гараж в воздух.

Максим торжествовал. Таня гордилась любимым следователем. А Диме было не по себе оттого, что он сделался центром внимания.

С тех пор как преступник умудрился угнать семицветовскую «Волгу», Подберезовиков стал особенно популярен в следовательском отделе. Его коллеги вскладчину приобрели для Максима ценный подарок.

Когда следователь вместе с помощницей, вернувшись с места происшествия, подвергал кропотливому анализу

цель роковых событий, дверь неожиданно распахнулась, и кабинет своим ходом шумно въехала игрушечная заводная бежевая «Волга». На ней был прикреплен бумажный номер «49—04—МОТ».

Видя, что из коридора за ним выжидающе наблюдало двадцать пар глаз, Максим не растерялся. Он бросился к машине, схватил ее и прижал к груди обеими руками.

— Таня! — ликующе закричал Максим. — Я ее поймал! Потому что весь коллектив, как один человек, пришел ко мне на помощь! Можно писать рапорт начальнику!

— Зачем писать? — крикнули из коридора. Там хотели, чтобы последнее слово осталось за ними. — Доложишь устно. Он тебя вызывает!

— Вот это уж неостроумно! — парировал Максим.

— Зато правдиво! — немедленно последовало в ответ.

Зазвонил телефон. Таня сняла трубку, и оказалось, что Максима действительно требует начальник.

Подберезовиков отдал игрушку Тане.

— Заприте ее в несгораемый шкаф! — громко, чтобы слышали в коридоре, распорядился Максим. — И поставьте часового, а то дерзкий бандит не постесняется угнать ее и отсюда!

И он направился к начальнику, провожаемый одобрительными взглядами товарищей, оценивших его выдержку.

Справедливо ожидая разноса, Максим нервно переступил порог кабинета Георгия Сергеевича Калужского. Начальник поднялся из-за стола во весь свой двухметровый рост.

— Максим, вы удивитесь, но я вам завидую! — Предугадать ход мыслей Калужского было всегда невозможно, и Максим напряженно ожидал, что произойдет дальше. — Волчий капкан, — весело продолжал начальник, — японский замок, автокран — романтика! Вам все завидуют! Правда, вы не можете поймать преступника, но это уже мелочь! Зато вы с интересом наблюдаете, как разворачиваются события. Сознаться, вам нравится незаурядный жулик? Он неустанно угощает вас чем-нибудь новеньким. Может быть, он талантлив? Может быть, он талантливее вас?

— Очень может быть... — подавленно согласился Максим.

— Вы прекрасно устроились, — в той же насмешливой интонации продолжал Калужский, — он будет себе угонять машины, а вы будете себе получать зарплату!..

— Но, Георгий Сергеевич... — взмолился Подберезовиков, чувствуя себя идиотом.

— Шутки-шутками, — перебил Калужский, — но эта история стала уже скандальной. Мы назначили вас вместо испортившегося Чуланова, потому что вы подавали надежды. Но хватит подавать надежды, подавайте преступника!

Максим чувствовал свою вину и молчал.

Вконец добывая подчиненного, Калужский спросил:

— Скажите, Максим, какого цвета игрушечный автомобиль вам надо будет дарить в следующий раз?

Подберезовиков, убитый горем, вернулся к себе в кабинет. Таня не выдержала. Она решила спасти дорогого человека.

— Я вас люблю, Максим Петрович! — твердо заявила Таня.

Но объяснение не получилось. Как и следовало ожидать, Подберезовиков понял ее неправильно.

— Не надо меня утешать! — сказал Максим. — Я вас тоже люблю. Давайте-ка лучше задумаемся над странным влечением нашего друга именно к машине Семицвотова.

Таня покорно снесла и это. Она знала, что ее удел — страдать!

Чтобы найти ключ к мучившей его загадке, Подберезовиков решил поближе познакомиться с личностью потерпевшего.

Раньше всего он направился к управдому. Следователь трижды приходил в часы приема, указанные в объявлении, но каждый раз дверь была заперта.

Наконец ему удалось поймать водопроводчика. Он утешил Максима тем, что жильцы гонятся за управдомом месяцами — и ничего, живут... А от управдома все одно никакой пользы...

Максим не стал с ним спорить. Он поднялся лифтом на верхний этаж, намереваясь посетить соседей Семицвотова.

— Вы что же, меня подозреваете в краже? — в упор спросил Ерохин из квартиры № 398.

— Что вы? — удивился Максим. — Но я хотел бы спросить, не подозреваете ли вы кого-нибудь?

— А я у вас сыщиком не служу! — Ерохин не выказывал желания продолжать разговор.

— Но машину-то угнали! — не унимался Максим. —

И тут Ерохин не сумел скрыть неприязни к своему соседу. И этому была причина — Ерохин не терпел паразитов.

— Я за Семицветова спокоен! Он новую купит! — и перешел в атаку на следователя: — До чего у вас профессия противная — выщипывать, выслеживать...

— А по-вашему, — в тон ответил Максим, — пусть себе воруют, расхищают?

— А они и так крадут и тащат. И дачи возводят! А вы им машины ищете, уважаемый товарищ следователь!

— Вы что же хотите сказать, что Семицветов — жулик?

— Нет, — возразил Ерохин, — заявлять — это не по моей части!

— Понятно! — сказал Максим. — До свидания!

— Прощай! — поправил его дотошный Ерохин.

В комиссионном магазине царила обычная торговая сутолока. Среди продавцов не было видно Димы. Его загнала в угол усатая покупательница с полновесным бюстом.

— Димочка, — шептала она басом прямо ему в лицо, — вы позвонили, и я тут как тут!

— Есть магнитофон «Грюндиг», — сообщил Дима, тщетно пытаясь высвободиться. — Стереофония. Идеальное состояние. Элегантный внешний облик. То, что вам надо!

— Выпишите, пожалуйста! — даже не поглядев магнитофона, согласилась женщина-усач. — Я все помню... — кокетливо намекнула она.

Дима решил внести поправку. Он растопырил пять пальцев на одной руке и дополнительно показал три пальца на второй.

— Мы же договорились — пять! — охнула покупательница.

— У меня изменились обстоятельства! — невозмутимо доложил Дима. Они в самом деле изменились: Дима начал копить на новую машину.

Но сделка не успела состояться. Семицветов внезапно увидел следователя, который подходил к прилавку.

Дима похолодел. Он грубо оттолкнул даму и метнулся на свое рабочее место.

Продавец не знал, что Подберезовиков сначала посетил директора магазина. Тот выдал Диме превосходную аттестацию:

— Семицветов — гордость комиссионной торговли! Семицветов — это чуткость и отзывчивость! Семицветов — это знание продукции и проникновение в душу потребителя! Семицветов — это фотография на Доске передовиков.

— Я вижу, Семицветов — ваша слабость! — улыбнулся Максим.

— Семицветов — моя сила! — гордо объяснил директор. Он был убежден в непогрешимости своего продавца.

— Здравствуйте, товарищ Семицветов! — поздоровался следователь, удивившись, что в таком заштатном теле помещается столько добродетелей. — Когда вы освободитесь, я хочу с вами поговорить.

— Я свободен! — пролетел Дима. И про себя добавил: «Пока свободен!» Он был убежден, что Подберезовиков слышал его разговор с усатой хищницей.

И как бы в подтверждение его догадки, следователь сказал:

— Вы сначала закончите с гражданкой ваши дела!

Потными от страха руками Семицветов выписывал чек на пресловутый «Грюндиг». Подберезовиков терпеливо ждал, дама поплыла в кассу. Максим с интересом рассматривал дорогой магнитофон.

— Может, вам нужен такой аппарат? — с надеждой спросил Семицветов.

— Спасибо, не нужен, — ответил Подберезовиков.

И в этот момент послышалось то, что сейчас больше всего боялся услышать Дима.

— Димочка, можно вас на минутку? — и усатая грендерша сделала попытку снова загнать Семицветова в угол. На Подберезовикова она не обращала никакого внимания. Ей было невдомек, что это следователь.

— Пожалуйста, заберите вашу покупку! — стойко оборонялся Дима.

Увидев, что он не идет в угол, дама навалилась на прилавок и попыталась тут же всучить мзду.

— Не оскорбляйте мое достоинство советского продавца! — громко возмутился Семицветов.

— Но как же... я так не могу... — сконфузилась покупательница и предательским шепотом добавила: — Мы же договорились!

Максиму стало интересно.

— С кем и о чем вы договорились? — снова чересчур громко спросил Дима. Он переиграл и этим выдал себя. А Максим недаром был актером.

Женщина окончательно растерялась. Усы ее поникли.

Ина схватила в охапку тяжелый магнитофон и с позором выкатилась из магазина.

— Унижают меня, третируют, топчут,— жалобно сказал Дима, ища поддержки у следователя.

— Я вам сочувствую! — не без сарказма заметил Максим. — И машину у вас угнали! Вы невезучий!

— Это правда! — согласился продавец.

— Почему же вы не спрашиваете о судьбе вашей «Волги»? — жестоко полюбопытствовал Максим.

— Я еще не успел,— неуклюже оправдался Дима. — А есть какие-нибудь новости?

— Нет! — сухо ответил Максим.

— Вы... Вы пришли еще что-нибудь узнать?

— Спасибо, я уже узнал.

И следователь покинул помещение.

Диме и правда не везло. Вернувшись домой в этот трагический день, он застал у себя Сокол-Кружкина.

— Я погиб! — с порога сообщил Дима. — Меня застукали! — И поведал родичам о визите следователя.

— Тебя посадят! — бодро сказал тесть. — А ты не воруи!

— Вы же у меня в доме! — огрызнулся Дима.

— Твой дом — тюрьма! — расхохотался Сокол-Кружкин.

— Папа! — решительно вмешалась Инна. — Твои казарменные шутки сегодня неуместны!

— Что же делать? Что же делать? — Дима не находил себе места.

— Сухари сушить! — от души посоветовал тесть.

— Надо дать следователю в лапу! — внесла предложение практичная Инна.

— Ты сошла с ума! — вздрогнул супруг.

— Надо дать много, и тогда он возьмет! — сказала Инна.

— Молчать! — зашелся Семен Васильевич. — Смирно! Не допущу! Позор!

Инна не позволила ему продолжать.

— С твоими поучениями, папочка, ты лучше бы выступал на рынке!

— Я торгую клубникой, выращенной собственными руками! — Семен Васильевич показал свои натруженные ладони. — А за взятки не то что зятя, родную дочь сотру в порошок!

Дима заплакал.

Он плакал оттого, что, как сапер, подорвался на mine, 67

что заяра потерял восемьдесят рублей, что надо будет всучить следователю взятку, а это страшно, оттого, что тесть у него мерзавец, и вообще оттого, что плохо быть во-
ром в этой стране!

Сокол-Кружанин с презрением посмотрел на ревущего зятя и сказал, садясь к обеду:

— Ничего! В тюрьме тебя перевоспитают. Лет через десять вернешься другим человеком!..

Дима три дня носил в кармане изрядную сумму, упакованную в конверт с идилическим рисунком, но не решался идти к следователю. На четвертый день Инна записнула в такси сопротивлявшегося мужа и привезла его к зданию прокуратуры.

Когда Дима поднимался по лестнице, от страха его подташнивало. В коридоре он начал икать и стал двигаться толчками в такт икоте.

Он был столь взволнован, что ввалился в кабинет Подберезовикова, не постучав. Встретившись взглядом со следователем, Дима интуитивно осознал, что если он вручит конверт, то уже не выйдет из этого здания без кон-
воля.

И вдруг случилось самое страшное: Дима лишился дара речи!

— Здравствуйте! — недоуменно сказал Максим, не ожидавший посетителя.

Дима хотел ответить, но не сумел. Он только кивнул.

— Что-то опять случилось? — спросил следователь.

Дима отрицательно помотал головой.

— Что с вами? Вы плохо себя чувствуете?

Дима вновь примитивно кивнул. В мимическом искусстве он сильно уступал Марселю Марсо.

Максим налил в стакан воды и протянул немому.

Дима покачал головой. Он по-прежнему не мог вспомнить ни одного слова.

Ситуация стала забавлять Максима.

— Зачем вы пришли?

Ответить на подобный вопрос было чересчур сложной задачей для начинающего мима. Сделать то, ради чего он явился, — достать из кармана конверт и передать следователю — Дима почему-то не хотел. Он застыл, как истукан, глупо моргая.

— Знаете, у меня нет времени играть с вами в молчанку! — прикрикнул Максим.

Дима обрадовался.

Каконец у него появился предлог уйти, и уйти без вооруженного сопровождения. Он попытался к двери. На выходе, в предчувствии свободы, у него прорезался голос.

— Я пошел... — сказал Дима.

Правда, очутившись в коридоре, Дима не пошел, а побегал.

Он вылетел на улицу, пронесся мимо жены и скрылся за углом.

Чтобы догнать сбежавшего, Инна снова прибегнула к помощи такси.

— Ну? — зашипела Инна, перехватив бегуна. — Что ты мчишься? Разве за тобой гонятся? Он взял, да?

— Ты — дура!.. — первый раз назвал жену ее настоящим именем Дима Семицветов...

Максим Подберезовиков переживал трудные дни. Как у всякого одаренного человека, у него было, конечно, чрезмерно развитое чувство самокритики. Он обзывал себя всякими нехорошими словами. Но это не помогало раскрытию преступления.

Единственной усладой Подберезовикова оставались те вчерашние, когда он приходил во Дворец культуры и приобщался к гению Шекспира. Но последние две репетиции были отравлены тем, что не являлся партнер Максима — Деточкин.

Подберезовиков направился к нему домой выяснить, в чем дело.

— Я из народного театра, — представился Максим маме Деточкина.

Антонина Яковлевна встретила его радушно. Она сказала и была рада любому гостю.

— Я очень довольна, что Юра играет в театре. Поэтому, у него есть способности. Я ненавижу Юрины командировки, — продолжала мама, как обычно, без всякой связи. — Всегда срывается среди ночи и исчезает. Люба права — тут что-то неладно...

— Кто это Люба? — едва успел вставить Максим.

— Юрина невеста. Он какой-то несовременный — очень долго за ней ухаживает. Она водит троллейбусы — славная женщина! Они познакомились, когда он пришел ее страховать. Какие у страхового агента могут быть командировки? Почему он возвращается нервный? А на этот раз он заявил Любе, что поедет не в Тбилиси, а еще куда-нибудь. Вы мне можете объяснить, что все это означает? Вы кто по профессии?

— Следователь! — Максим слушал монолог словоохотливой мамы Деточкина с возрастающей внутренней тревогой.

— Вот вы и разберитесь! — отреагировала на профессию Максима Антонина Яковлевна. — Когда я была молоденькой, за мной тоже ухаживал следователь, но я вышла замуж за красноармейца.

— А когда Юрий Иванович уехал? — спросил Подберезовиков с тайной надеждой.

— На нашей свадьбе гулял весь полк. Мы пели «Наши паровоз, вперед лети, в коммуне остановка», — продолжала вспоминать мама. — Вы знаете эту песню?

— «Иного нет у нас пути, в руках у нас винтовка», — закончил Максим. — Когда он все-таки уехал?

— Трое суток назад, ночью, — сказала Антонина Яковлевна. — И представьте себе, самое поразительное: он заехал прощаться к Любе на какой-то «Волге»!

— Может, это было такси? — Следователь должен быть человеком, который всегда сомневается.

— Нет, он сам был за рулем.

— Разве Юрий Иванович умеет водить машину?

— Еще бы! — с гордостью сказала мама, не подозревая того, что творит. — Десять лет шофером работал, потом в аварию попал. У него было сотрясение мозга. Он лежал у Склифосовского. Я тоже не выходила из больницы. Врачи посоветовали Юре пока не ездить. И он пошел в страховые агенты, временно, конечно. Я так хочу, чтоб они поженились! Я мечтаю о внуке или о внучке, мне все равно!

Максим улучил удобный момент, поспешно распрощался и ушел.

Он был потрясен своим открытием.

Он вспоминал, и воспоминания жгли его сердце.

«Деточкин проявлял болезненный интерес к поиску главаря...

У Деточкина болела нога как раз на следующий день после истории с волчьим капканом...

Деточкин горячо защищал толстенького...

Деточкин обычно курил «Беломор», но тогда у него оказались сигареты «Друг»...

Наконец, Деточкин исчез той самой ночью, когда у Семицветова угнали машину...

Улики? А может быть, совпадения?

Нет, это улики! Но косвенные, а не прямые!»

Тут Максим, который шагал по вечернему городу, остановился.

Он ясно увидел перед собой доверчивые, добрые, грустные глаза Юрия Ивановича, которые смотрели на него с укором.

И Максим осудил себя за дешевую подозрительность, за пристрастие к первой, поверхностной версии, за оскорбление дружбы.

«Юрий Иванович — скромный работяга, небогато живет, любит искусство. Как он grandioso репетирует! Как он правдив и естествен!

Нет, конечно, не Юрий Иванович крадет автомобили!

А может быть, все это маскировка?»

Максим опять зашагал по улице, ускоряя темп.

«Конечно, Деточкин притворяется! Он актер не только в народном театре, но и в гуще народной жизни! Ведь я сам сообщил ему, что снял слезку с семицветовской машины, и он тотчас же нагло воспользовался моей откровенностью! Это не я оскорбляю дружбу, а Деточкин втоптал ее в грязь!»

Максим бежал и бежал по ночной Москве. Он задыхался. Он перестал бежать, остановился и обнял фонарный столб.

Подберезовиков являл собой образец сомневающегося следователя, и это было прекрасно!

Казалось, все нити вели к виновности Деточкина, но Подберезовиков упорно боролся с логикой. Сердце подсказывало ему, что тут дело не просто!

«Может, я ошибаюсь? — терзал себя Максим. — Может, я поддался на болтовню пожилой женщины? Надо еще раз тщательно все взвесить. У меня сдают нервы. Я готов посадить друга. Юрий Иванович не должен быть виновным!..»

Максим вернулся домой. Он не спал ночь. Он

страдал. Его мысли путались. Он изо всех сил сдерживал себя и остерегался выводов. Он сопоставлял факты. Он опровергал факты. Он ходил по комнате. Он пил кофе.

«Каждый преступник совершает свое преступление не ради удовольствия, а с конкретной целью. Для чего Деточкину похищать машины? Что делает он с таким количеством денег? Копит? Не похоже! Предается разгулу? Тоже маловероятно.

Нет, Юрий Иванович не преступник!..»

А утром следователь побежал в районную инспекцию Госстраха, все еще надеясь, что Юрий Иванович послан в командировку на служебной машине.

Но Яков Михайлович Квочкин окончательно разоблачил своего страхового агента:

— У Деточкина уйма хилых родственников. На этот раз вышел из строя его любимый племянник.

В душе Максима все оборвалось и рухнуло. Его положение стало отчаянным: вина Деточкина была теперь бесспорной!

Заставив себя отбросить эмоции, Подберезовиков приступил к выполнению служебного долга. К концу дня в кармане следователя лежало подписанное прокурором постановление на арест Деточкина Ю. И., обвиняемого в краже автомобилей!

ГЛАВА

11

В КОТОРОЙ ЧЕЛОВЕК, УКРАДШИЙ МАШИНУ, ТОРОПИТСЯ ОТ НЕЕ ИЗБАВИТЬСЯ

Мерно шумело море. Отдыхающие, поверившие плакату, что Рижское взморье — лучшее место для отдыха, мерзли на песчаном берегу, не решаясь войти в холодную воду. Все были счастливы, так как сегодня не шел дождь. На пронизывающем ветру дрожали вековые сосны, распространяя вокруг себя полезный для здоровья аромат.

К пляжу подъехала бежевая «Волга», та самая. В отличие от других машин, из которых выскакивали полуголые курортники, из этой никто не вышел.

Рядом с Деточкиным, на переднем сиденье, отсчитывал

дошли добротной откормленный элегантный мужчина с на-
бриллированными жидкими волосами.

— Десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать... —
огненно перебирал рублевые бумажки покупатель ма-
шины.

— С ума сойти! — нервничал Деточкин. — У вас что
же, все деньги рублями?

— По-старому это десять рублей, и, пожалуйста, вы
что, не считаете рубль за деньги? Четырнадцать, пятна-
дцать, шестнадцать...

— Это не по-честному! — был недоволен Деточкин. —
Как я потащусь с охапкой денег?

— И, пожалуйста, не сбивайте меня, а то я вынужден
буду начать сначала. Семнадцать, восемнадцать...

Деточкин смирился и замолчал. У него не было другого
покупателя. Вот уже три дня он мотался по Риге и ее
живописным окрестностям, но никто не хотел покупать ма-
шину без документов. Положение Деточкина было отчаян-
ным, как вдруг подвернулся этот тип.

Он считал очень долго. Невдалеке продрогшие курорт-
ники с ожесточением играли в волейбол. Некоторые согре-
вались другим способом — отхлебывали из термосов горя-
чий чай или более крепкие напитки.

Покупатель все еще считал. Кажется, он приближался
к концу. Деточкин мысленно поблагодарил его за то, что
он не припас мелочи.

— Пять тысяч четыреста девяносто восемь, пять тысяч
четыреста девяносто девять, пять тысяч пятьсот! — закон-
чил подсчет бесстрастный голос. — Все!

— Почему у вас деньги одними рублями? — не отста-
вал Деточкин. — Это что-то подозрительно, нехорошо!

Новый владелец «Волги» насмешливо поглядел на
Юрия Ивановича.

— Разве вы прокурор? Я же не интересуюсь, откуда
у вас машина и почему на нее отсутствуют документы.

— А я могу ответить, — нисколько не смутился Деточ-
кин. — Я угнал эту машину. Могу сообщить, у кого и за
что...

— Ну что же, — усмехнулся покупатель. — Сыграем в
эту игру. — Я — пастор! Эти рубли — пожертвования моих
прихожан. Ему! Но — осталось немножко...

— И вы верите в бога? — поинтересовался Деточкин.

— Все люди верят, — улыбнулся пастор, — одни верят,
что бог есть, другие верят, что бога нет. И то и другое
недоказуемо... Будете пересчитывать?

— Буду! — И Юрий Иванович приступил к обязанностям кассира.

Летний день клонился к вечеру. Надев мохнатые свитера или пальто-деми, курортники переключались на новый вид отдыха. Толпа фланировала по берегу, увязая ногами в песке. Отдельные сумасшедшие все еще пребывали в купальных костюмах, мужественно борясь с обледенением тела.

Деточкин вышел из «Волги», держа вздувшийся портфель, битком набитый рублями.

Пастор лихо развернул машину и умчался на проповедь.

А Деточкин пешком потопал на станцию и стал ожидать электричку.

Приехав в Ригу, он зашел в почтовое отделение и от имени Петрова Петра Петровича перевел тюк денег в город Метельск. Предварительно он проделал странные расчеты: из суммы в 5500 рублей он вычел 16 рублей — стоимость обратного билета в Москву на поезде вместе с постельным бельем, потом отбросил 13 рублей — командировочных, по 2 рубля 60 копеек в сутки, и 8 рублей 10 ко-

пеек — стоимость бензина на перегон машины из Москвы в Ригу. Получилось 5462 рубля 90 копеек. Из этой суммы он отнял стоимость почтового перевода — 109 рублей 25 копеек.

Вот эту итоговую сумму в 5353 рубля 65 копеек он и перевел почему-то в город Метельск.

Садясь в купированный вагон скорого поезда Рига — Москва, Деточкин дал себе клятву покончить с подобными делами. Никогда в жизни он не дотронется больше ни до одной чужой машины!

После каждой автомобильной авантюры Деточкин решал, что именно этот случай — последний.

Уже подъезжая к Москве, Юрий Иванович привел в порядок документацию. Он достал из портфеля отчетную ведомость на выплату командировочных и в графе «фамилия» четко вывел «Деточкин Ю. И.» В рубрике «количество дней» он проставил цифру «5», расписался в получении денег, а затем приобщил к ведомости железнодорожный билет и квитанцию на перевод. Формальности были соблюдены.

В воскресенье утром поезд прибыл на станцию назначения. Деточкин с опаской вышел на перрон и привычно огляделся по сторонам. Никто к нему не подошел и не приказал «руки вверх!»

Юрий Иванович отыскал телефон-автомат и, волнуясь, набрал свой домашний номер.

— Мама, это я! — с напускной бодростью сказал Деточкин. — Я только что приехал. Я здоров! — Он выдержал небольшую паузу. — Дома все спокойно? Никто не приходил?

— Ты доигрался в своем народном театре, — обрадовала сына мать. — К тебе заходил следователь!

ГЛАВА

12

В КОТОРОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ И ПРЕСТУПНИК ВЫЯСНЯЮТ ОТНОШЕНИЯ

— Когда ко мне приходил следователь? — спросил Деточкин, едва переступив порог родного дома.

— Позавчера, — ответила мама, подставляя щеку для поцелуя. — Ты пропустил по телевизору такой футбольный матч! Яшин стоял, как бог!

Деточкин поцеловал маму.

— Что он обо мне спрашивал?

— В библиотеке «Огонька» вышел Мельников-Печерский. Я открываю его заново. Он ничего не спрашивал.

— А что ты ему наговорила? — Деточкину был знаком общительный характер Антонины Яковлевны.

— Я, как всегда, молчала. Я рта не раскрыла! — сказала мама, убежденная, что так и было.

— Почему он приходил? — настойчиво выспрашивала сын. — Он беспокоился, что я пропустил репетицию? Или у него была другая причина?

— Разве может возникнуть причина для прихода к тебе следователя?

— Мама, я твой сын!

— Каждый день узнаешь что-нибудь сенсационное! — улыбнулась Антонина Яковлевна.

Как и все мамы, она не сомневалась, что ее сын — кристальной души человек, почти святой! Всю свою жизнь она воспитывала в Юре любовь к справедливости. Справедливость была коньком мамы Деточкина. Сейчас, с уходом на пенсию, она целиком посвятила себя служению этой безупречной идее. Встречаясь с недостатками, Антонина Яковлевна не проходила мимо и успешно боролась с ними при помощи дисем в газеты! Пока Деточкин расправлялся с семицветовской «Волгой», мама проделала не менее трудную операцию. Мама добилась закрытия «забегаловки», рассадника зла и порока, и теперь в освободившемся помещении шла стрельба. Здесь разместили тир данного микрорайона.

— Ты всегда возвращаешься из своих командировок взвинченный! — заметила мама. — Успокой свои нервы. Пойди в тир и постреляй в цель!

— Пожалуй, сегодня я промахнусь! — сказал Деточкин. Он чувствовал себя скорее мишенью, нежели стрелком. Весь воскресный день он потратил на мучительные размышления — идти вечером на репетицию или избежать встречи с Максимом?

«Подозревает меня следователь или он заходил как товарищ по сцене?» — Деточкин не мог перенести проклятой неизвестности и мужественно отправился во дворец ставить точки над «и».

Когда Юрий Иванович объявился в зрительном зале, режиссер учинил ему скандал. Постановщик орал, что Деточкин подводит всю команду, что предстоит решающая игра, то бишь премьера, и что он переведет его в дублирующий состав! В заключение режиссер сунул ему в руки длинную шпагу и погнал на сцену биться с первым попавшимся.

Когда пришел Максим, режиссер заодно намылил шею и ему. Максим тоже получил оружие и был послан на сцену схватиться с Деточкиным, как и полагалось по сюжету.

Так они и встретились, со шпагами в руках.

— Защищайтесь, сударь! — угрожающе сказал Максим. Впервые в жизни он приступал к допросу на освещенной сцене и в берете с пером.

— К вашим услугам! — в тон ответил Деточкин, пытаясь прочесть на лице Максима свою судьбу.

Следователь был непроницаем. Он стал в позицию и почувствовал, как во внутреннем кармане прошелестело постановление на арест.

Деточкин тоже принял позицию.

Шпаги их скрестились!

— Я имею честь напасть на вас! — жестко сказал Максим. — Где вы пропадали?

— Черт возьми! — крикнул Деточкин, скрывая волнение. Он не знал, что следователь был в Госстрахе, и допустил промах. — Я ездил в командировку!

В пылу сражения участники не замечали, что разыгрывают сцену скорее по Дюма, чем по Шекспиру. Режиссер не мог прийти в себя от изумления.

— Как здоровье любимого племянника? — безжалостно спросил следователь, делая свой главный выпад.

— Какого племянника? — бессмысленно запирался Юрий Иванович.

— А волчий капкан? А большая нога? А сигареты «Друг»? — наносил удар за ударом Максим.

Точка на «и» была поставлена, и не одна!

Юрий Иванович осознал, что попался.

У него помутилось в глазах. Подберезовиков в свою очередь понял, что пора переходить к следующему акту пьесы, где главным действующим лицом станет вышеупомянутое постановление.

— Прекратите отсебятину! — закричал из зала взбешенный режиссер. — Во времена Шекспира не было сигарет «Друг». И потом, почему вы перешли на прозу?

Деточкин, продолжавший по инерции размахивать оружием, с черепугу хватил противника по голове. Бедный Максим рухнул как подкошенный.

— Шпаги в ножны, господа, шпаги в ножны! — неожиданно для самого себя приказал режиссер, ставивший сцену дуэли и не по Дюма, и не по Шекспиру, а по модной в нынешнем футболе бразильской схеме четыре — два — четыре.

Режиссер кинулся к Подберезовикову и убедился, что тот жив. Вместе с Деточкиным, который шептал оправдательные слова, они подняли тело с полу и отнесли на диван.

Максим скоро пришел в себя. Успокоенный режиссер оставил противников наедине. Юрий Иванович положил на лоб следователю мокрую тряпку.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Деточкин, участливо заглядывая в глаза своей жертве.

— Вашими заботами! — с иронией ответил Максим.

Деточкин возложил ему на лоб новую холодную повязку.

— Именно вас я никак не хотел ударить, даже нечаянно!

— Да, это мне понятно! — саркастически заметил Максим.

— Ничего вы не понимаете! — с горечью вырвалось у Деточкина.

Подберезовиков внутренне согласился с ним. Он действительно еще не все понимал. Совесть не позволяла ему пустить в ход постановление об аресте, пока он не доберется до самой сути: что же толкнуло Деточкина на скользкий путь? Следователь настойчиво подавлял в себе теплые чувства, которые, несмотря ни на что, вызывал в нем неуклюжий, чуточку смешной Деточкин.

Подберезовиков сбросил со лба мокрую повязку и встал.

— Нам надо поговорить!

Деточкин печально кивнул.

— Надо!

Они вышли на улицу и шли рядом, как магнитом притянутые друг к другу.

Оба не отваживались начать решающий разговор.

Они проходили мимо «Пивного зала».

— Зайдем? — нарушил молчание преступник.

— Зайдем! — печально согласился следователь.

«Пивной зал» был похож на баню — дикая жара, стены из белого кафеля и столы из мраморной крошки. Густой табачный дым вполне заменял клубы пара, пивная пена — мыльную, пиво лилось, как вода, и действительно, воды в нем хватало, но особенно дополнял сходство глухой, гомон голосов.

При входе в «Пивной зал» посетители инстинктивно оглядывались, ища глазами шайку.

Шайка здесь тоже была — ее возглавлял Филипп Картузов.

Подберезовиков и Деточкин отыскивали свободный столик, заказали пива и раков. Не прошло минуты, как им подали. Картузов требовал от официанток гоночного обслуживания. Клиенту не давали опомниться. Заказы вы-

полнялись мгновенно. Это приводило неизбалованного
одна в отличное расположение духа. Он лакал разбавлен-
ное пиво и радовался этому.

Время от времени в зале появлялся Филипп, важный
и недоступный. Он хозяйским оком окидывал свою баню.
Убедившись, что предприятие работает на всю катушку,
методично наматывая для него золотые ниточки, Филипп
величественно удалялся.

Деточкин и Подберезовиков не замечали окружающей
среды. Они не сводили глаз друг с друга. Все остальное
было для них как бы не в фокусе.

— Откуда ты такой взялся? — допытывался Максим. —
Мама у тебя такая хорошая, про паровоз поет. — Тут он
скинул Юрия Ивановича подозрительным взглядом. —
Простите, а вы не псих?

— Нет, у меня и справка есть...

— Артист! Хороший артист! Я всегда говорил — на-
стоящий жулик, как правило, настоящий артист!.. А чело-
век вы осмотрительный, — продолжал Подберезовиков, —
крали только у тех, кого вы считали жуликами. Я об этом
давно догадался.

Деточкин не стал возражать.

— Вы надеялись, что это послужит на суде смягчающим
обстоятельством. Возможно, вам скинут годик со срока...

Деточкин застенчиво молчал.

— Как вы докатились до этого? — выспрашивал Под-
березовиков. — Ну объясните же мне!

— Ладно, — нарушил молчание припертый к стене
Деточкин. — Я расскажу вам, как все это началось...

И Юрий Иванович поведал Максиму, как сразу после
больницы пошел он работать в гараж при торговой базе.
В этом государственном учреждении процветала частная
инициатива, и Юрию Ивановичу это не понравилось. Вос-
питанный мамой в любви к справедливости, он восстал! Но
сплоченная компания дельцов своевременно выгнала его
«как не справившегося с работой». Деточкин озлобился. Он
остался на мели. Ему срочно нужно было подработать. Он
взялся перегнать только что купленную машину в другой
город. Перегнать, а не угнать! В пути хозяева разоткровен-
ничались, и Деточкин сообразил, что везет таких же
расхитителей народного добра, с какими он общался на
торговой базе. Один был крупный специалист по «строй-
материалам» — вагонам крал. Его приятель ведал путеж-
ками — и тоже недурно жил. Юрий Иванович вспыхнул. Он
как бы нечаянно заглушил мотор и велел своим пассажи-

рам выйти на шоссе и толкать «Волгу» сзади, пока она не заведется. Частники вылезли и стали усердно толкать. Они хорошо толкали, «Волга» завелась, и Юрий Иванович уехал, оставив жуликов на дороге.

— Я слышал эту легенду, но не знал, что она про вас, — сказал Максим.

— Про меня, — согласился легендарный Деточкин.

— Сколько вы всего продали автомобилей? — официально допрашивал Подберезовиков.

— Четыре!

— Допустим, четыре! — Следователь быстро считал в уме. — Это в старых деньгах выходит почти четверть миллиона.

Деточкин молчал.

— Приличные деньги! — допекал его Максим.

Деточкин молчал.

— Можно сказать, состояние! — продолжал Подберезовиков.

Деточкин молчал.

— Где вы прячете свой капитал?

На этот вопрос следователя нельзя было не ответить, и Деточкин показал на свой портфель.

— Здесь!

Портфель беспечно лежал на свободном стуле.

Максим не поверил своей удаче. Он нашел не только преступника, но и деньги.

Подберезовиков непроизвольно потянулся к вещественному доказательству. Деточкин сочувственно улыбнулся, Максим тотчас отдернул руку.

В этот момент к их столику степенно приблизился Филипп Картузов. В один из своих царских выходов он увидел следователя и теперь радушно приветствовал его.

— Здравствуйте! Что же вы мне ничего не сказали? Прошу вас вместе с другом перейти в отдельный кабинет!

— Спасибо, только незачем... — отказался Максим и, не упуская портфель из виду, отхлебнул пива.

Увидев, что следователь пьет не то пиво, Филипп ловко ворно выхватил у него кружку и приказал:

— Раечка и Лидочка!

Повятливые официантки налетели на столик и с ловкостью завятых грабительниц отняли у знатных гостей пиво и раков. Максим все время следил, чтоб в суматохе не исчез портфель с богатством.

— Сейчас подадут свежее пиво. Только что завезли! — 80 объяснил толстяк. — И раков заменят.

— Их только что поймали? — ехидно спросил Деточкин. При виде благоденствующего врага он взъерепенился.

— Ваш друг — шутник! — невозмутимо сказал Картузов. Образ страхового агента слабо отпечатался в его памяти.

Раечка и Лидочка принесли первоклассное пиво и отборных членистоногих.

— Кушайте на здоровье! — Филипп поборол в себе желание осведомиться о своей машине и скрылся в табачном дыму.

— Уйдем отсюда! — предложил Максим, не притрагиваясь к продукции отличного качества.

— Уйти от такой вкусноты? — всполошился Деточкин. — Да ни за что! Вряд ли в тюрьме меня будут так угощать!

А Филипп Картузов вернулся к себе в директорский кабинет и опустился в кресло, по-бабьи подперев голову пухлой рукой.

«Зачем ко мне пожаловал следователь? — медленно, в меру способностей, отпущенных ему природой, размышлял Филипп. — Не такой он парень, этот Подберезовиков, чтобы без дела таскаться по кабакам».

Максим и Юрий Иванович молча сидели друг против друга. Пауза была тлгостной. Максиму хотелось раскрыть портфель, но он разумно полагал, что бар — неподходящее место для демонстрации таких денег.

Деточкин превосходно понимал Максима. Он не хотел его больше мучить.

Юрий Иванович взял портфель к себе на колени и стал расстегивать. Подберезовиков напряженно следил за каждым движением Деточкина. Тот выволок наружу аккуратную стопку бумаг и, смущаясь, положил ее на стол.

— Что это? — не понимал Максим.

— Документы, квитанции... — зашнчался Деточкин.

— Что еще за квитанции? — недоумевал Максим, которому вместо денег всучивали какие-то бумажки. Он с раздражением взял документы и стал их листать. Вдруг он покраснел. То, что он прочел, было посильнее, чем удар пингагой. Максиму стало нестерпимо стыдно за то, что он подозревал Деточкина.

Он прочел в этих квитанциях, что Юрий Иванович Деточкин переводил вырученные от продажи ворованных машин деньги в детский дом города Метельска на подарки ребятишкам!

— А сколько денег вы оставляли себе? — подавленно спросил Максим.

— Ничего не оставлял. Только на проезд и командировочные...

Да, дорогой читатель! Деточкин не брал себе денег! Он хоть и вор, но бескорыстный, честнейший человек! А переводил он деньги в Метельск потому, что в военные годы, когда мама ушла в ополчение, Юра воспитывался именно в этом детском доме.

В кабинет Картузова вбежала Раечка.

— Они разложили на столе бухгалтерские документы!

Сомнения покинули Филиппа. Он понял, что это — ревизия!

И тогда Картузов решил притупить бдительность следователя.

В титанической борьбе с контролерами он применял адскую смесь собственноручного изобретения. На вкус это варево не отличалось от пива, но зато успешно приводило ревизора в состояние, именуемое далее в протоколах как «крайняя степень опьянения».

— Смесь номер один? — спросила умненькая Раечка, правильно оценив молчание своего заведующего.

— Соображаешь, — одобрил Филипп.

Официантка, окрыленная похвалой, галопом доставила гостям зашифрованный напиток.

Максиму и Деточкину было грустно. Оба понимали, что на них свалилась беда, и не знали, как быть.

Максим вдруг ощутил с предельной ясностью, что не сможет пустить в ход постановление на арест!

Деточкин думал — поймет ли мама и как ко всему отнесется Люба? В маме он был уверен — она поймет! Деточкин хотел увидеть Любу немедленно и сказать ей, что он опять попался в капкан! Но этот капкан пилой не перепилишь!

А Максим думал, под какую спасительную статью поднести Деточкина, и с тоской признавался себе, что нужной статьи нет!

— Первую машину я не продавал, — сказал Деточкин, надеясь хоть этим как-то утешить товарища. — Я ее в Курске у милиции оставил. Приклеил к ветровому стеклу подробную объяснительную записку, а сам ушел на вокзал и вернулся в Москву.

Теперь молчал Подберезовиков...

— А со второй машиной, — продолжал давать чисто-сердечные показания Юрий Иванович, — несправедливость вышла. Я ее подогнал к милиции и тоже оставил записку,

что это — машина жулика. А ее вернули ~~видеть~~. Тогда я и решил продавать...

Они молча сидели напротив друг друга, отхлебывая смесь № 1. Средневековая хитрость Филиппа Толстого удалась на славу. Максим вдруг понял, что нет для него человека роднее, чем Деточкин. А у Деточкина напроочь отказали сдерживающие центры.

— Я тебя люблю! — объяснил Максим. — Смотри, что я сейчас для тебя сделаю!

— Что? — живо заинтересовался Юрий Иванович.

Подберезовиков достал из кармана пресловутое постановление и показал Деточкину.

Деточкин его внимательно изучил — он впервые в жизни держал в руках столь ценную бумагу.

— А теперь верни ее мне, — велел Максим.

Юрий Иванович послушно вернул документ.

— А сейчас я ее порву! — торжественно заявил следователь. — Гляди!

— Не смей! — Деточкин кинулся на Максима. — Тебе попадет!

Завязалась небольшая потасовка. С большим трудом преступник одолел следователя, вырвал у него приказ на собственный арест и спрятал к себе в карман.

— Ладно! — Максим был настроен благодушно. — Дарю его тебе на память!

— Спасибо! — сказал Деточкин.

Они расплатились, по-братски поделив расходы, и вышли на улицу. Они шагали обнявшись и напевали:

Если я заболею, к врачам обращаться
не стану, —
Обращусь я к друзьям, не сочтите, что
это в бреду...
Постелите мне степь, зававесьте мне окна
туманом,
В изголовье поставьте упавшую с неба
звезду...

— Слушай, друг, — попросил Деточкин, — не сажай меня до премьеры, прошу тебя.

— А я тебя вообще сажать не буду, живи свободно...

— Понимаешь, такая роль... Раз в жизни бывает.

— Играй премьеру и все последующие спектакли, — искренне разрешил Подберезовиков.

— Я пошел к Любе, — признался Юрий Иванович и пошел по улице, унося портфель со всеми документами.

— Под машину не попади, — отечески крикнул вдогонку Максим.

В КОТОРОЙ ДЕТОЧКИН НЕ УСПОКАИВАЕТСЯ НА ДОСТИГНУТОМ

Деточкин взял такси и помчал по знакомому троллейбусному маршруту. Был поздний вечер. Такси легко обогло освещенные полупустые троллейбусы. Наконец показалась Любина машина. Деточкин обрадовался и попросил шофера такси подъехать к тротуару. Однако пока Юрий Иванович расплачивался, троллейбус отошел от остановки.

Деточкин пустился вдогонку. Настигнув беглеца, он уцепился за лесенку, ведущую на крышу.

Желание увидеть Любу было столь велико, что Деточкин не стал ждать следующей остановки. Он взобрался по ступенькам на крышу и с риском для жизни попластуноски пополз вперед. Добравшись до переднего края, Деточкин бесстрашно свесился вниз и постучал кулаком по стеклу водителя.

Люба ахнула и затормозила. Она выскочила из кабины и с ужасом обнаружила на троллейбусной крыше своего нареченного.

— Люба, это я! — сообщил сверху Деточкин. — Я вернулся.

— Ну-ка слезай! — расгерьянно скомандовала Люба.

— А ты не будешь ругать? — грустно спросил пыненький Юрий Иванович. — Я торопился к тебе!

— Ты что, спятил? — вскричала Люба. — Спускайся немедленно.

— Нет, лучше я тут поеду! — уперся Деточкин.

— Сейчас я тебя оттуда скину! — сказала Люба и недвусмысленно направилась к лесенке.

Деточкин капитулировал. Он спрыгнул вниз и полез к Любе целоваться. Но Люба не позволяла себе на работе никаких вольностей. Она скрылась от пылких объятий в своей кабине. Деточкин полез следом, громко распевая:

— Я в Любин троллейбус сажусь на ходу, последний, случайный...

Люба рывком рванула с места, Деточкин плюхнулся на

дерматинное сиденье, не сводя с нее преданных собачьих глаз.

Объяснение было бурным.

Люба честила Юрия Ивановича почему зря, безжалостно снимая с него стружку. Она говорила, что он скверно кончит, что он связался с какой-то бандой и стал хулиганом, разъезжает на подозрительных «Волгах» в сомнительные командировки, что он скоро сопьется и что туда ему и дорога!

Деточкин не стерпел незаслуженных оскорблений и рассказал Любе все.

Это произвело на нее неизгладимое впечатление.

Люба замолчала.

Троллейбус мчался по ночной Москве, спеша к себе в парк. Это был последний рейс.

Ночью в троллейбусном парке рядами стояли пустые машины, и штанги над ними были приспущены, как флаги...

Люба и Деточкин молча вышагивали по узкой дорожке между троллейбусами. Дошли до конца одной дорожки, свернули на другую, снова шли между троллейбусами, которым, казалось, нет числа...

— Ведешь ты себя... — тихо сказала Люба, — как дитя, честное слово... Ведь посадят, понимаешь ты это или нет?

— Понимаю...

— Я тебя, Юра, буду ждать... Сколько бы ни пришлось... Год, два, десять лет!

— Десять — это ты перебрала! — невесело заметил Деточкин.

— А если можно будет с тобой поехать, я поеду... И на Колыме люди живут, или где там еще?

Двое снова вышагивали по узкой тропинке между троллейбусами. Сотни машин собрались здесь на ночь, чтобы передохнуть перед большой работой...

Деточкин возвращался от Любы вдоль берега Москвы-реки. Великая река неторопливо несла свои чистые воды в Оку. Блики рассветных лучей, отражаясь в волнах, играли на задумчивом лице Юрия Ивановича. На этот раз он решил покончить с прошлым навсегда, и на этот раз — бесповоротно. Он достал из портфеля шляпу и хлопчатобумажные перчатки и без сожаления швырнул их в реку. Затем он выбросил гаечные ключи, отмычки, бутылку с подсолнечным маслом и картотеку учета жуликов. Инструменты потонули, а шляпа и картотека поплыли в Оку.

Деточкину стало хорошо. Он почувствовал себя светло радостно и, главное, совершенно свободно.

И тут, как нарочно, он увидел двухцветную «Волгу», номером 49—49—МОТ и сразу вспомнил, что ее владелец Стелькин — взяточник.

Деточкин помрачнел и задумался. Он не хотел подводить Подберезовикова. И наконец понял, как ему следует поступить.

Юрий Иванович побежал вдоль берега и догнал картошку, которая, по счастью, еще не успела доплыть до Оки. С риском для жизни Деточкин перегнулся через парапет...

Несколько минут спустя похищенная двухцветная «Волга» влилась в поток уличного движения.

Деточкин подъехал к перекрестку, но проскочить не успел. Вспыхнул красный свет, «Волга» вздрогнула и, сердито урча, застыла у линии «стоп».

Поглядывая на светофор, Деточкин думал о том, какой сюрприз преподнесет он Максиму Петровичу.

Деточкин не обратил внимания, что рядом у перекрестка встал троллейбус, набитый пассажирами.

Было бы просто нечестно перед читателем, если бы это оказался какой-нибудь посторонний троллейбус, не имеющий отношения к данному сюжету. По счастью, все вышло как надо! За огромной троллейбусной баранкой восседала Люба. Она до сих пор не могла прийти в себя после вчерашних разъяснений Деточкина. И вдруг... увидела виновника своих тревог. Он сидел за рулем соседней «Волги» в непринужденной позе собственника!

Загорелся зеленый сигнал, и «Волга» приемисто взяла с места.

Люба стала действовать не размышляя, повинувшись исключительно зову сердца.

Троллейбус ринулся со старта, как наскипидаренный! Пассажиры, стоявшие в проходе, свалились друг на друга!

Троллейбус наращивал скорость — видимо, у водителя были самые решительные намерения. Троллейбус проскочил остановку, как курьерский поезд полустанок. Пассажиры стали кричать, взывая о помощи.

— Товарищи, спокойно! — пытался установить порядок храбрец пассажир. — У нашего шофера отказали тормоза.

Троллейбус лавировал между машинами, не снижая темпа. Пешеходы спасались бегством, сбивая соседние автомобили.

А Юрий Иванович Деточкин, выгнавший весь этот сырбор, быстро ехал впереди, не оглядываясь и не подозревая о том, что творится у него за спиной.

Он спокойно свернул с магистрали в нужный ему переулок.

Троллейбус, порвав с проводами, последовал тем же путем. Штанги соскочили и стали буйно метаться из стороны в сторону, круша фонари на столбах и окна в бельэтаже. Обесточенный троллейбус беспомощно остановился. Люба заплакала. А двухцветная «Волга» скрылась вдаль. Деточкин спешил к Максиму. Вот он проехал гулкую арку ворот, поставил машину во дворе, у окон прокуратуры, и... ушел!

Этим же утром Максим Подберезовиков вошел в кабинет радостно-возбужденным.

— Таня! — сказал он. — Этот человек — он превосходный человек!

— Кто? — не поняла Таня.

— Тот, кто угонял машины!

— Вор не может быть превосходным человеком! — безапелляционно заявила Таня. — В институте мы этого не проходили!

Подберезовиков поглядел на помощницу, как редактор — на опечатку.

— Может! — непедагогично сказал Максим. — Кроме того, он мой друг!

— Поняла! — радостно воскликнула Таня. — Для того чтобы поймать жулика, вы сначала подружились с ним! Вы великий следователь!

Подберезовиков смутился и опять ничего не понял.

Так он и проживет жизнь, не узнав, что рядом с ним, в служебном кабинете, долго и упорно билось в унисон преданное сердце.

В дверь постучали.

— Войдите! — разрешил Подберезовиков.

В кабинете появился лохматый субъект с портфелем, как у Деточкина, и сразу обрадовал следователя:

— У меня угнали машину! Среди бела дня! В центре города! Безобразие!

— Садитесь, пожалуйста! — предложил Подберезовиков посетителю. — Ваша фамилия?

— Легостаев, Владимир Степанович. Вот документы на машину. — И присаживаясь, он протянул Подберезовикову технический паспорт.

Максим не стал смотреть документы.

— Ваша профессия? — спросил он, явно находясь под влиянием идей Деточкина.

— Какое это имеет значение?

— Первостепенное! — со всей серьезностью ответил следователь, с опаской думая, не зря ли он дал отсрочку Юрию Ивановичу.

Лохматый посетитель пожал плечами.

— Я доктор физико-математических наук. Руководжу лабораторией.

— А на самом деле? — машинально спросил Максим.

Ученый уставился на Максима.

— Вообще я шпион Уругвая. А что, это так заметно, товарищ следователь? Чем вы, собственно говоря, занимаетесь?

— Значит, это не он! — сказал следователь, переставая думать о Деточкине.

Доктор наук заерзал в кресле, ясно поняв, что ему не видать своей машины.

Пятнадцать минут спустя вместе с потерпевшим Легостаевым Подберезовиков выехал на место происшествия и, конечно, не нашел там украденного автомобиля.

Когда он вернулся в управление, Таня доложила, что звонил какой-то Деточкин.

Максим насторожился.

Вроде бы Юрию Ивановичу до премьеры незачем больше тревожиться. Не замешан ли все-таки Деточкин в афере с новой машиной?

И когда раздался звонок, Максим бросился к телефону.

— Скажите, — Деточкин сразу взял быка за рога, — вы уже слышали, что сегодня опять угнали машину?

Максим выронил трубку.

В автоматной будке Деточкин терпеливо ждал, пока его друг придет в норму.

— Куда у вас в кабинете выходят окна? — задал следующий вопрос Юрий Иванович, когда Подберезовиков снова задышал в аппарат.

Максим распахнул окно, выглянул во двор и застонал.

Двухцветная «Волга» № 49—49, серия МОТ стояла внизу, как раз под его окнами.

— Зачем вы это сделали? — захрипел в телефон Максим. — С каких это пор вы угоняете машины у честных людей? Где же ваши принципы?!

— Э, нет, — запротестовал Деточкин, — это машина Стелькина, а он взяточник!

— Какой еще Стелькин? — негодовал Максим. — Это машина известного ученого, доктора наук. Он только что был здесь! Документы на машину я держу в руках.

— Минуточку! — с настырностью маньяка не отступал Деточкин. — Я сверюсь с картотекой.

Он полез в портфель, проверил и сообщил:

— Нет, это машина Стелькина.

Подберезовиков зашелся от ярости.

И потому, что он молчал, Деточкин вдруг осознал, что произошла катастрофическая ошибка.

— Не может быть... — залепетал Деточкин. — Неужели я так ошибся?

— Вы сейчас же перегоните «Волгу» ее владельцу! — потребовал Подберезовиков. — Запишите адрес. О выполнении доложите мне!

И, продиктовав координаты Легостаева, закончил:

— Докатились вы, Деточкин, до банальной кражи!

Потрясенный Юрий Иванович повесил трубку.

— Как это все стряслось? Как я мог дать такую промашку? — казнил он себя за непростительную ошибку.

Да, дорогой читатель, Деточкин неправильно записал номер, внося его в картотеку. Он элементарно ошибся! А с кем этого не бывает?

Человеку свойственно ошибаться, говорит древняя поговорка.

Разве не ошибся Жак-Элиасен-Франсуа-Мари Паганель, секретарь Парижского географического общества, выучив вместо испанского языка португальский?

Вспомните Колумба, который по ошибке открыл Америку!

Разве не ошибаются врачи?

И не ошибочно ли все время назначать С. И. Стулова на руководящую работу?

Человеку свойственно признавать свои ошибки, гласит современная поговорка.

Максим стоял у окна и ждал, когда Деточкин исправит свою ошибку.

Вскоре во дворе прокуратуры появился запыхавшийся Юрий Иванович. Не смея поднять глаза, он сел в машину и уехал.

Задание следователя Юрий Иванович выполнил безукоризненно. Он подогнал «Волгу» к зданию научно-исследовательского института и позвонил из проходной в лабораторию, попросив профессора Легостаева срочно спуститься вниз.

Доктор физико-математических наук долго жал Деточкину руку. Он был восхищен оперативностью розыска.

— Передайте вашему следователю, что, если у меня когда-нибудь, не дай бог, что-нибудь украдут, я обращусь только к нему!

— Он одаренный следователь! — поддержал репутацию друга Деточкин.

— Сначала мне это не показалось! — доверительно сообщил профессор Юрию Ивановичу. — Но я с удовольствием каюсь в своей ошибке!

Оказывается, доктора наук тоже ошибаются!

Деточкин и Легостаев расстались по-дружески. Деточкин извинялся, Легостаев благодарил.

Из ближайшего автомата Юрий Иванович рапортовал следователю, что машину вернул, и, чувствуя себя виноватым, боязливо спросил, что же делать дальше. В душе он надеялся, что Максим скажет ему: «Готовьтесь к премьере!»

— Я вам советую, очень советую, — настойчиво подчеркнул Подберезовиков, — явиться ко мне, как говорят, с вещами!

— А спектакль? — робко напомнил Деточкин.

Следователь посмотрел на портрет Станиславского и беспощадно сказал:

— Спектакля не будет!

Через час Деточкин с неизменным портфелем в руке нехотя приближался к зданию прокуратуры. У арки, ведущей во двор, ему поморгала красная электрическая вывеска «Берегись автомобиля!»

Деточкин внимательно прочел вещь надпись и вошел в подъезд. Он отыскал кабинет Подберезовикова и осторожно постучал.

— Пожалуйста! — послышался голос Максима.

Деточкин боком протиснулся в дверь, стараясь не встретиться взглядом с другом. Максим тоже отвел глаза. Обоим было неловко. И только Таня бесстыдно пялила глаза на жулика, которого ее следователь считал хорошим человеком.

Деточкин расстегнул портфель, достал из него пухлую папку и доложил, по-прежнему не глядя на Подберезовикова:

— Это отчет о проделанной работе!

Потом Деточкин вручил Подберезовику важный документ и сухо напомнил:

— Это постановление о моем аресте!

По улицам города ехала машина, именуемая у обывателей «черный ворон», хотя она уже давно не черного цвета. Внутри находились Деточкин и два милиционера. Юрий Иванович пребывал в состоянии крайнего волнения.

Машина подкатила к зданию районного Дворца культуры и остановилась у служебного входа. В сопровождении конвоя Деточкин последовал за кулисы.

Да, дорогой читатель! Несмотря на то что исполнитель главной роли был под арестом, премьера состоялась!

Это Максим выхлопотал у начальника соответствующее разрешение, и обвиняемому дали возможность сыграть свою последнюю роль.

Спектакль вызвал нездоровый ажиотаж в судебных и следственных кругах. Все пришли поглазеть на парня, который крадет машины и одновременно играет Гамлета. Да, роль принца Датского, лучшую роль в мировом актерском репертуаре, исполнял Юрий Иванович Деточкин.

Зал заполнился до отказа. В проходах стояли. Целый ряд занимали работники инспекции Госстраха во главе с Яковом Михайловичем Квочкиным. В первом ряду сидели мама и Люба. Обе плакали еще до начала. В зале шепотом рассказывали, что главную роль будет играть заключенный. Многие этому не верили.

Спектакль начался. Первую сцену, у замка Эльсинор, разыгрывали перед закрытым занавесом. Гамлет в ней не участвует, и сцена была принята относительно спокойно. Зал, как обычно, каплял и чихал, хотя на улице стояло лето.

Когда занавес поднялся и во втором эпизоде вышел Деточкин, загримированный Гамлетом, в зале вспыхнула веселая оvação.

Но Деточкин ее не слышал. Он был далеко отсюда, в датском замке Эльсинор, он был принцем Гамлетом и жил его жизнью. Он уже забыл о том, что только на время стал

и престанта принцем крови, что выходы на кулисы сторожат конвойные, что впереди суд и приговор.

Бывший шофер, бывший страховой агент, бывший автомобильный жулик оказался великолепным Гамлетом. У него был прирожденный актерский талант, и Деточкин минорножил им зал.

Все уже позабыли скандальную биографию Деточкина и трепетно следили за судьбой мятущегося принца.

А когда Гамлет начал свой знаменитый монолог «Быть или не быть», за кулисами зарыдал счастливый режиссер.

В финале спектакля, где Деточкин — Гамлет схватился в смертельном поединке с Подберезовиковым — Лаэртом и оба умирали на сцене, ревел уже весь зрительный зал под предводительством мамы и Любы.

Премьера прошла с громовым успехом.

Режиссера и исполнителей вызывали без конца!

Конвой целовал охраняемого преступника и обливался слезами в присутствии своего начальства, которое пришло на кулисы и взволнованно поздравляло Деточкина. А Таня попросила у восходящей звезды автограф.

Зал не утихал и перешел на скандированные аплодисменты.

У выхода ждали только что испеченные поклонницы.

Одним словом, был полный триумф!

Деточкин возвращался к себе в камеру предварительного заключения с букетами цветов и чувствовал себя, как в раю. Цветов было много. У Деточкина не хватало рук, и потому конвойные тоже ехали с букетами!

ГЛАВА

15

СУДЕБНАЯ

Юрий Иванович Деточкин скорбно мерил шагами камеру Н-ской тюрьмы. Близился день суда, а Деточкин знал, что всякий суд кончается приговором.

Используя свое служебное положение, Максим Подберезовиков часто навещал в тюрьме обвиняемого друга. Оба

по-мужски молчали. Максим смотрел на Деточкина безумными глазами Ивана Грозного, убившего своего любимого сына. А Юрий Иванович взирал на следователя, как всепрощающий отрок с картины раннего Нестерова.

Максима сменяли Люба и мама. Несчастье сплотило женщин. Теперь они не расставались. Люба, беспокоясь об Антонине Яковлевне, переехала жить к ней. А мама, понимая состояние невестки, не оставляла ее даже в троллейбусе. Мама уходила из водительской кабины только для того, чтобы взять билет на очередной рейс.

Они вместе пекли для Юры его любимые пирожки с творогом и с нежностью смотрели, как узник уплетает их за обе щеки.

Мама и Люба хотели нанять адвоката, разумеется, самого лучшего. Но Деточкин воспротивился. Он решил сам защищать свою свободу!

И вот пришел день страшного суда. Деточкин из обвиняемого стал подсудимым. Как и на премьере «Гамлета», зал был переполнен публикой. Нарушитель закона одиноко сидел на деревянной скамье. Прокурор с суровым прокурорским лицом угрожающе перебирал бумаги.

Раздалась команда: «Встать! Суд идет!»

Появился судья в сопровождении двух народных заседателей.

На традиционный вопрос судьи, признает ли подсудимый себя виновным, Деточкин ответил, что нет, не признает!

Процесс длился несколько дней.

Люба и мама опять сидели в первом ряду. У обеих болело сердце. Люба была вынуждена взять отпуск за свой счет. В районной инспекции Госстраха тоже никто не работал. Все сотрудники во главе с Яковом Михайловичем Квачкиным не выходили из зала суда, переживая за сослуживца.

Работники прокуратуры вместе с Максимом и Таней явились на процесс, отложив следственные дела. А пойманные ими преступники вольготно разгуливали на свободе.

Кроме заинтересованных лиц, в зале находилось еще немало народу. И оставалось неясным, почему же они не трудятся.

Сокол-Кружкин прервал осенне-полевые работы и тоже торчал здесь вместе с дочерью. Димы с ними не было. Соблюдая семейные правила, Инна оформила мужу доверенность на выступление в суде. И Семицветова вместе с

другими потерпевшими заперли в комнате для свидетелей. Для них время тянулось особенно медленно. Пеночкин предложил составить «пульку» и достал из кармана две колоды карт. Чтобы забыться, играли по крупной ставке со всеми достижениями преферанса — с «темными, разбойником, со скачками и бомбами». Диме и тут не повезло. Он просадил шестьдесят три рубля.

Тем временем прокурор долго и с пристрастием допрашивал Деточкина:

— Кто дал вам право отбирать машины и тем самым подменять собой государство?

— Я не подменял государство, а ему помогал!

— Вы готовили отчет по каждой машине. Значит, вы знали, что вам придется держать ответ?

— Да! — простодушно согласился Деточкин.

И прокурор сразу поймал его:

— Вы понимаете, что этим фактически признаете вину? Когда вы отрицали свою виновность — вы лгали!

— Юра никогда не лжет! — громко запротестовала мама, привстав со своего места.

Судья призвал ее к порядку.

Прокурор впился в Деточкина, как клещ. Он терзал его ехидными вопросами. Он был очень любопытен, этот прокурор. Он во все лез, ему до всего было дело. Он расставлял ловушки, старался сбить с толку. Он имел точную цель — доказать суду, что Деточкин опасный тип.

Представитель обвинения измучил Юрия Ивановича. Мама и Люба просто возненавидели прокурора, а Максим переживал, что не может прийти другу на помощь.

— Этот малый его упечет! — вслух оценил прокурорскую дотошность Сокол-Кружкин.

Когда суд перешел к допросу потерпевших, положение Деточкина ухудшилось. Свидетели ненавидели Деточкина, и не без оснований. Они клепали на подсудимого, настроивая против него и публику и суд.

Вызванный первым, Филипп Картузов упирал на то, что кража его машины — кража со взломом. Надо покопаться в биографии взломщика — может, на его совести лежит еще не один вскрытый сейф?

Вслед за Филиппом давал показания пастор.

— Мои деньги пропали, — вкрадчиво говорил умный пастор, — но они пошли на хорошее дело, угодное богу, поскольку товарищ подсудимый отдал их детям. Я никаких претензий к нему не имею.

Однако свидетель Пеночкин претензии к подсудимому

имел. Пеночкин подал суду мысль о том, что еще неизвестно, сколько денег оседало в карманах преступника после продажи машин. Да, он переводил деньги в детские дома, чтобы... пустить следствие по ложному следу.

— А за ...олько на...амом ...еле он ...родавал ...щины? — размахивал руками Пеночкин. — Ни ...дин ...ормальный ...еловек не ...танет ...аниматься этим ...росто так!.. Значит, он — ...богачался!

Деточкин безучастно молчал. Он чувствовал себя пешинкой в пустыне закона.

— Юра, почему ты молчишь? — вскрикнула мама.

Судья объявил перерыв.

Максим прорвался к Деточкину и долго ругал его за пессимизм. Мама и Люба сидели по обе стороны подсудимого и гладили его худые, острые колени. Мама гладила левое колено, Люба — правое. И Деточкин, как Антей, воспрянул духом!

После перерыва центром внимания сделался Дима Семицветов, который, как известно, рекламы не любил.

— Этот тип замахнулся на самое святое, что у нас есть, — патетически говорил Дима, — на конституцию. В ней записано: каждый человек имеет право на личную собственность. Оно охраняется законом. Каждый имеет право иметь машину, дачу, книги, деньги... Деньги, товарищи, еще никто не отменял. От каждого по способности, каждому по труду в его наличных деньгах...

Прокурор поднялся с места и сделал важное сообщение:

— Следственные органы доводят до сведения суда, что против свидетеля Семицветова возбуждено уголовное дело!

Дима помертвел.

— Давно пора! — пророкотал зычный баритон Сокол-Кружкина. — Мы не допустим, чтобы рядом с нами обдывала делишки всякая шваль!

Инна заплакала.

— Ничего! — утешал ее отец. — Найдешь себе другого, честного!

— А почему меня одного? — в припадке отчаяния Семицветов раскрыл свое некрасивое нутро. — А другие свидетели лучше, что ли?

— И до них доберутся! — успокоил его тесть.

Семицветов сделал несколько шагов и упал на скамью возле Деточкина.

Юрий Иванович вскочил.

— Гражданин судья, я не хочу сидеть рядом с ним!
— Не паясничайте! — оборвал председательствующий, и Деточкин сел подальше от Семицветова, на самый край скамьи. — А вы, гражданин Семицветов, не ускоряйте脚步!

Дима вскочил со скамьи и выбежал из зала. Если будущее Семицветова вырисовывалось теперь довольно ясно, то судьба Юрия Ивановича Деточкина оставалась еще туманной.

Наконец суд вызвал самого важного свидетеля — Максима Подберезовикова.

Ввиду торжественного момента, Максим явился на суд в милицейской форме.

— Уважаемые товарищи судьи! — заговорил Максим. — Сначала я вел это дело как следователь, но когда выяснилось, что обвиняемый — мой друг, я отказался от ведения дела и выступаю сейчас только как свидетель. Я понимаю, товарищи судьи, перед вами сложная задача: Деточкин нарушал закон, но нарушал из благородных намерений. Он продавал машины, но отдавал деньги детям... Он, конечно, виноват, но он, — сдержал слезы Подберезовиков, — конечно, не виноват. Пожалейте его, товарищи судьи, он очень хороший человек...

— И отличный работник! — крикнул с места Квочкин и сразу папустился на соседа, который не проронил ни слова: — А вы не знаете, так молчите!..

Суд перешел к прениям сторон.

Слово получил прокурор.

— Сегодня суд рассматривает необычное дело. Подсудимый может вызвать у недалёковидных людей жалость и даже сочувствие! На самом деле это опасный преступник, вступивший на порочный путь идеализации воровства! Если взять на вооружение философию преступника, то можно отбирать машины, поджигать дачи и грабить квартиры! Поступки Деточкина могут послужить примером для подражания. Государство само ведет борьбу с расхитителями общественного добра и не нуждается в услугах подобного рода. Я настаиваю на применении к подсудимому строжайших мер наказания как к лицу социально опасному!

— Изверг! — крикнула мама. Она не могла больше молчать.

— Женщину в первом ряду удалите из зала! — распорядился судья.

Антонина Яковлевна встала и с гордостью направилась

к выходу. Уже в дверях, как болейщица своего сына, она снова крикнула:

— Судью на мыло!

Люба тоже не выдержала:

— Не осуждайте Юру, он не виноват!

В зале поднялась сумятица. Все стали вскакивать с мест. Судья, срывая голос, перекрыл всеобщий шум:

— Я требую тишины или немедленно очищу зал!

Угроза подействовала. Стало тихо.

— Подсудимый, вам предоставляется последнее слово! — объявил председательствующий.

Деточкин встал.

— Граждане судьи! Я даже рад, что все это кончилось! Что это за донкихотство и робингудство в наше время! Разве это жизнь? А вы попробуйте угнать машину, граждане судьи! Думаете, просто? А продать ее? Честному человеку ворованную машину из-под полы не всучишь! Вот и получается бессмыслица! У вора крадешь — вору продаешь!.. Я почему только машинами занимался? Дача колес не имеет, ее не угонишь. Я ведь хотел как лучше! Может быть, я и неправильно действовал, но от чистого сердца! Не мог я этого терпеть! Ведь воруют! И много воруют! Я ведь вам помочь хотел, граждане судьи, и потому все это вот так и получилось... Отпустите меня, пожалуйста! Я... я больше не буду... честное слово, не буду.

На этот раз из глаз Максима покатались редкие, скупые слезы.

Люба стиснула зубы.

— Свободу Юрию Деточкину! — пронесся над залом страстный призыв Сокол-Кружка.

Суд поспешно удалился на совещание.

Перед судьями стояла неразрешимая дилемма: с одной стороны, Деточкин крал, с другой стороны, не наживался!

Судьи пребывали в растерянности. Им нельзя было позавидовать!

Дорогой читатель! Пожалуйста, вынеси сам приговор Юрию Деточкину. Суд не прочь переложить эту ответственность на твои плечи. Как и подавляющее большинство населения, ты незнаком с уголовным кодексом, и поэтому тебе легче определить приговор. Если ты добр, то смягчишь участь Юрия Ивановича, а если строг — валяй, сажай Деточкина за решетку!

Определяя меру наказания, помни, что во время следствия Деточкин подвергался судебно-медицинской экспертизе и был признан психически нормальным.

По иронии судьбы рукопись повести «Берегись автомобиля!» попала на обсуждение в Управление художественного свиста. Никогда не угадаешь, где будут обсуждать твою рукопись.

К этому времени УХС окрепло, разрослось, провело сокращение штатов, и 497 уцелевших сотрудников, видимо, не зря получали заработную плату. Художественный свист находился на подъеме и даже проник в некоторые смежные области искусства.

Обсуждение проходило в Главном художественном совете, где председательствовал сам С. И. Стулов. Пришли 43 сотрудника, из коих 34 рукописи не читали. Это не помешало им высказывать о ней свое суждение. В порядке исключения пригласили авторов.

Тон, в котором велось обсуждение, был крайне доброжелательным. Все выступавшие говорили корректно, вежливо и не скупались на добрые слова.

Обаятельный Согрешилин был особенно ласков:

— Родные мои! Я бы внес в это милое сочинение одно пустяковое изменение. Солнышки вы мои! Не надо, чтобы Деточкин угонял машины! Зачем это? Я бы посоветовал так: бдительный Деточкин приносит соответствующее заявление в соответствующую организацию. В заявлении написано, что Семичестов, Картузов и... кто там еще! Пеночкин — жулики. Их хватают, судят и приговаривают! Получится полезная и, главное, смешная повесть.

— Молодец! — похвалил оратора Стулов.

— Ненаглядные вы мои! — продолжал Согрешилин, пытаясь обнять сразу двух авторов. — Подумали ли вы, какой пример подает ваш Деточкин? Ведь прочитав книгу, все начнут угонять машины!

— Но ведь Отелло, — вскочил один из авторов, — душил Дездемону во всех театрах мира, а также в кино! Разве потом ревнивые мужья убивают своих жен?

— Молодец! — эмоционально вскричал Стулов, который любил жену.

— Душа моя! — Согрешилин поставил автора на место. — Зачем же сравнивать себя с Шекспиром? Это по меньшей мере нескромно...

— Товарищи, поймите нас! — поддержала Согрешилина хорошенькая женщина с высшим гуманитарным образованием. — Вы же симпатизируете своему герою. А он — вор! По сути дела, вы поощряете воровство!

На этот раз подпрыгнул другой автор.

— Но ведь Деточкин бескорыстен!

— Ни один нормальный человек, — перебил Согрешилин, — не станет возвращать деньги. Это не типично.

— И поэтому, — обольстительно улыбнулась хорошенькая женщина, — совершенно непонятно, ради чего написана повесть.

— Как — непонятно! — хором завопили авторы. — Повесть направлена против семицветовых! Против того, что они существуют в нашей стране! Против всяческого примирения с ними! А сюжетная линия Деточкина — это же литературный прием, юмористический ход. Книга все-таки будет юмористической, можно даже сказать, сатирической...

При слове «сатирической» наступило неловкое молчание.

Обсуждение зашло в тупик.

Никто не хотел одобрять. Все знали, что не одобрять — безопасней. За это «не» еще никого никогда не наказывали! Но не одобрять в письменной форме тоже как-то не хотелось. Все-таки документ.

— Родные мои! — вдруг нашелся Согрешилин. — Я вообще не понимаю, почему мы обсуждаем незаконченную вещь? Посадят авторы Деточкина в тюрьму или нет? Пусть они решат его участь, тогда мы возобновим обсуждение.

— Деточкина надо посадить! — указал заместитель начальника управления.

— Молодец! — согласился Стулов.

— Деточкина не следует сажать! — категорически возразил другой заместитель.

— Молодец! — снова согласился Стулов.

Положение авторов стало безвыходным.

В этот момент дверь распахнулась. В сопровождении конвоиров в помещение Главного художественного совета вошел герой.

— Молодец! — по-детски обрадовался Стулов при виде Юрия Ивановича. — Я тебя знаю!

Деточкин не без улыбки познакомился с авторами и объявил всем собравшимся:

— Мне надоело ждать! Меня не волнует, что станет с повестью! Меня волнует, что будет со мной!

— Пусть решают авторы! Мы не навязываем свою точку зрения! — подытожил С. И. Стулов.

— Будем выкручиваться! — пообещали авторы, которые к этому привыкли.

Обсуждение пошло им на пользу, и они написали «счастливый эпилог».

СЧАСТЛИВЫЙ ЭПИЛОГ

Прошло время. Неизвестно сколько. Но, вероятно, немного.

По улице шел Деточкин без охраны.

Он направился к телефонной будке, зашел в нее и набрал свой домашний номер.

— Мама, это я! — весело сказал Деточкин.

— Ты откуда звонишь, из тюрьмы? — удивилась мама.

— Нет, из автомата. Меня выпустили...

— Наверно, ты им надоел! — сказала мама.

Потом Деточкин позвонил Подберезовикову.

— Привет! — сказал Деточкин.

— Привет! — отозвался Максим, узнав друга по голосу.

— Как дела? — спросил Деточкин.

— Нормально! — откликнулся Максим.

— До встречи! — сказал Деточкин.

— До скорой! — поправил его Максим.

Несколько минут спустя сутулая фигура уже маячила на троллейбусной остановке. Когда подошел родимый троллейбус, Юрий Иванович засуетился. Он обошел машину кругом и, сдвинув с головы кепку, заглянул в окошко водителя.

— Люба! — позвал наголо бритый Деточкин. — Здравствуй, Люба! Я вернулся!

К о н е ц

P. S. Своего сына Деточкины назвали Максимом.

ЗИГЗАГ УДАЧИ

1944

Самая важная профессия на земле — фотограф! Потому что люди умирают, а их фотографии остаются. У родственников.

Если бы человечество было подальновиднее, оно бы придумало фотографию еще в первобытный период. Тогда сохранились бы доказательства, как труд довел обезьяну до человеческого существования.

Отсутствие фотодокументов подрывает веру в историю, как в науку.

Никто бы сейчас не спорил, человек Христос или миф? Если этот бог был человеком, значит, ничто человеческое не было ему чуждо. Значит, Иисус Христос поддался бы искушению, зашел в ателье и оставил бы нам на память свое бессмертное изображение.

Не могла бы возникнуть дискуссия, кто открыл Америку. И Христофор Колумб, и викинги, и древние японцы не могли бы ни на что претендовать. Потому что фотолюбитель седьмого века, который затесался бы в экспедицию, снял бы великого землепроходца, оставшегося неизвестным, в тот исторический момент, когда, конечно, он, наш соотечественник, а никто другой, открывал Америку на нашу голову!

Предки даже не подозревали, как скверно жить без фотографии.

Рыцари, ускакивая в крестовые походы, были начисто лишены возможности спрятать под латы изображения прекрасных дам. А теперь для командировочных это не проблема.

Современники Ивана Грозного, например, не могли держать на письменном столе фотографию любимого царя. Ее просто не существовало. И сегодня скульптор вынужден был раскопать могилу, вынуть оттуда череп и воссоздать по нему остронепосредственный портрет Ивана Васильевича. Причем современники скульптора утверждают, что портрет похож.

А была бы при Грозном фотография! Царь вызвал бы к себе на дачу фотографа, тот бы его снял, заплатив за это жизнью, зато подлинный снимок самодержца украшал бы школьные учебники.

До появления фотографии жить было дорого. Насколько

дороже было платить за портрет какому-нибудь там Рафаэлю, Рембрандту или Кипренскому, чем сегодня заказать свое родное лицо размером 18 на 24.

Из фотографии возникли кино, телевидение и наша современная живопись. Однако художники тщательно скрывают, что они фотографы, тогда как фотографы открыто заявляют, что они — художники...

Фотоателье «Твой портрет» разместилось на главной улице главного города второстепенной области. Сотрудники «Твоего портрета» любили свое дело, но в данный момент слабо применяли его на практике. Сниматься никто не хотел! Был конец декабря, что значило в переводе на современный язык — конец месяца, конец квартала и, что хуже всего, конец года, когда положено рапортовать, а рапортовать было не о чем.

Руководитель «Твоего портрета» Кирилл Иванович Полотенцев директорствовал двадцать лет и привык находиться в безвыходном положении. Оно стало нормой его жизни. Если вдуматься, то каждый директор — это человек, который не руководит, а ищет выход. Все двадцать лет Полотенцев мужественно воевал с планом и в некоторых сражениях даже одерживал победу. Кирилл Иванович знал,

что люди охотнее всего приобретают фотографии, снятые в переломные моменты жизни. Именно поэтому он посылал своих мастеров-разбойников к загсам, родильным домам, на аэродромы, вокзалы, похороны и новоселья. Но сегодня, в конце года, все эти испытанные средства не спасали, и пужно было придумать что-нибудь новенькое, свеженькое. Железный Полотенцев не хотел, чтобы его преждевременно списывали на металлолом. Он знал: чем хуже положение, тем сильнее коллектив.

— Доброе имя нашей фотографии находится под угрозой! — сообщил Полотенцев доступно и взволнованно. — И жду ваших предложений!

На совещание собралось одиннадцать человек, — двенадцатый был в отпуске, а тринадцатый, Владимир Антонович Орешников, задерживался, точнее оцаздывал, потому что не был начальником.

Владимир Антонович стоял у витрины магазина «Культтовары», где красовались любительские кинокамеры, кинопроекторы, увеличители, длиннофокусные объективы и многое другое, столь же соблазнительное.

Орешников не сводил взгляда с новой, лучшей в мире фотокамеры «Зенит-112», которую компрометировал ярлык с недоступной для Владимира Антоновича ценой. Эта камера была ежедневной мечтой молодого фотографа. Он был убежден, что, когда эта красавица камера окажется в его талантливых руках, он завоюет даже обложку «Огонька». Орешников устал снимать для паспортов, пропусков и сезонных билетов, он хотел снимать поток жизни для тонких журналов и толстых газет. Он хотел прославиться, и в этом нет ничего плохого.

Орешникова отвлекла от витрины расклейщица афиш, которая только что приленила плакат:

«Впервые в нашем городе! 29 декабря состоится очередной тираж 3% выигрышного займа. Граждане! Приобретайте облигации!»

Орешников еще не знал, что этот скромно оформленный плакат сыграет в его жизни немалую роль.

Он вздохнул и заспешил на службу.

Владимир Антонович вошел в помещение, снял пальто и остался в черном джемпере, в узких, но расклешенных в самом низу брюках. Затем он поправил перед зеркалом короткую челку, которую в свое время носили римские патриции, а сегодня носят ученики первого класса и модные литераторы, раздвинул портьеру и появился в фотопавильоне, где только его и не доставало.

В поисках выхода из планово-финансового тупика коллектив монолитно молчал. Орешников мгновенно оценил обстановку.

— Друзья мои! — звонко сказал он. — Они не пойдут сейчас сниматься. Они заняты. Им не до нас. Они моются, стригутся, покупают елки, шампанское и мандарины. Их можно понять, а понять — значит простить. Именно поэтому мне пришел в голову малевский всенародный почин.

— Поделись своими мыслями, Володя! — оживился Полотенцев.

— Что делают в театре, когда нет пьес? — спросил Владимир Антонович.

— Не знаю... — отозвался лаборант Юра. — Наверное, ничего не делают...

— Ответ неверный! — сказал Орешников. — В подобных случаях артисты сами пишут пьесы... А что делают в вытрезвителе, когда не выполнен план?

— Сами надираются! — радостно догадался ретушер Петя, который это дело уважал.

— Умница! — одобрил его Орешников. — А что делают в родильном доме, когда не выполняют план?.. Впрочем, это неудачный пример! — пресек оратор игру фантазии. — Раз нам некого снимать, будем снимать самих себя!

Вновь наступила тишина, а затем раздался смех. Смеялась фотограф Лидия Сергеевна, которая на правах красотищи позволяла себе многое.

— Я считаю ваш смех, Лидия Сергеевна, — призвал ее к порядку Полотенцев, — оскорбительным! Владимир Антонович внес неплохое предложение, которое стоит обсудить.

Первой откликнулась на почин председатель месткома Алевтина Васильевна, женщина молодая, эвергичная, незамужняя и, к сожалению, внешне похожая на своего некрасивого папу. Всю нерастрченную женскую нежность Алевтина расходовала на общественную работу.

— Товарищи! — сказала она с пафосом. — Мы никого не будем агитировать и тем более принуждать. Все на добровольных началах. Нам представился очередной случай проявить сознательность. Каждый, как всегда, будет действовать по велению сердца и гражданского долга. Я, например, снимусь в трех ракурсах: в фас, в профиль и в полный рост. Запишите меня, Ира!

Лаборантка Ира, которая на всех совещаниях вела протокол, открыла фамилией Алевтины список добровольцев и выжидающе посмотрела на Юру. Пять месяцев назад они полюбили друг друга. Их роман протекал в темноте

Либратория, и в этот период «Твой портрет» выдавал немало брака.

— Мы с Ирой тоже щелкнемся, но в трех видах нам дорого! — вздохнул Юра.

— Вы что, беднее других? — кинулась в атаку Алевтина, которая только что распространялась про демократию.

— Войдем в их положение! — встрял в перепалку Орешников. — Люди копят на квартиру. Люди не могут построить семью, ведь на строительство счастья тоже нужны деньги!

Алевтина была непреклонна:

— Ира замуж хочет, а мы из-за этого план не должны выполнять?

— Ладно, — отступила Ира, — мы с Юрой сфотографируемся в трех ракурсах!

— Пусть мне кто-нибудь объяснит разницу между добровольным и принудительным, — подал реплику Орешников, но почему-то именно эти слова не привлекли внимания.

— Я приведу сниматься маму! — пообещал ретушер Петя.

— Прекрасная идея! — воодушевился директор. — Давайте тащите сюда родственников, детей, бабушек, дедушек, друзей — всех волочите, кого сумеете...

— Боюсь, что прогрессивка, которую мы получим за выполнение плана, — желчно усмехнулась Лидия Сергеевна, — вряд ли окупит расходы по нашим снимкам.

— А мы не думаем о личной выгоде! — мягко пожурила ее Алевтина Васильевна. — Мы находимся в обстановке небывалого подъема! Впрочем, вас, Лидия Сергеевна, никто не заставляет.

— Лидия Сергеевна, снимитесь! — примирительно сказал Орешников, который понимал толк в женской красоте. — Будет хоть одна фотография, на которую приятно смотреть.

— Начнем с того, что снимемся все вместе! — резюмировал директор.

Это предложение было поддержано с удовольствием. Сотрудники относились друг к другу с глубокой симпатией. Коллектив не раздирали распри, а, наоборот, подпирала дружба. Вместе встречали праздники, гуляли на днях рождения, устраивали культпоходы и лыжные вылазки.

Собрание проходило непосредственно в фотопавильоне. Женщины сели, мужчины, среди них и Орешников, встали сзади, образовав живописную группу. Кирилл Иванович

собственноручно нажал на автоспуск, будто перерезал алую ленточку, подбежал и плюхнулся на свободный стул между Лидией Сергеевной и Алевтиной Васильевной.

Автоспуск сработал, издав свистящий звук, и тотчас раздался посторонний голос:

— Есть здесь кто-нибудь живой?— и шторы при входе раздвинула старушка, очень старая.

— Одну минуточку!— попросила ее обождать Алевтина Васильевна.— Товарищи! У нас на повестке дня еще есть вопрос. Нужно, чтоб кто-то собрал членские взносы в кассу взаимопомощи. Костя-то в отпуске.

Желающие не находились. Никто не хотел брать на себя эту мороку, потому что, как известно, выбивать членские взносы — это каторжный труд.

Кассы взаимопомощи устроены для того, чтоб в трудные минуты жизни пайщики шли одалживать деньги не у приятелей, портя с ними отношения, а в кассу, то есть у самих себя.

Если пайщик взял деньги и не думает их возвращать, то сумму долга удерживают из его зарплаты. Очень гуманная мера. Когда-то должников сажали в тюрьму, а у одного из индейских племен за долги до сих пор лишают имени и фамилии.

Касса взаимопомощи демократична. Вносят в нее в зависимости от зарплаты, а берут в зависимости от нужды.

Орешников снова выдвинулся на первый план:

— Дорогие мои земляки! В моей голове родилась еще одна мысль. Я выдвигаю свою кандидатуру на пост сборщика взносов вместо Кости, который был либерален и не умел вынимать из нас деньги.

Все с удивлением посмотрели на дурака-активиста. Но, как вскоре выяснится, активистом-то он был, а вот дураком отнюдь нет!

— Есть возражения против кандидатуры товарища Орешникова?— спросил сам Орешников.

Возражений, конечно, не последовало.

— Итак, я выбран! Алевтина, прошу ключи от месткомовского сейфа. Люди, гоните деньги!

Все гурьбой кинулись к выходу.

Орешников наметил первую жертву.

— Кирилл Иванович, сколько месяцев вы не платили в кассу взаимопомощи?— спросил он директора, перехватывая его в дверях.

Алевтина Васильевна, которая была не только пред-

дательном месткома, но и приемщицей, заторопилась к клиентке.

— Для кладбища у вас фотографируют?— деловито осведомилась старушка.— Ну, вроде как на тарелку?

— Вы хотите сказать— на керамику?— поправила Алевтина.— Вам для памятника?

— Если они поставят,— загадочно ответила старушка.— Хотя в завещании деньги на это им оставлены.

— А фотография покойного у вас есть?

— Нет. Святъ требуется.

— А где лежит покойник?— выясняла Алевтина, чтобы проставить адрес в квитанции.

— Я покойник!— сообщила старушка, как о чем-то само собой разумеющемся.— Только я еще не померла.

Алевтина вздрогнула.

— Ты пойми, девушка,— сказала старушка, даже не подозревая, что угадала,— вот помру я, разве они фотографию закажут? Надо самой везде поспеть. И ты вели фотографу, чтобы меня помоложе сделал. Кому будет охота гулять по кладбищу и смотреть на старуху.

— Лидия Сергеевна, займитесь товарищем!— позвала Алевтина и этим спасла ее. Дело в том, что Орешников пытался получить с красавицы взносы.

— Лидия Сергеевна!— зывал Орешников.— Вы злостный неплательщик! Это нехорошо, несознательно! Это ведь касса взаимопомощи, можно сказать, взаимной любви и выручки.

— Человек получил должность и сразу испортился!— сказала Лидия Сергеевна.— Вам надо жениться, Володя!

— Согласен. Но совершенно не на ком. Брижит Бардо выскочила за какого-то немецкого миллионера. Софи Лорен — за итальянского миллионера. В нашем городе я бы с удовольствием выбрал вас, но вы тоже замужем.

— А вы тоже не миллионер,— не осталась в долгу Лидия Сергеевна.

— У меня еще все впереди,— многозначительно намекнул Орешников.

— Лидия Сергеевна, вас ждут!— раздраженно напомнила Алевтина.

— Так, значит, не заплатите?

— Нет,— Лидия Сергеевна обворожительно улыбнулась и ушла увековечивать старушку.

Если бы Лидия Сергеевна знала, чем все это обернется, она бы бегала за Орешниковым и умоляла его принять от нее взносы на всю жизнь вперед!

Чего только не собирают люди! Если собирают марки — это называется филателией, открытки — филокартией, спичечные этикетки — фаллюминией, чемоданные этикетки — кофркартией, старинные монеты — нумизматикой, современные монеты — стяжательством, а как называется собрание членских взносов в кассу взаимопомощи — неизвестно.

Орешников подошел к Алевтине Васильевне:

— Алевтина, показывайте пример!

— У меня сейчас нет денег! — созналась председатель месткома.

— Займите! — потребовал безжалостный сборщик.

— У кого занять-то?

— У меня! — и Орешников полез в карман.

С большим трудом собрав с трудящихся дань, заставив всех расписаться в ведомости, он внес свою лепту и тоже расписался. После этого вложил деньги в конверт, открыл сейф, спрятал в него деньги и с нетерпением стал ожидать конца рабочего дня. Незадолго до закрытия фотографии Орешников совершил странный поступок, оставшийся незамеченным сослуживцами. Проходя мимо окна, которое

смотрело во двор, он отодвинул спингалеты.

Прекратив трудовую деятельность, сотрудники побежали домой к семьям и телевизорам.

Орешников побежал вместе со всеми.

Минут через пятнадцать он вернулся. Фланирующей походкой бездельника прошел мимо погашенных витрин фотографии, как бы случайно свернул во двор и остановился возле окна, которое он сознательно оставил незапертым.

И здесь любимец коллектива показал подлинное лицо. Если бы все люди время от времени показывали подлинные лица, неизвестно, к чему бы это привело. Но люди хитры и непознаваемы, недаром именно из их среды выходят актеры и дипломаты.

Владимир Антонович саркастически усмехнулся и влез в окно. Потом закрыл его за собой, чтобы не было холодно.

Держался он спокойно, как опытный грабитель, но в глубине души ему было не по себе.

Он прислушался. В лаборатории журчала вода. Орешников направился туда и завернул кран, чтобы не капало на нервы. Он уже собирался уйти, как вдруг в темном углу обнаружил каких-то людей, которые увлеченно целовались. При ближайшем рассмотрении это оказались Юра и Ира.

— Эй! — позвал Орешников. — Рабочий день кончился!

Бездомные лаборанты отпрянули друг от друга. Ира банально поправила прическу, а Юра сказал:

— Спасибо, Володя! Как время быстро летит...

— До свидания! — намекнул Орешников.

— До свидания! — прошептала Ира.

— До свидания! — повторил Юра.

И они, наконец, ушли.

Очистив помещение от свидетелей, Орешников неторопливо подошел к сейфу. Мысленно он крался на цыпочках, сняв ботижки.

Он достал из кармана ключ, вставил его в замочную скважину сейфа и небрежно открыл дверцу. Мысленно он потел. Мысленно он задернул шторы на окнах фотографии, выключил свет и надел перчатки, чтобы не оставить отпечатков пальцев.

Открыв сейф, Владимир Антонович вынул конверт с деньгами и без колебаний переложил из общественного кармана в собственный. Внешне он держался молодцом, но внутри обессилел.

Тут ему показалось, что хлопнула входная дверь.

— Ай! — вскричал Орешников внутренним голосом и наружным тоже. На всякий случай он прикрыл спиной амбразуру сейфа. Но тревога оказалась ложной, Это на улице кто-то хлопнул дверцей машины.

Успокоившись, Орешников повел себя еще более странно. Вместо того чтобы бежать со всех ног, он сел за стол и принялся сочинять какую-то бумагу. Сочинив ее, беспечно проследовал в кабинет директора, достал круглую печать, подышал на нее и прижал к бумаге, которая стала теперь документом.

Затем он вернулся к осиротевшему сейфу и взамен присвоенных сумм положил в него таинственный документ.

Если бы можно было проникнуть в сейф и прочитать оставленную там бумагу, кое-что стало бы ясным. К сожалению, законным путем проникнуть в запертый сейф невозможно, прибегать к отмычке неэтично, а ключи положил в пиджак фотограф Орешников.

Он закончил операцию, и ему стало хорошо. Мысленно он снял перчатки, зажег свет в комнате, раздвинул занавески на окнах и надел ботинки, которые на самом деле не снимал. Затем не только в мыслях, но и наяву, вылез в окно на мороз, пересек двор и вышел на главную улицу, освещенную огнями большого города.

Конечно, Орешников мог и не устраивать весь этот спектакль с лазаньем в окно и грабежом сейфа, ключи от которого были у него самого, а просто в конце рабочего дня достать конверт с деньгами и положить в карман, но так Орешникову было неинтересно.

Теперь он уносил деньги и ноги подальше от фотографии, и его следы заметало снегом.

После трудового дня коллектив распадается на составные части. Люди, которые вместе работают, живут, слава Богу, раздельно. И заботы у них совершенно разные.

Юра и Ира, которых спугнул Орешников, прибежали после работы в узенький переулок, густо забитый народом. На грязном желтом снегу топтались сотни людей. Они прихлопывали себя по бокам, дышали на озябшие руки, переминались с одной обледенелой ноги на другую. А вокруг — на стенах домов, на стволах деревьев, на водосточных трубах, даже на урнах — не оставалось свободного места. Все было заклеено бумажками с призывным текстом.

Ира достала из сумочки два картонных плаката, оба на веревочках, один надела на шею Юре, второй нацепила на себя. Затем они стали расхаживать взад и вперед среди других горожан, которые тоже носили на шеях ярмо.

Непосвященный не смог бы понять, что это — барахолка или клуб заговорщиков?

Ни то ни другое!

Трудно найти человека, который доволен своей квартирой! Меняться хотят все. И поэтому в каждом городе существует Бюро обмена. А возле Бюро обмена — толкучка, к ужасу тех, кто живет в соседних домах.

Плакаты, которые носили лаборанты, зывали: «Меняем комнату 12,1 кв. м в пятикомнатной квартире, все удобства, телефон — на две комнаты, не менее 10 метров каждая».

Первым напал на молодых людей странный субъект, сильно помятый, похоже — с перепоя. Его тоже украшал плакат:

«Меняю комнату 5,77 кв. м в деревянном доме без удобств на равноценную».

— Не подойдет? — спросил он Юру. Тот отрицательно покачал головой, и они разошлись.

— Добрый вечер! — окликнула Иру трехкомнатная квартира, которая менялась на четырехкомнатную. Трехкомнатную представляло существо, закутанное с головы до ног в шубы и одеяла.

— Здравствуйте! — обрадовались влюбленные. — Что-то вас давно не было!

— Болел! — ответила трехкомнатная квартира. — Простудился на этом проклятом месте! А вы одеты легкомыс-

ленно. Без валенок не обменяешься, а попадешь в больницу!

— У нас нет валенок!— признались Ира и Юра.— Как ваши дела?

— Четырехкомнатные не строят! Считается, что они не нужны! А вы собираетесь доплатить?

— Что вы! У нас нет денег! Мы хотим пожениться, но нам негде. У Ириных родителей и без меня тесно. А я с братом живу на двенадцати метрах.

— Вы его комнату меняете?

— Ну да!

— Без доплаты никто не пойдет!

— Может быть, кто-нибудь найдется...

— Дураков мало!

— Все-таки есть,— сказала Ира с надеждой.

В отличие от Иры и Юры у Кирилла Ивановича Полотенцева была, быть может, самая большая квартира в городе — семикомнатная.

Чтобы обеспечить Кирилла Ивановича, пришлось объединить две соседние трехкомнатные квартиры. Кирилл Иванович и его жена Вера Фоминична нашли приют в лишней кухне, из которой, когда выкинули плиту и мойку,

выпачиналась отличная шестиметровая комната с окном. Две ванны и два туалета были сохранены. Иначе перед этими помещениями выстраивалась бы очередь.

Дело в том, что у директора фотографии, человека в общем-то смирного, было десять детей. Все население квартиры составляло шестнадцать душ: значит, Кирилл Иванович с женой, десять упомянутых детей, из которых старший, Сева, женился и старшая, Наташа, вышла замуж; Сона и его жена Муза успели обзавестись сыном Левочкой, и была еще жива и во все время мама Веры Фоминичны. Все ее звали по имени — бабушка Катя.

Когда Кирилл Иванович, возвращаясь со службы, вошел во двор, то сразу увидел четырехлетнего внука Левочку. Он вел беседу с приятелем из соседнего подъезда.

— Мне папа купил заводной вертолет! — хвастал приятель.

— Подумаешь! Мне дедушка обещал заводную ракету! — сказал Левочка.

Приятель задумался, чем бы перещеголять Левочку, и, наконец, сообразил:

— А у меня дедушка умер!

Левочка не сдался:

— Подумаешь! Мой дедушка тоже скоро умрет!

Кирилл Иванович остановился и явственно ощутил, как что кольнуло в самое сердце. А внук Левочка, увидев деда, радостно кинулся навстречу:

— Дедушка, что принес?

Чтобы в колхозе Полотенцевых не было неразберихи, Вера Фоминична всегда назначала дежурных. Расписание дежурств висело в коридоре возле вешалки.

Сегодня обязанности диспетчера выполнял Коля, восьмой по счету ребенок, ученик третьего класса.

— Докладывай! — сказал ему Полотенцев-старший, войдя в квартиру и раздевая Левочку, который оказывал посильное сопротивление.

— Значит, так, — приступил Коля. — Муза пошла к зубному, Сева пошел с ней, потому что она боится. Мама уехала на съезд металлистов, я ей помогал писать приветствие. Гена двойку схватил по алгебре, зато Люба сдала зачет.

— Какой? — спросил Полотенцев-старший.

— По спектральному анализу! — бойко ответил современный ребенок. — А Наташка беременная...

И прежде чем отец успел опомниться, дежурный закончил рапорт:

— Я принес белье из прачечной, а учитель в студии сказал, что мне нужен мольберт!

Кирилл Иванович всегда возвращался домой с опаской. Его десять отпрысков вечно нуждались в чем-то, и позарез!

— Без мольберта ты уже не можешь.

— Все говорят, что у меня способности, ты тоже любишь похвастать: мой Коля здорово рисует...

— Денег нет,— сказал отец святую правду.

Попробуйте одеть, обуть и прокормить такую ораву на зарплату директора фотографии!

— Вот тебе письменная заявка,— Коля протянул отцу бумагу.— При распределении получки и пособия на многодетность учтите.

В это время со съезда металлистов вернулась глава колхоза Вера Фоминична. Она была единственной матерью-героиней в городе, и поэтому ее, как местную достопримечательность, бесконечно тягали на все городские собрания, заседания и митинги. Одобрить почин, зачитать приветствие или заклеить империалистов было теперь для нее плевым делом. А дети тем временем росли по принципу самообслуживания. И хорошо росли!

Тем не менее Вера Фоминична царствовала в семье, а Кирилл Иванович занимал при дворе скромное положение, нечто вроде министра без портфеля.

Вера Фоминична вошла, остановилась возле двери и поставила на пол хозяйственную сумку, в которой лежали шестнадцать пирожных — на каждого по штуке.

— Коле нужен мольберт,— сообщил Кирилл Иванович.

— Конечно, нужен. А Пете необходима белая рубашка.

— Почему он не может носить Лешину?

— Не может! Теперь такие воротнички не носят.

— Наташа в положении!

— Кто сказал?— улыбнулась Вера Фоминична. В этой семье всегда радовались пополнению.

— Я сказал,— вставил Коля, добравшись до коробки с пирожными.— Я сегодня дежурный.

— Леше нужен гоночный велосипед,— вспомнила мама.

Гоночный велосипед был ударом ниже пояса. Полотенцев не нашелся, что сказать.

— Не надо было заводить столько детей,— традиционно пошутила Вера Фоминична.

— Все время что-то нужно. Этому нет конца. Я не миллионер!

— Твое богатство — это дети!

Трогательную сцену испортил Коля. Ему захотелось прожого. Он снял с вешалки пионерский горн и протрубил сигнал: «Кушайте все!» Из всех дверей повалили в столовую Полотенцевы разного пола и возраста.

Пока семья Кирилла Ивановича шумно ужинала, Лидия Сергеевна возвращалась домой.

Женщина, даже самая красивая, перестает быть похожей на женщину, если после работы едет городским транспортом.

Когда Лидию Сергеевну вытолкнули из трамвая, ее просто нельзя было опознать. Она стала похожей на курицу, которую ощипывали и остановились где-то на полпути. Думала Лидия Сергеевна, как бригада вокзальных посылщиков, когда у них еще не было тележек.

В таком непотребном виде она заявила домой.

— Кто тебя мял? — неприятливо встретил ее муж.

Лидия Сергеевна упала на стул, но муж не дал ей прийти в себя и привычно взял разгон:

— Где ты шатаешься?

Никто из знакомых не знал имени этого серого мужичка. Все называли его просто: «Муж Лидии Сергеевны». Он не смотрелся рядом с женой, как вишнегрет рядом с леопардом.

— Обед готов? — устало спросила Лидия Сергеевна. — Я очень голодна.

— Я знаю, ты вышла за меня замуж, чтобы я мотался по магазинам, варил обед и мыл посуду! Да, у меня заурядная внешность, я не знаменитый футболист, не модный поэт и не генерал. Я всего лишь рентгенолог. Я сижу целый день в темноте...

— Слушай, надоело! Перестань! Я тебя люблю, — отмахнулась жена, — только тебя. Успокойся.

— Я знаю, ты меня бросишь! — не унимался ревнивец. — Я, между прочим, студень сварил. А почему ты так поздно пришла?

— Понимаешь, я хотела сделать маникюр, но перед Новым годом ни в одну парикмахерскую невозможно пробиться, — монотонно оправдывалась Лидия Сергеевна.

— А в рабочее время ты не могла пойти в парикмахерскую? — заявил муж, зная, что обычно его жена делает личные дела именно в рабочие часы.

— Не могла. У нас было собрание.

— Собрание! Ты бы сначала думала, прежде чем врать!

— Понимасшь, мы не выполнили план, — стала рассказывать все как было Лидия Сергеевна, — и решили для вы-

полнения сниматься сами. Может быть, ты тоже придешь и снимешься?

Это было чересчур.

Муж завыл...

Он выл потому, что не верил красивой жене. Он выл потому, что боялся ее потерять. Он выл потому, что ее любил.

Пока он выл, Лидия Сергеевна ела студень.

Если семейную жизнь Лидии Сергеевны можно было считать устроенной, то у Алевтины Васильевны все обстояло значительно сложнее.

Когда она вернулась домой, мама встретила ее в передней и прошептала на ухо:

— Жених пришел!

Алевтина вспыхнула и помчалась переодеваться.

Она появилась в столовой, одетая в лучшее платье, где пышный бант заменял отсутствующую грудь.

За столом пил чай с домашним вареньем жених лет пятидесяти. А в углу прятался за табачным дымом отец Алевтины, Василий Александрович, который к сватовству относился с отвращением.

За последние десять лет, после ряда безуспешных попыток, требования Алевтины к кандидатам на пост мужа резко упали. И поэтому жених не произвел на нее отталкивающего впечатления. В самом деле, он не был горбат, одноглаз и не носил слуховой аппарат. Он сказал внятно, не шепелявя и не заикаясь:

— Ну, здравствуй!

— Здравствуйте!— ответила Алевтина, протягивая руку, сложенную совком.

Здороваясь, жених с места не приподнялся и руки не поцеловал.

— Меня зовут Иван Степанович. Фамилия Калачев. А тебя как?

— Аля,— она засмушалась и присела на краешек стула.

— Вы пейте чай, Иван Степанович,— вступила в беседу мама.— Это варенье Аля сама варила.

Иван Степанович разглядел невесту, и ее внешность ему не понравилась. Сразу встать и уйти было непорядочно. Иван Степанович завел вежливый разговор:

— Значит, в фотографии работаешь, приемщицей?

— Да... — прошептала Алевтина.

— Это ничего. У нас любой труд почетен.

Отец закашлялся от дыма и от гнева.

— Варенье у тебя вкусное...— Иван Степанович вовсе не хотел обижать Алевтину. Она же не виновата, что у нее такое лицо.

— Аля замечательно готовит, — хлопотала мать.— Вот когда зайдете в следующий раз, Аля вам яблочный пирог спечет!

— Не знаю, когда еще выберусь,— вздохнул Калачев,— работа у меня беспокойная, я ведь директором автобазы...— Он поглядел на часы и фальшиво заохал: — Засиделся у вас. Пора мне. Спасибо за чай!

— Убирайся отсюда! — послал его подальше Василий Александрович. — Чтобы ноги твоей здесь больше не было!

— Не сомневайся! Не будет! — с достоинством ответил несостоявшийся зять, выходя в коридор.

Алевтина сидела красная, бант поник.

Пока жених надевал калоши, мама пыталась спасти положение.

— Из-за тебя, — сказала она мужу, — дочь никогда замуж не выйдет! А ну-ка, проводи его! — приказала она Алевтине.

— Не пойду!

— А у меня нет больше сил женихов выскивать!

И Аля покорилась.

— Я вас провожу! — сказала она Ивану Степановичу, выйдя в переднюю и стараясь не реветь.

— Валяй! — разрешил бывший жених.

Уже на улице Калачев решительно осудил родителей Алевтины:

— Отец у тебя больно горластый. Из военных, наверно?

— В отставке.

— Много себе позволяет...

— А ему все это сватовство противно!

— А тебе?

— Мне тоже.

Калачев посмотрел на нее с интересом.

— А чего пошла провожать?

— Мать велела.

— Ну и как я тебе, понравился?

— Человек вы несимпатичный! — искренне высказалась Алевтина, прекрасно понимая, что терять нечего, и не желая поэтому терпеть унижений.

— Ты тоже не подарок! — не скрыл правды Калачев.

— А зачем вам жениться в таком возрасте? — с подковыркой заметила Алевтина. — Домработница нужна, что ли?

— А ты на другое и не годишься! — не остался в долгу Калачев.

Алевтина поглядела на него печально:

— Вот вы думаете, Иван Степанович, некрасивая я. А это не так. Просто у меня денег не хватает. Вот если бы я могла купить туфли на шпильках, ажурные чулки, платье-джерси и модное пальто, меня бы любой в жены взял! И не ходила бы я с таким охломоном, как вы!

Вызвав все, Алевтина повернулась и ушла, не оглядываясь.

Иван Степанович посмотрел ей вслед и озадаченно подумал: «А может, действительно, если ее приодеть, сойдет».

Пока Калачев смотрел вслед Алевтине, мимо него проскользнул Орешников с дерзким проектом в голове и с общественными деньгами в кармане для выполнения этого проекта.

Владимир Антонович подошел к сберкассе № 5288/0331 и толкнул входную дверь, не зная, что этот поступок повернет его судьбу самым крутым образом.

Контролер сберкассы Оля была маленького роста, и чтобы посетители сберкассы могли ее разглядеть, подкладывала под себя два тома Большой советской энциклопедии. А разглядеть Олю стоило. Хотя она всю сознательную жизнь считала и пересчитывала чужие деньги, отпечаток зависти не лег на ее славную физиономию. Хорошенькие девушки в магазинах, парикмахерских или сберкассах раньше ждали сказочного принца или, на худой конец, миллионера. Теперь они ждут космонавта или, на худой конец, киноартиста. Оля надеялась, что откроется дверь и в сберкассе, чтобы разменять сторублевую купюру, случайно зайдет живой Рыбников, увидит ее, Олю, и скажет: «Отказываюсь от жены своей, киноактрисы Аллы Ларионовой — тебя я всю жизнь ждал!»

Но шли дни, превращались в месяцы и годы, а Рыбников все не заходил.

Зато перед самым закрытием в сберкассе появился Владимир Антонович Орешников, просунул в окошко незаурядную голову, увидел Олю, тихо ахнул и спросил:

— Почему у меня никогда не было сберкнижки?

Оля встретилась с ним глазами и поняла, что принц, наконец, пришел!

— Вы хотите завести сберегательную книжку?— спросила Оля дрогнувшим голосом.

— Нет!— ответил Орешников, не сводя с нее глаз.

— А зачем же вы пришли?— сказала Оля, влюбляясь.

— Я пришел,— сказал Орешников, тоже влюбляясь,— купить одну облигацию трехпроцентного займа.

— Пожалуйста!— сказала Оля.

— Только дайте мне, пожалуйста, ту, которая выигрывает десять тысяч!— протягивая украденные деньги, сказал Орешников.

— Возьмите!— Оля счастливой рукой вытащила из пачки облигацию и отдала Орешникову.

— Подумать только! — патетически воскликнул Владимир Антонович. — Если бы я не ограбил сегодня сейф, мы бы никогда не встретились!

Оля улыбнулась, и ее улыбка доконала хранителя кассы взаимопомощи.

— Вас зовут Оля, — сказал вдруг Орешников.

— Откуда вы знаете? — удивилась девушка.

— Наверно, телепатия. Вы ведь тоже знаете мое имя?

— Володя... — неуверенно сказала Оля.

— Правильно! — под-

твердил Орешников. — И пойдем отсюда!

Оля послушно надела пальтишко и пошла за Орешниковым.

На улице современная Золушка робко спросила:

— А куда мы пойдем, Володя?

— Хотелось бы пойти туда, где побольше тепла и поменьше людей, — поеживаясь от холода, ответил современный принц. — Чтобы попасть в кафе, надо стоять в очереди, в кино не достать билетов, музеи уже закрыты, в церквях не топят, а метро в нашем городе нет. И все-таки, Оля, вам повезло, что вы встретились со мной! Пошли!

В искусстве, как в спорте, главное не рекорды, а массовость. Важно, чтобы спортсменом занимались все — от академика до колхозника. И так же важно, чтобы пьесы писали все — от колхозника до академика. Подлинный расцвет драматургии наступит тогда, когда пьесы начнут сочинять массы, а не отдельные выскочки. На пути развития драматургии, как и на остальных путях, уже имеются достижения. С каждым годом количество авторов растёт. Пьес столько же, сколько, например, министерств, то есть очень много, просто не сосчитать. А ставить театрам нечего!

Орешников и Оля успели к городскому театру как раз к началу спектакля. Шла пьеса, которую сварганил для выполнения плана местный артист.

Билеты в кассе были. Но Орешников подошел к окошку администратора и поздоровался:

— Добрый вечер, Марк Яковлевич!
— Здравствуй, Володя! — улыбнулся ему администратор. — Как отец?

— Выздоровливает и завтра явится на репетицию. Вы мне не дадите два места в партер?

Марк Яковлевич охотно выписал ему места в девятом ряду.

По мраморной лестнице они поднялись в фойе, где висели портреты артистов, снятых в их ранней молодости. По наощенному паркету Орешников подвел Олю к буфетной стойке, они выпили шампанского, закусили пирожным «эклер», и еще Орешников купил несколько конфет, чтобы есть их по ходу представления.

— Вы знаете, Оля, я тоже играл в этом театре, — рассказывал он. — Я сделал гигантскую карьеру. Я начинал с восьмого солдата, а доигрался до того, что у меня была реплика: «Наши взяли город!» Это было вершиной моего творчества!

Оля рассмеялась.

Прозвенел третий звонок. Орешников и Оля устремились в зрительный зал.

— Здесь тепло, — сказала Оля, усаживаясь, — и кресла мягкие...

— А главное, мы, можно сказать, одни! — заметил Орешников, тоже усаживаясь. — Оглянитесь по сторонам!

Оля огляделась. По партеру, кроме них, было разбросано шесть парочек. Две парочки укрылись в бельэтаже. А еще одна парочка на балконе уже целовалась, не дожидаясь, пока погаснет свет.

Но вот огромная хрустальная люстра перестала сверкать. Оркестр из семи грустных музыкантов сыграл торжественную увертюру. Раздвинулся занавес. Декорация изображала сегодняшнюю пятиэтажную деревню. Толпа колхозников, одетых по последней моде, заимствованной из французского журнала «Вог», смотрела на героя и героиню. Причем артистов на сцене было значительно больше, чем зрителей в зале.

— Ты смотри, не бросай родную деревню! — сразу начал разрабатывать конфликт герой.

— Деревня не удовлетворяет мои духовные устремления! — заартачилась героиня.

— Мы скоро троллейбус по главной улице запустим! — пообещал герой. — И высотный коровник отгрохаем, в двадцать семь этажей!

— А как же коровы будут лазить на такую высоту? —

ехидно спросила героиня. Артисты дружно рассмеялись, потому что по замыслу автора это была юмористическая реплика, на которую следовало смеяться.

— Мы их на лифте будем подымать! Не уезжай ты, зорька ясная, не ломай золотую любовь...— речитативом заканючил герой.

Орешников и Оля не сводили глаз друг с друга. Им было очень хорошо. Мешали только артисты, потому что говорили громко.

28 ДЕКАБРЯ

Назавтра сотрудники фотографии приносили себя в жертву, вдохновленные решением общего собрания. Как один человек, пришли шестнадцать Полотенцевых, дружно пошумели, внесли вклад, вгоняя при этом в пот обоих фотографов, и разбежались по городу.

Когда Алевтина приступила к выполнению долга, ее охватил энтузиазм.

— Опустите голову!— попросил Владимир Антонович, не предполагая, что наносит смертельный удар по священному порыву.

Вложив свой кирпич в здание годового плана, Алевтина возвратилась на рабочее место. Здесь ее поджидал незванный посетитель. Он сидел в распахнутом пальто, под которым виднелся выходной костюм, белая рубашка и галстук, вывязанный узлом величиной с диетическое яйцо высшей категории. В одной руке посетитель держал шапку, в другой — цветок.

Увидев этого человека, Алевтина покраснела.

— Здравствуй, Аля!— сказал Иван Степанович Калачев.

— Вы зачем пришли?— нелюбезно встретила его приемщица.

— Фотографироваться, — улыбнулся Калачев.

— А что, в городе другой фотографии нет?

— Ваша самая лучшая.

— Вы с цветком будете сниматься?— не удержалась от шпильки Алевтина.

— А ты не язви!— с укором сказал Иван Степанович.— Цветок тебе! А зимой цветы очень дороги!

— А с чего это вы так расщедрились?

Тут Калачев решил, что настал удобный момент, хватит тянуть резину, пора брать быка за рога:

— Ты пойми, Алевтина! Я целую ночь не спал, думал, навешивал! Более подходящей жены мне не найти. Сам-то я немолодой уже, малопривлекательный, живот растет, а на голове наоборот! С тобой мы два сапога — пара! Обманывать я тебя не буду, и ты меня не будешь — кто на тебя польстится?

Такого Алевтине еще никто и никогда не говорил. По сути дела Калачев установил рекорд!

— Это как же понять? — беззащитно прошептала Алевтина. — Вы мне в любви изъясняетесь, что ли?

Иван Степанович понял, что переборщил.

— А что я такого сказал? — стал оправдываться жених, переполненный серьезными намерениями. — Я тебя любить буду и получку обещаю отдавать всю, до копейки! А другая за меня и не пойдет.

Терпение Алевтины лопнуло:

— Иван Степанович! Я хочу выйти замуж! Все время про это думаю! Но лучше умереть старой девой, чем жить с человеком, который тебя унижает!

— Чего ты кипятишься? — с максимальной нежностью, доступной его сердцу, сказал Иван Степанович. — Я к тебе с открытой душой. И характер твой мне нравится — правдивая ты! А я, понимаешь, вдовец. Не могу жить без хозяйки. Давай вечером в кино пойдём? Ну как? — закончил он с надеждой. — По рукам?

Алевтина нашла спасительный выход:

— Владимир Антонович! Гражданин пришел фотографоваться! Займитесь им, пожалуйста!

И вышла.

Увидев Ивана Степановича с цветком в руке, Орешников задумался и поглядел на модель творческим взглядом.

— Мы сделаем композицию, — вдохновенно сказал он. — Мужчина и роза!

— Этого не надо! — отказался Калачев.

— Вы уж доверьтесь художнику!

— Ни в коем разе! Кому-кому, а художнику нельзя доверять!

Иван Степанович сел и уставился в объектив.

— Ты давай без фокусов, без абстракций!

Тут к Орешникову подошел ретушер Петя и провел языком по страждущему нёбу:

— Володя, извини, дай три рубля!

Петя был человек бедный и поэтому всегда возвращал долги.

— У меня денег нет!

— А ты мне выдай трешку из кассы взаимопомощи, в официальном порядке, — жажда сделала Петю сообразительным.

— А я эти деньги уже потратил! — сказал правду Орешников, но Петя не поверил; обиделся и ушел.

Чтобы больше не встречаться с Калачевым, Алевтина отсиживалась в кабинете директора. Коротая время, она советовалась с Кириллом Ивановичем по важному поводу.

— Денег ни у кого нет. Под Новый год все растратились, — уныло сетовал Полотенцев.

— Мы не можем ломать традицию. Мы живем дружно, такие мероприятия сплачивают коллектив, — настаивала председатель месткома.

— Я не против, — сдался Кирилл Иванович. — Но где взять деньги?

— В кассе взаимопомощи.

Полотенцев распахнул дверь и позвал Орешникова:

— Володя, открывай сундук и неси взносы.

— Зачем? — нахмурился Владимир Антонович.

— Нужны! — сказала Алевтина.

— Вы все сговорились, что ли? — вдруг взбунтовался Орешников.

Он выскочил из кабинета, хлопнул дверью, промчался по комнатам, со злостью открыл сейф, достал из него бумажку, которую он положил туда вместо денег, вернулся обратно и сунул эту бумажку под нос директора:

— Эти взносы я первый одолжил! Вот расписка!

Полотенцев и Алевтина с удивлением воззрились на невиданный документ.

— Что же нам делать, — искренне огорчилась Алевтина. — Мы каждый раз под Новый год собираемся...

Орешников тоже расстроился:

— Если бы я знал, что это для такого святого дела, как междусобойчик, я бы ни за что их не потратил.

— Ну ладно, Володя, — примирительно сказал директор, возвращая расписку Орешникову, — придумаем что-нибудь.

— А на что вы их потратили? — Алевтиной двигало не женское любопытство, а чувство общественного долга.

— Купил облигацию, — оптимистично сообщил Орешников. — Мне нужно выиграть четыреста двадцать рублей.

— Почему четыреста двадцать? — весело осведомился Полотенцев. — Почему не десять тысяч?

— Хочу купить фотоаппарат «Зенит-112».
Полотенцев рассмеялся. Но Алевтина насторожилась.
— Завтра я этот долг погашу!— объяснил Орешни-
ков.— С выигрыша.

При этих словах Кирилл Иванович засмеялся еще громче.

Алевтина по-прежнему не видела в поведении Орешникова ничего смешного.

— Это антиобщественный поступок! Коллектив вам доверил деньги, а вы их истратили на себя!

— Это ведь на несколько дней,— стал оправдываться Владимир Антонович.— Если не повезет — я допускаю такую возможность,— тогда я сдаю облигацию, возвращаю деньги и больше в эту азартную игру не играю!

— У меня жена в тиражной комиссии,— вспомнил Полотенцев, все еще смеясь.— Ты сходи, Володя, посмотри, как это там выигрывают другие. Ради такого важного дела я тебя отпускаю с работы. Желаю тебе удачи! Ты давай там сорви куш побольше...

В этот день в фотографии больше ничего интересного не произошло.

Интересное случилось после работы, когда Лидия Сергеевна, включившись в общую сутолоку, направилась по магазинам.

Сегодня ей особенно досталось.

Несмотря на то что трудовой год кончался, у людей еще оставалось много нерастроченных сил. Нестриженные толпы трудящихся штурмовали парикмахерские, словно в течение года у них не было времени сделать себе причёску. Немытые толпы атаковали бани, словно у них не было времени помыться раньше. Трезвые толпы осаждали винные магазины, словно за весь год у них не было предлога выпить.

На елочном базаре, где неистовые горожане отнимали друг у друга чудосочные стволы, Лидия Сергеевна потратила два часа, пытаясь купить елку. Наконец она с бою взяла хвойное дерево, которое правильно срубили, так как оно уже давно не украшало лес.

Закончив покупки, Лидия Сергеевна доплелась до своей двери. Достать ключ из сумочки у нее не хватило сил, да и руки были заняты. Она постучала в дверь ногами. Муж не открывал.

Тогда Лидия Сергеевна прислонила к стенке тощую елочку-палочку, поставила на пол сумки, достала ключ и открыла дверь.

— Милый! — позвала Лидия Сергеевна: — Я елку достала и твой любимый рокфор!

Муж не прибежал даже на запах рокфора.

Лидия Сергеевна забеспокоилась. Муж давно должен был быть дома. Волоча ствол, Лидия Сергеевна вошла в комнату.

В комнате не было ничего!

У Лидии Сергеевны стало такое выражение лица, которое обычно появляется у женщины, когда ее остригли под ноль.

Вряд ли кому понравится прийти домой и увидеть очищенную квартиру.

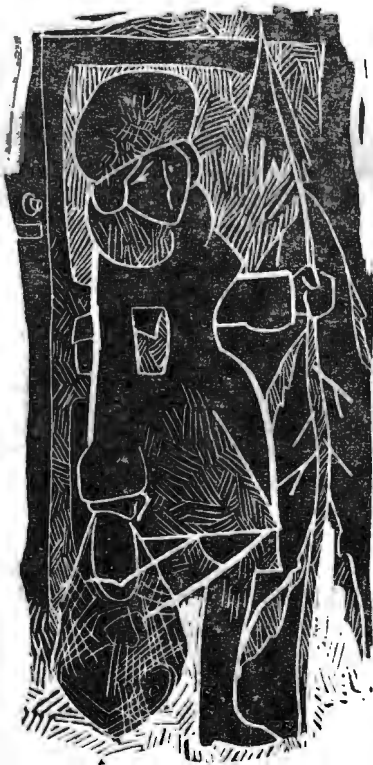
Когда к Лидии Сергеевне вернулось сознание, она заметила, что вор действовал странно. Он вывез всю мебель, кроме трельяжа. И забрал все вещи, кроме женских! Прежде чем украсть шкаф, он вынул из него платья и, чтобы их не помять, на плечиках развесил по шингалетам окна.

Белье Лидии Сергеевны он сложил на пол стопкой, но подстелил газету, а туфли стояли у стены, выстроенные в ряд. Женскими вещами жулик явно побрезговал. Очевидно, он был женоненавистником. Более того, вор оставил записку. Записка лежала на паркете в центре комнаты, придавленная черной лаковой туфелькой.

Текст письма был лаковым:

«Твоего я ничего не взял!»

Лидия Сергеевна все поняла и зарыдала. Из-за кражи она не стала бы так отчаиваться. Как все женщины мира, она предпочла бы, чтоб ее обокрали, нежели бросил муж! О том, что она вскоре полюбит Орешникова, Лидия Сергеевна еще не знала и поэтому рыдала безутешно.

А жизнь тем временем шла своим чередом. На ночь глядя Орешников вел Олю к фотографии «Твой портрет». Они зашли во двор. Владимир Антонович открыл окно и галантно сказал:

— Пожалуйста!

Оля доверяла любимому и полезла в окно, не думая о том, что поступает неосторожно. Орешников прыгнул за ней, затворил окно, чтобы не влез еще кто-нибудь и не помешал им, и они с Олей остались в полной темноте. Но Орешников повел себя не так, как ведет себя в подобных ситуациях большая, но худшая часть мужского населения планеты. Он не воспользовался обстоятельствами и не стал приставать к девушке. Он взял ее за руку, пригласил в фотонавильон и включил полный свет.

— Слушай, Оля!— сказал Орешников.— Я большой художник, а все большие художники оставляют потомкам портреты любимых. Сядь на этот стул, я тебя буду фотографировать!— И он накрыл голову пыльной черной тряпкой.

Оля была потрясена благородством своего избранника. Она полкубила его еще больше, хотя уже вчера любила изо всех сил.

— Голову чуть левее!— попросил Орешников.

Оля повернула голову левее.

— Нет, не так!— сказал Орешников. Он вылез из-под тряпки и, ласково прикоснувшись руками к Олиной голове, повернул ее в нужном для искусства направлении. Затем вернулся к аппарату, поправил осветительный прибор, поглядел на Олю сквозь матовое стекло и, как взыскательный мастер, опять остался недоволен.

Он вторично прикоснулся руками к Олиной голове, придавая ей нужный ракурс. На этот раз данная процедура длилась несколько дольше, и Орешников уже менее охотно отошел к аппарату.

Когда он подходил к Оле в шестой раз, у него не хватило силы покинуть ее. Совершенно непонятно, как это случилось, но они поцеловались.

Это произошло стихийно. Орешников на самом деле мечтал снять Олин портрет, но он не был виноват, что ничего не вышло.

Любовь оказалась сильнее искусства.

— Отверни аппарат! — попросила Оля. — Он на нас смотрит!

29 ДЕКАБРЯ,

ДЕНЬ

Тираж разыгрывался на сцене городского театра и успешно заменил дневной спектакль. В городе розыгрыш проводился впервые, и зал был битком набит желающими выиграть. В глубине сцены за столом восседала тиражная комиссия, составленная исключительно из честных людей. Среди них заслуженно находилась мать-героиня Вера Фомична Пологнцева. На просцениуме установили два вертящихся барабана, заполненных бумажками. Бумажки, туго свернутые в трубки, скрывали номера облигаций и номера серий. Высокая честь вытаскивать счастливые номера была по традиции оказана пионерам. Взрослым никогда этого не доверяют. Взрослые могут смухлевать, в нужный момент изловчиться и добыть из тысячи бумажек именно ту, которую им надо. А в данном случае руками ребенка так же, как устами, глаголет истина.

Орешников явился к самому началу официальной процедуры.

Уходя из фотографии, он обошел всех сотрудников и уговаривал каждого составить ему компанию. Но никто не держал облигаций. Все желали Орешникову успеха, только Алевтина Васильевна промолчала. Потом она позвала лаборантку Иру, попросила подменить ее, надела пальто и устремилась вдогонку за Владимиром Антоновичем.

Орешников сел в седьмом ряду на тринадцатое место, в ужасе подскочил и перепрыгнул на соседнее, четырнадцатое. Если бы он этого не сделал, облигация наверняка бы не выиграла.

«Игра!» — спрашивают в популярной опере и тут же отвечают: «Игра!»

В другой, не менее популярной опере утверждают: «Люди гибнут за металл!»

Владимир Антонович Орешников как раз находился на краю гибели.

— Разыгрывается выигрыш в десять тысяч рублей! — объявил в микрофон председатель тиражной комиссии.

Барабан завертелся. А когда остановился, пионерка с лицом ангела вынула свернутую бумажку и отдала председателю. Тот развернул ее и огласил номер облигации!

— Два ноля тридцать пять сорок три!

Орешников полез в карман, достал облигацию и поглядел на нее. Номер совпадал.

У Орешникова на секунду остановилось сердце.

Пионер с лицом архангела извлек из другого барабана другую бумажку и тоже передал председателю. Председатель опять развернул и зачитал номер серии:

— Ноля один!

У Орешникова еще раз остановилось сердце, но, к счастью, не навсегда. Номер серии тоже совпадал.

На месте Орешникова нормальный человек поступил бы так: воровато огляделся бы по сторонам, надежно спрятал облигацию и, стараясь не привлекать внимания, на цыпочках скрылся.

— Я здесь! — заорал на весь театр Орешников и кинулся на сцену. — Вот облигация!

Тихое течение тиража было нарушено.

Зал встал и начал завистливо аплодировать.

Члены тиражной комиссии по очереди пожимали счастливчику руку

Вера Фоминична Полотенцева узнала фотографа и подвинула к себе микрофон.

— Дорогие товарищи! — сказала она поднаторевшим голосом. — Крупный выигрыш пал на облигацию, которая принадлежит жителю нашего города, скромному труженнику, фотографу, товарищу Орешникову! Поприветствуем его!

Зал захлопал пуще прежнего. Орешникову было хорошо. Он понял, что рожден для славы и для денег. Он не стеснялся, он кланялся, как прима-балерина. Ему хотелось плясать, но не было музыки.

В партер вбежала Алевтина и увидела на сцене фотографа, которому рукоплескала толпа.

Алевтина ничего не поимала, но нехорошее предчувствие закралось в ее душу.

— Переходим к следующему выигрышу — в пять тысяч рублей! — утихомирив возбужденных игроков председатель комиссии. Но главный игрок не унимался:

— Извините, а как же я?

— Что вы? — переспросил председатель.

— Я жду.

— Чего?

— Денег! — просто сказал Орешников.

Настырность героя зал встретил одобрительно.

И тут Алевтина все поняла.

— Уважаемый товарищ! — вежливо сказал Орешникову председатель. — Я понимаю, что радость переполняет вас. Мы ее разделяем. Искренне, — на всякий случай добавил он. — Вы можете получить выигрыш в государственных сберегательных кассах.

— Ура! — издал счастливый вопль победитель тиража. Он вспомнил, что Оля работает как раз в сберкассе.

Председатель слегка перетрусил:

— Но сейчас вы туда не идите. Выплата выигрышей производится после опубликования таблицы розыгрыша в газетах.

Орешников подскочил к пионерке и поцеловал ее в щеку. Потом подлетел к пионеру и чмокнул его в лобик. Потом вернулся к председателю и обошелся с ним, как с грудным младенцем: сложил из пальцев «козу рогатую» и игриво пощекотал председателю грудку, издавая губами сюсюкающий звук.

Тиражная комиссия веселилась вместе с публикой. В театре еще ни разу не было так весело.

Орешников вприпрыжку сбежал со сцены и увидал Алевтину. Как все счастливые люди, он был занят собой и не уловил ее дурного настроения.

— Алевтина Васильевна, поздравьте меня! Я выиграл десять тысяч!

Но она не поздравила его, а Орешников даже не заметил.

— Это та самая облигация, помните? — продолжал болтать неосторожный богач. — Посмотрите! — и он сунул облигацию Алевтине.

Вокруг Орешникова и Алевтины стали собираться люди. Число их все возрастало, и вскоре образовался гигантский волнующийся круг, где эпицентром была облигация.

И это закономерно. Никто из этих людей, из их родствен-

Орешников, друзей или знакомых никогда и нигде не видел ни крошечку бумаги, который можно обменять на такие бешеные деньги.

Орешников представил Алевтину окружающим.

— Друзья мои! Это наш председатель месткома. Славная женщина. Пришла за меня поболеть. Поприветствуем и ее тоже!

Захлопал, правда, один Орешников.

Вокруг рассмеялись. Но Алевтина стерпела и это.

Никто уже не обращал внимания на такую мелочь, как розыгрыш пяти тысяч рублей.

— Этот человек мешает проводить мероприятие!— обратился председатель к членам комиссии.

Спасла положение Вера Фоминична Полотенцева. Она подозвала милиционера:

— Пожалуйста, выпроводите отсюда выигравшего товарища и доставьте его куда ему нужно, а то у этого чудака отнимут его облигацию!

Милиционер растолкал любопытных, подошел к Орешникову, увидел, что облигация в руках Алевтины, и приказал:

— Верните ему! Ишь вы какая!

Алевтина была вынуждена подчиниться представителю власти.

Милиционер повел Орешникова к выходу, а тот размахивал облигацией и призывал:

— Дамы и господа, приобретайте облигации трехпроцентного выигрышного займа! Благодарю за внимание! Храните деньги в сберегательной кассе! Пейте томатный сок! Страхуйте свою жизнь! Своевременно вносите членские взносы!

Орешников утих только на морозе.

— Куда сопровождать?— спросил его милиционер.

— В фотографию «Твой портрет». Рабочий день еще не кончился, а меня отпустили только на розыгрыш!— Орешникову не терпелось поделиться радостью с товарищами.

Маленький отряд тронулся пешком. Чтобы чего-нибудь не приключилось, милиционер держал Владимира Антоновича под руку. Алевтина плелась на шаг сзади в виде бесплатного приложения.

Увидев Орешникова под конвоем, сотрудники побросали работу и гурьбой столпились в приемной.

— Кто начальник?— спросил конвоир.

— Я!— ответил Полотенцев.— А что он натворил?

— Такое, что вам и не снилось! — туманно сказал милиционер. — Вручаю его вам в целости и сохранности, со всем его содержимым!

Исполнив долг, милиционер направился к выходу. Стук его подкованных сапог четко разнесся в наступившей тишине.

Орешников обвел сослуживцев горделивым взглядом. Когда за милиционером захлопнулась дверь, на первый план выступила Алевтина. Именно ее особенно горячо приглашал Орешников пойти с ним на розыгрыш, именно ей показал он счастливую облигацию, именно ее так тепло представлял публике.

Алевтина сказала недобрым голосом:

— Этот тип выиграл десять тысяч на наши членские взносы!

В фотографии повис траур. Один Орешников держал хвост морковкой. Он ко всем приставал. Он не понимал, что его назойливость сейчас неуместна.

Мировая литература всегда выступала против тлетворного влияния денег. Но,

увы, мало чего достигла. Распространенное мнение, что искусство влияет на умы, сильно преувеличено!

Для невыигравших сотрудников время тянулось медленно. Каждый носил горе в себе.

В разгар печали пришла старушка, вся в заботах о загробном будущем.

— Ну что? Готово? — спросила она у Алевтины, предъявляя квитанцию. — Мне ждать некогда. А то, знаете, неровен час...

Приемщица молча отдала керамический овал с изображением клиентки.

— Это кто же здесь такая хорошенькая? — обрадовалась старушка. Она расселась на стуле, явно не торопясь уйти. — Неужто я? Молодая... Эдак я еще

долго пререржусь! Передай спасибо фотографу. Вот придут на кладбище люди, поглядят на меня и скажут: какая молодая померла! До чего ж ее жалко, бедненькую...

Алевтина не проронила ни слова.

Старушка достала из сумки заранее припасенное полотенце, бережно завернула в него портрет и, наконец, поднялась.

— Теперь бы не разбить до похорон! — сказала она на прощанье. — Примета плохая!

Возле Алевтины возник Орешников.

— Алевтина Васильевна, подумать только: я выиграл десять тысяч!

Наглость Орешникова, который не желал понимать, что разбогател на чужой счет, взбесила приемщицу.

— Я видела это собственными глазами!

— Первым делом я куплю «Зенит-112». Из фотографии уйду. Стану корреспондентом. Придется приобрести машину. Как вы думаете, взять «Волгу» или обождать «Фиат»?

— Купите грузовик!

Орешникову понравилась идея, что он может себе позволить купить грузовик:

— А сколько он стоит, дороже, чем легковая?

— Не знаю, не приценялась!

— Как вы смотрите на то, — продолжал сорить деньгами Орешников, — если я куплю яхту? Правда, в городе нет моря и поблизости тоже. Переехать в Крым, что ли, и купить там заодно виллу? Нет, крыша будет течь, ремонты замучают. Это не в моем стиле — возиться с ремонтами...

То, что Орешников может, но не хочет купить виллу на берегу Черного моря, доконало Алевтину. Она выскочила на мороз без пальто.

Владимир Антонович проводил ее недоуменным взглядом и стал выскивать следующую мишень. Ему подвернулся ретушер Петя.

— Петя, я выиграл десять тысяч и не знаю, что купить. Я как-то к этому не подготовлен!

— Я за тебя рад! — искренне сказал Петя. — И я уже все подсчитал. Ты можешь купить 3484 пол-литра и еще останется девяносто две копейки на закуску! Если ты будешь пить по литру в день...

— По литру? — растерянно переспросил Орешников.

— То тебе хватит на пять лет. А если еще есть посуду...

— Эта свежая мысль не приходила мне в голову.

Я подумаю. Спасибо! — поблагодарил Орешников и переключал в лабораторию к Ире и Юре, которые были настолько потрясены случившимся, что даже не целовались.

— Дети! Я выиграл десять тысяч и теперь собираюсь жениться!

Юная пара не пожелала его поздравить. В лаборатории тускло светила красная лампа, и выражения лиц не было видно.

— Если я подарю невесте «Волгу» и квартиру, конечно, двухкомнатную, — продолжал разглагольствовать Орешников, не заботясь об окружающих, — а в свадебное путешествие мы поедем вокруг Европы на белом пароходе...

— Прикажете мне кричать «ура»? — вспыхнул Юра.

— Вы нам засветите пленку! — заплакала Ира.

И Орешников выкатился из лаборатории, не понимая, что зрелище его незаконного счастья не доставляет удовольствия.

Владимир Антонович возвратился в павильон, где возле большого фотоаппарата образца 1915 года пригорюнилась Лидия Сергеевна!

— Примадонна! — сказал Орешников фамильярно. — Я уже почти миллионер!

Лидия Сергеевна посмотрела на коллегу, с которым работала бок о бок целый год, и вдруг обнаружила, что коллега недурен собой! И умен, и обаятелен, и остроумен, и вообще замечательный человек. Тем более что от нее ушел муж, а коллега выиграл десять тысяч!

— Володя! — сказала она зазывно. — Я вас поздравляю! И вы меня тоже можете поздравить — я с мужем расплевалась, выгнала его к чертям! Знаете, он полное ничтожество, скандалист...

Орешников видел, что начинает нравиться Лидии Сергеевне, и это ему льстило.

— Вам, Володя, надо кончать с холостой жизнью! — решительно заявила Лидия Сергеевна. — Ваши шансы возросли.

— Лидия Сергеевна, вы играете с огнем! — предостерег Орешников.

— Мы с вами родственные души! — Лидия Сергеевна не боялась обжечься. — Только мы с вами здесь творческие люди...

— А Петя? — некстати заступился за товарища Орешников.

— Петя — третий лишний! — отмела ретушера Лидия Сергеевна. — Нам с вами нужно отметить ваш выигрыш.

Мы можем это сделать у меня. Я вам сейчас запишу адрес...
— Дату встречи мы уточним позднее,— Орешников положил в карман записку с адресом и ушел независимой походкой покорителя женских сердец.

— Кирилл Иванович!— со вздохом сказал Орешников, без стука ввалившись в кабинет директора.— Если вдуматься, десять тысяч — совсем небольшие деньги. «Зенит-112» стоит 420 рублей. Это мне по средствам. Но «Волга», к примеру, пять с половиной тысяч,— это откровенный грабеж. Машина, квартира, на мебель уже придется одалживать!

— Володя, не дразни гусей!— Полотенцев поглядел на него с упреком.— В данном случае гусь — это я!

29 ДЕКАБРЯ,

ВЕЧЕР

Орешников ждал Олю у входа в городской парк. В парке шумела, клокотала и бурлила новогодняя ярмарка.

Оля опаздывала. Орешников изнемогал. Радость вынырала из него, и ее не на кого было выплеснуть.

Когда показалась Оля, Орешников ощутил небывалый прилив сил. Он одним прыжком оказался возле нее, наклонился к Олиному уху и радостно закричал:

— Угадай, что со мной случилось?

— Как я могу угадать?— улыбнулась Оля.

— Я тебе буду подсказывать. У меня одна облигация. Помнишь, я ее купил у тебя и просил подобрать мне счастливый номер! Сегодня разыгрывался тираж. Ну, догадалась?

— Ты выиграл сорок рублей!

— Больше!

— Сто?— повысила ставку Оля.

— Больше!

— Пятьсот рублей!— озорно выкрикнула Оля.

Орешников интригуяще повторил:

— Больше!

— Неужели тысячу?

— Больше!

— Ты выиграл две с половиной тысячи!— шепотом произнесла Оля.

Орешников снисходительно усмехнулся:

— Больше!

— Пять тысяч!— у Оли закружилась голова.

Орешников ласково сказал:

— Оля, не мелочись!

Наступила роковая пауза. Оля не решалась назвать следующую сумму.

— Ну!— подбадривал Орешников.— Смелей!

— Не может быть!— наконец, отважилась Оля.— Неужели ты выиграл десять тысяч?

— Как одну копеечку!— триумфально произнес Орешников, будто в этом была его личная заслуга.

Оля засияла.

— Володя, я так счастлива за тебя!— и она поцеловала его на виду у всей ярмарки.

Орешников воодушевился.

— Теперь я понял, в чем смысл жизни! Будничная обстановка меня гнетет! До сих пор мне не везло. Максимум, чего я достиг,— ассистент режиссера в областной студии телевидения. Но тут я выпустил в эфир что-то не то, и вот я фотограф.

— Ты много успел, Володя.— Оля смотрела на него влюбленными глазами.

— Ты хочешь сказать, я многого не успел. Мне уже двадцать восемь. Я должен наверстывать. Оля, мы поедем с тобой в Москву!

— С тобой хоть на край света!

— По-моему, мы украсим этот город...

— Все-таки ты отъявленный хвостун!

— В этом моя неповторимость!— не унимался Орешников, которому деньги вскружили голову.— В Москве меня возьмут фотокорреспондентом в журнал «Огонек»!

— Откуда ты знаешь?

— Телепатия,— напомнил Орешников.

Они засмеялись, вошли в парк и окунулись в толчею базара. На открытой эстраде шло новогоднее представление. Его возглавлял Дед-Мороз, одетый в многопудовый костюм. Вокруг него буйно веселились юные горожане, которые пока еще верили сказкам.

— Это мой отец!— с нежностью сказал Владимир Антонович.

— Ты сын артиста Орешникова?— удивилась Оля.— Я его много раз видела в театре.

Они затесались в детский хоровод, стали прыгать и петь вместе со всеми.

— От подставки до макушки —

Сто четырнадцать огней.

На ветвях висят хлопушки,
И звезда горит на ней! —

увлеченно пели Оля и Орешников.

Среди множества чужих детей Дед-Мороз увидел своего ребенка и забеспокоился, несмотря на то что его ребенок давно уже перешел границу детского возраста.

Сын указал глазами на Олю, и они с отцом обменялись дружескими взглядами.

— Разноцветные флажки,
Золотые петушки,
А под елкой Дед-Мороз,
Ватный снег его занес, —

шел хоровод.

— А теперь под этой аркой, — указал направление Дед-Мороз, — вас, ребята, ждут подарки!

И все дети, кроме Оли и Орешникова, устремились за гостинцами.

Орешников прощально помахал отцу. Отец-Мороз скрылся за кулисами, а Орешников повел Олю в торговый ряд, чтобы преподнести ей новогодний подарок, достойный его богатства.

Владимир Антонович держался, как ухарь-купец.

— Значит, так, квартиру будем строить двухкомнатную и внесем все сразу, чтобы потом над нами не висело! Ты случайно машину водить не умеешь?

— Нет! — огорчилась Оля.

— Научись! — покровительственно сказал Орешников.

— Конечно, научусь!

Они протискивались по узкому проходу мимо торговых навильонов.

— Сейчас, Оля, мы будем с тобой транжирить деньги. Правда, я их еще не получил. Но это не имеет значения. Это будет у нас вроде генеральной репетиции. Мы все приглядим, прикинем, рассчитаем... А ну-ка войдем сюда! — Орешников потащил Олю в фанерный балаган, на котором красовалась вывеска «Меха». — А то пальтишко у тебя певзрачное. У вас есть что-нибудь приличное? — спросил Орешников. — Мне шубу для жены.

Оля благодарно улыбнулась.

— И не какой-нибудь дрянной нейлон, — разошелся Орешников, — а из натурального меха!

— Норка есть! — сказала продавщица.

— А ну-ка померь!

Оля надела шубку из норки, стала дивно хороша и, покраснев, шепнула:

— Какая прелесть!

— Сколько стоит?— поинтересовался Орешников.

— Две тысячи четыреста!— спокойно сообщила продавщица.

Орешников опешил.

— Это в старых деньгах или в новых?

— В новых!

— Двадцать четыре тысячи за водяную крысу?

— Водяная крыса — это одно, а норка — совсем другое,— возмутилась продавщица, снимая с Оли шубу.

— Да, это нам не по средствам!— погрустнела Оля.

— А эта почему?— Орешников показал на каракулевую шубу.

— Тысяча двести!

— А по нормальной цене у вас есть что-нибудь?

— Есть!— продавщица уже потеряла интерес к покупателям.— Нейлоновая цигейка.

— Эту дрянь нам и задаром не надо!

Орешников подал Оле ее потрепанное пальто и сказал:

— Ты мне и в нем нравишься!

Одному бывает трудно перенести испытание славой, другому испытание властью, третьему — богатством. Но слава проходит, власти можно лишиться, деньги уплывают... Некоторые люди так и не возвращаются в нормальное состояние, а некоторым это удается. Что-то будет с Орешниковым?..

Орешников и Оля покинули магазин.

— А еще называется новогодняя торговля!— возмутился Владимир Антонович.— Просто нечего подарить к Новому году!

Оля сдерживала слезы. Из-за шубы она не стала бы плакать, но ей разонравился Орешников. Ее кумир сам спихнул себя с пьедестала и разбился вдребезги на мелкобуржуазные осколки.

— Пойдем, выберем мебель!— по-хозяйски предложил Владимир Антонович, даже не подозревая, что обидел невесту.— Это для нашей будущей квартиры.

— Не хочу!— сказала Оля.

— Ты права!— обрадовался Орешников.— На мебель гратиться рано!

Они проходили мимо лотка с мороженым.

— Дайте одно эскимо!— решил, наконец, на покупку Владимир Антонович и преподнес Оле мороженое:

— Ты не обижайся, Оля, я не жадный, я хозяйственный!

Оля бросила эскимо в снег.

— Не хочу я тебя больше видеть! Никогда!— и убежала.

Орешников обиделся.

— Подумаешь!— сказал он вдогонку, не трогаясь с места.— Свет на тебе клином не сошелся. Не такая уж ты красавица!

Он нагнулся, поднял эскимо, развернул серебряную обертку и съел мороженое сам.

Покончив с Олей и с мороженым, Орешников отправился ужинать. Мест в кафе не оказалось. Орешников с подносом в руках мыкался среди столиков. Сесть было некуда, а есть, когда обе руки держат поднос с яичницей и кефиром, неудобно. Наконец в углу зала освободилось место, и Орешников заметил это первым. Он сгрузил на стол ужин, избавился от подноса и сел.

Судьба уготовила для него место за столиком, где мрачно жевала сардельки унылая серая личность, которая до вчерашнего дня считалась мужем Лидии Сергеевны.

Орешников никогда его не видел, а муж Лидии Сергеевны ни разу не встречал Орешникова. Каждому из них было чем поделиться с незнакомым человеком, с которым делиться значительно легче, чем со знакомым.

— Вот, ушел от жены, — начал бывший муж.— Вроде бы хорошо, только вынужден есть эти кошмарные сардельки.

— А что, жена вкусно готовила? — поддержал разговор Орешников.

— Нет, я сам готовил!

— А я своей хотел сегодня шубу купить, так ей подавай только норковую.

— Они все такие! — подскнул бывший муж, и они с Орешниковым почувствовали друг к другу симпатию.

— Вот моя, — продолжал искать сочувствия бывший муж, — никогда вовремя не приходила. Шлялась неизвестно где. На днях заявила поздно, я ее спросил: где задержалась? А она мне нагло наврала: ходила по парикмахерским...

— А я своей сегодня эскимо купил, — наливался Орешников, — так она его в снег выкинула! Ест только пломбир.

— Они все такие! — уныло повторил свежий холостяк.

— И вообще, я тебе так скажу, — по-приятельски заговорил Орешников. — Мне жена, знаешь, какая пужна? Вот иду я с ней по улице, и все оборачиваются.

— Я, наоборот, предпочел бы тихую, скромную женщину, — сказал рентгенолог, который уже вдоволь натерпелся от неслыханной красоты своей жены.

— Чего мы тут будем рассиживаться? У меня знакомая есть, потрясающая женщина. Между прочим, мужа выгнала! — сообщил существенную деталь Орешников. — Он у нее ничтожество и скандалист!

— Это тоже бывает, — признал собеседник.

— Адрес у меня имеется. Давай пойдем к ней! — предложил Владимир Антонович. — Я тебя познакомлю.

— Пойдем! — охотно согласился новый знакомый Орешникова. — Только я прихвачу вина.

Орешников не стал возражать. Бывший муж забежал в «Гастроном», взял бутылку портвейна «Три семерки», и Орешников повел компаньона к его бывшей жене, о чем тот пока не догадывался.

Первое смутное беспокойство закралось в его тоскующую душу, когда они оказались на улице, с которой он вчера увозил мебель. Потом они подошли к дому, где он был прописан, и беспокойство усилилось. Хотя в этом доме было четыре подъезда, они вошли в тот самый подъезд. Бывший муж все еще надеялся, что они поднимутся на другой этаж. Надежда рухнула. Бывший муж порядком занервничал. Однако на лестничную площадку выходило четыре квартиры. Несчастный ждал чуда, но чуда не произошло.

Бесчувственный Орешников, который ничего не подозревал, нахально позвонил в ту самую дверь. Дверь распахнулась. На пороге стояла родная жена бывшего мужа.

Сначала Лидия Сергеевна увидела только Орешникова.

— Здравствуйте, Володя! — обрадовалась она. — Это хо-

рошно, что вы...— и осеклась, потому что приметила второго человека, который ей тоже был знаком.

— Лидия Сергеевна, извините, что так поздно, я к вам с приятелем!— беспечно пропел Орешников.

— Кто это?— спросил бывший муж, показывая на соперника.— Кто этот Володя? Почему он к тебе по ночам приятелей водит?

Лидия Сергеевна не нашлась, что ответить. А Орешников с ужасом понял, кого он привел.

— Не будем устраивать семейных сцен на лестничной площадке!— Владимир Антонович пытался выиграть время, чтобы найти выход из idiotского положения.

Они вошли в квартиру, в которой было все, кроме мебели.

— А на чем здесь сидят?— Орешников удивленно озирался по сторонам.

— Ты куда мебель дел?— Лидия Сергеевна грозно повернулась к похитителю гарнитура.

— Это моя мебель!— непреклонно ответил рентгенолог.— Твоего я ничего не взял. И ты не увиливай, ты мне скажи, кто это такой?— и он опять указал на Орешникова.

— Я сослуживец!— поспешно сказал Владимир Антонович, опасаясь, что муж может полезть в драку. А Орешникову не улыбалось бить человека в его собственной квартире на глазах жены.— Как вас зовут?— вдруг решил познакомиться Орешников.

— Это неважно!— отрезал муж.

— Дорогой мой! Я выиграл десять тысяч! Мы с Лидией Сергеевной хотели это отметить, и я пригласил за компанию вас!

— Ты десять тысяч выиграл, а я за портвейн платил!— взорвался рентгенолог.

— Перестань орать!— осадил его Лидия Сергеевна.— Ты где находишься?

— Дома!— машинально ответил ревнивец и, свирепея, продолжал:— Я в том самом доме, из которого ты меня выгнала, потому что я ничтожество и скандалист, как сообщил мне твой хахаль!

— Я не хахаль,— возразил Орешников,— я сослуживец!

— Вы не сослуживец, вы не хахаль, вы сплетник!— в ярости выкрикнула Лидия Сергеевна, схватила шубу и выбежала вон.

Соперники остались наедине.

— Ты зачем сюда ночью приперся?— не унимался хозяин дома.

— Я же не один,— примирительно сказал Орешников,— я же тебя привел! Ты подумай, если у меня свидание, зачем мне ты?

Гора ревности скатилась с плеч бывшего мужа, и он глупо заулыбался.

— Это верно!

— Тебе надо с ней помириться!— посоветовал Владимир Антонович.— Где ты лучше найдешь?

— Лучше ее нету!— с вызовом заявил человек, имени которого Орешников так и не узнал.— Давай выпьем за нее!

— Давай!— согласился Орешников.

Лидии Сергеевне было невдомек, что Орешников пьет за ее здоровье. Сейчас она его ненавидела, а ненависть, как известно, первая ступенька на лестнице любви. Лидия Сергеевна хотела отомстить Орешникову. Она придумала такое, что может придумать только современная женщина. Она не собиралась убивать его кинжалом, травить ядом, подсылать дуэлянтов. Нет, ее месть была в духе времени, ей требовались сообщники.

Поздно вечером Лидия Сергеевна ворвалась в квартиру Алевтины:

— Алевтина Васильевна! Я пришла к вам, как к председателю месткома!

30 ДЕКАБРЯ, ДЕНЬ

Не в деньгах счастье, но без денег плохо. Нет человека, который стремился бы получать зарплату поменьше, хотя он работает, как известно, не ради нее. Деньги, конечно, не главное. Но человек без копейки в кармане подобен птице без полета, то есть курице. Это относится, разумеется, к ненашему человеку, потому что наш человек всегда в полете.

Тяжело сознавать, что на человека, который ничем не лучше тебя, а может, даже похуже, свалилось богатство! У баловня судьбы нет никаких смягчающих обстоятельств, вроде ума или таланта. Несправедливость, когда

куш срывает недостойный, может свести с ума даже хорошего человека.

Когда Орешников явился утром на работу, там уже висело объявление, написанное неизвестно кем:

«30 декабря в фотопавильоне состоится профсоюзное собрание.

Повестка дня:

1. Соревнование с фотографией «Буревестник».

2. Персональное дело В. А. Орешникова.

Начало в 12 часов утра.

Явка не обязательна».

Главное, чем люди отличаются от животных, это любовью к собраниям. Именно способность утверждать повестку дня, выступать в прениях, укладываться в регламент, выбирать счетную комиссию, кричать с места, принимать резолюцию и заранее знать, во время какого из выступлений надо бежать в зал, а во время какого — в буфет, возвышает человеческое существо над остальным животным миром. У животных есть только стада, табуны, стаи, рои и косяки, но никогда не бывает собраний.

Горько думать, что случилось бы с цивилизацией и была бы она вообще, если бы собрания своевременно не вошли в наш повседневный быт. Тайная вечеря, круглый стол короля Артура, новгородское вече — все это предшественники наших нынешних совещаний. Все лучшие решения в истории человечества принимались, как известно, коллективно. И это мудро, потому что отдельную выдающуюся личность может занести черт те куда, и там она может натворить черт те что!

Несомненно, что решение общего форума вдохновляло Нерона, когда он поджигал город Рим. По принятой католиками резолюции провернули такое благотворительное мероприятие, как Варфоломеевская ночь. В свое время единогласно решили воздвигнуть на берегу Москвы-реки храм Христа-спасителя. Потом так же единогласно решили снести его.

Да, собрания — великая сила. Особенно хороши они тем, что любой присутствующий может выйти на трибуну и под стенограмму, где записывается каждое слово, сказать все, что он думает. И ничего за это не будет!..

Алевтина достала из ящика письменного стола табличку «Закрывается на учет», укрепила ее на входной двери и изнутри заперла дверь на ключ.

Все было готово.

С первым вопросом — о соревновании с «Буревестником» — расправились в два счета.

— Переходим ко второму вопросу повестки дня, — объявила Алевтина.

Но вдруг, нарушив тишину, кто-то забарабанил в дверь.

Ретушер Петя — он сидел ближе других к выходу — отправился на разведку.

— У нас учет! — вежливо объяснил он незнакомцу который высаживал дверь. — Для чего вывеску-то повесили?

— А мне плевать! — ответил грубиян. — Я снимался, отдайте карточки!

— Минуточку! — сказал ему Петя и пошел советовать: — Какой-то бандит явился за фотографиями!

— Перерыв на десять минут! — нашелся Кирилл Иванович. — Разойдись!

Сотрудники разбежались.

Алевтина открыла дверь и увидела нареченного.

— Что у тебя тут за порядки? — сказал Калачев вместо приветствия. — Не достучишься к вам.

— У нас учет! — растерялась Алевтина.

— Непохоже! — Иван Степанович с видом знатока огляделся по сторонам. — Когда учет, кругом беспорядок! Я за карточками пришел и на тебя поглядеть заодно.

— Ваша квитанция! — сухо попросила Алевтина.

— Держи!

Алевтина порылась в ящике, где лежали готовые снимки, достала нужный конверт и протянула его Ивану Степановичу.

— Пожалуйста! — сказала Алевтина. — Все?

— Дай рассмотреть-то. — Иван Степанович раскрыл конверт и вынул фотографии. — А что? Фотогеничный я... В кино могу сниматься, — пошутил он, и сам рассмеялся. — Очень даже я симпатичный на карточке...

— Может быть, вы полюбуетесь дома, мне очень некогда!

— Вот ты мне грубишь! — укоризненно сказал Калачев. — А я тебе фотографию собираюсь подарить. С надписью!

— В другой раз! Ну, например, вечером! — только для того, чтобы сплавить ухажера, Алевтина приносила себя в жертву. — Я согласна встретиться.

— Авторучку давай! — приказал Калачев.

В приемной, как бы невзначай, появились сотрудники и недвусмысленно смотрели на докучливого посетителя.

— Что это они на меня усталились?— удивился Калачев, держа в руках перо и собираясь надписать фотографию.— Ага, вон оно, в чем дело!— Надо бы случиться тому, что в этот момент он увидел объявление.— Соревнование!— прочел Иван Степанович.— Это хорошо, правильно! Второй вопрос — персоналка... Это кто же такой Орешников?

— Фотограф,— Алевтина отвечала сквозь зубы.

— А что он натворил?

— Какое вам дело!— вмешалась Лидия Сергеевна, у которой сдали нервы.— Вы нам мешаете, товарищ! Вы получили фотографии? Претензий нет? И не задерживайте нас!

Калачев даже привстал.

— А ты кто такая есть?

На подмогу к Лидии Сергеевне бросился Юра:

— Товарищ, не безобразничайте! Уходите отсюда, а то мы вызовем милицию!

— А ну-ка, дайте мне жалобную книгу!— не растерялся Иван Степанович.— Ишь вы какие!

— Иван Степанович!— на линию огня снова вышла Алевтина.— У нас закрыто! Я обслужила вас из любезности!

— Хороша любезность! Я вас выведу на чистую воду! Где директор?

— Когда закрыто, жалобную книгу не выдают!— сказал ретушер Петя.

— А собрание в рабочее время устраивают?— ехидно спросил Иван Степанович.

На шум в приемную заглянул Орешников.

— А я тебя узнал!— обрадовался Калачев.— Ты меня фотографировал.

— Вы довольны снимками?— с профессиональной вежливостью спросил Владимир Антонович.

— Блеск!— похвалил Калачев.— Ты скажи, кому тут шьют персоналку?

— Мне,— радостно поделился Орешников.— Я десять тысяч выиграл, а им завидно.

— Деньги у тебя хотят отобрать, что ли?— мигом сообразил Иван Степанович.— А ты не отдавай.

— А я и не отдам!

— В чем дело, гражданин?— в приемной появился Кирилл Иванович.

— Дело в том,— четко ответил Иван Степанович,— что я тоже хочу участвовать в собрании!— и обвел всех тор-

жестуующим взглядом.— Я тоже член профсоюза!

— Невозможно!— возразил директор.— Это внутреннее дело нашего коллектива!

— У профсоюза,— продолжал куражиться Калачев,— нет секретов от трудящихся! Ты директор, что ли?

— Правильно!— вдруг подал голос Орешников.— Пусть товарищ примет участие!

— Глупости говорите!— сказала Алевтина.

— Алевтина, помолчи!— как муж, прикрикнул на нее Калачев.— Я никому не позволю никаких махинаций! Вывеску повесили «Закррито на учет», посетителѐй обманываете, над парнем,— он показал на Орешникова,— измываетесь!

— Они все против меня,— пожаловался Владимир Антонович.

— Все на одного, это не по-честному!— поддержал его Калачев.— Где у вас собрание, ты меня проводи!

И Орешников, взяв под руку нежданного защитника, повел его в павильон.

— Садитесь рядом со мной!— пригласил он.

— Я тебя в обиду не дам,— пообещал Калачев, усаживаясь.

В приемной ошеломленно молчали.

— Их нельзя оставлять наедине!— нервно заговорила Алевтина.

Полотенцев почесал затылок. Ситуация была дурацкая,— совсем не хотелось при постороннем человеке проводить весьма деликатное мероприятие.

Но... в это время Лидия Сергеевна решительно шагнула к павильону.

— Лидия Сергеевна, обождите!— попыталась остановить ее Алевтина.

— Чего ждате?— огрызнулась красивая женщина и скрылась за портьерой.

Это послужило сигналом. Калачев приветливо встретил вошедших:

— Все на месте? Можно начинать?

Ничего другого не оставалось.

— Дорогие товарищи!— бодро приступил Полотенцев, покосился на Калачева и покати по наезженному пути:— Мы живем в такое прекрасное время, когда весь наш город, как один человек, готовится достойно встретить Новый год. На фоне успехов, с которыми мы пришли к этой знаменательной дате, особенно позорным является поведение некоторых ренегатов и двурушников, агентов мелкособст-

психической идеологии! Они, эти агенты, марают наши ряды.

Полотенцев сел. Орешников многозначительно толкнул Калачева в бок:

— Это он про меня!

— Товарищи!— вскочила с места Лидия Сергеевна.— В своем ярком и содержательном докладе товарищ Полотенцев пригвоздил к позорному столбу тех, кто оскверняет мораль нашего общества, тех, кто продался...— тут она загнулась, так как не знала точно, кому продался Орешников, но вскоре вывернулась.— Одним словом, мы не позволим!— выкрикнула в заключение Лидия Сергеевна.

— Ну, вот что, ребята,— внушительно потребовал Калачев.— Хватит валять дурака! Я же свой человек! Я Алевтинин жених. Я, можно сказать, ее люблю!..

Все посмотрели на Алевтину.

Она зарделась и потупилась. Ей было очень приятно. Впервые в жизни ей признавались в любви, да еще при всем честном народе.

— Алевтина Васильевна, я искренне рад за вас,— поздравил ее Орешников.— И за вас тоже,— обернулся он к Калачеву. Тут ему почему-то вспомнилась Оля, и слегка защемило сердце.

— Ну, если он свой человек,— сказал Полотенцев, и вздох облегчения пронесся по павильону,— не будем церемониться!

Петя поднялся с места и взволнованно заговорил:

— Ты понимаешь, что ты наделал, Володя? Как тебе не стыдно! Мы все тебя любим.

— А что я такого сделал?— защищался Владимир Антонович.— Я же не виноват, что эта счастливая мысль пришла в голову мне, а не вам. Если бы я попросил официально, вы бы дали мне эти деньги! Я же их не украл, я расписку оставил.

— У Кирилла Ивановича десять детей,— пыталась усювестить Орешникова Алевтина.— Петя кругом в долгах. Ире с Юрой квартира нужна. Вы эгоист, Орешников.

— Вам даже в голову не пришло, что не вы один, а мы все выиграли!— укоризненно произнес Юра.

Полотенцев прекратил прения.

— Володя, отдавай облигацию! Этот выигрыш принадлежит всем!

— Не отдам!— внятно сказал Орешников.

— Это общая облигация!— закричал коллектив.

— Нет, моя.

Собрание зашло в тупик.

Калачев с интересом следил за происходящим. Он еще не разобрался в сути дела.

В этих критических обстоятельствах поразительную находчивость проявила Лидия Сергеевна.

— Я знаю, что вы рыцарь, Володя, — она поднялась с места. — И не посмеете обидеть женщину.

Орешников забеспокоился. Обольстительно улыбаясь, Лидия Сергеевна приближалась к нему. Орешников вскочил со стула и попятился. Лидия Сергеевна надвигалась немолимо. Орешников ощутил спиной стену. Дальше отступить было некуда. Лидия Сергеевна подошла вплотную, застучала рукава и стала расстегивать на Орешникове пиджак.

— Что вы делаете! — в панике закричал Владимир Антонович.

Все с замиранием сердца следили за операцией.

— Сильна баба! — восхищенно гаркнул Калачев.

Лидия Сергеевна забралась в левый внутренний карман пиджака и достала оттуда расческу, пуговицу и шариковую ручку.

— Лазить по чужим карманам некрасиво, — пристыдил Орешников. — Детей отучают от этого с малолетства!

— Когда в интересах общества, это совсем другое дело, — Лидия Сергеевна положила на место расческу, пуговицу и шариковую ручку и перешла к исследованию правого кармана.

Близость Лидии Сергеевны пьянила Орешникова.

— Караул! Грабят! — нежно сказал он и добавил: — Я бы предпочел, чтобы вы обыскивали меня тет-а-тет, то есть наедине.

Калачев заржал.

Длинными тонкими пальцами, созданными для ласки и белых клавиш, Лидия Сергеевна извлекла из

правого кармана кармана заветную облигацию. Калачев отобрал ее и спрятал в карман:

— Пусть она пока здесь полежит...

— Спасибо,— Орешников протянул руку за облигацией, считая, что Калачев его союзник.

Но тот остановил Владимира Антоновича и поглядел на него с подозрением.

— Ты не торопись. Я еще не во всем разобрался. Но уже начинаю кое-что понимать...

И это было переломным моментом в поведении Орешникова. Он понял, что надо спастись хоть то, что еще можно спасти.

— Дайте мне слово!— попросил Владимир Антонович.— Друзья мои! Я был неправ, и коллектив меня поправил. Конечно, надо поделить этот выигрыш на всех. И хоть я выдумал затею с облигацией, я не требую дополнительного вознаграждения. И предлагаю делить поровну!

— У меня другое предложение!— воскликнул Петя, лицо его было одухотворенным.— Давайте ничего не делить, устроим гигантский сабантуй и прошьем эти шальные деньги. Зато потом будет что вспомнить!

На его выходку никто не обратил внимания.

— То есть как это поровну?— зашлась Лидия Сергеевна.— Я получаю зарплату больше, чем, скажем, Алевтина. И вношу в кассу взаимопомощи тоже больше. Вносим-то мы один процент от нашей зарплаты. Значит, мне причитается сумма подороже!

Лидия Сергеевна не понимала, что сама роет себе яму, в которую скоро упадет. Красивые женщины всегда глупы. Во всяком случае, так думают все некрасивые женщины, и это служит им утешением.

Алевтина ловко использовала промашку красавицы.

— Владимир Антонович,— сказала она слейно.— Когда вы собирали взносы, я у вас одалживала, возьмите, пожалуйста,— и со значением вернула Орешникову долг.

— Почему вы так торопитесь?— спросил Владимир Антонович, не догадываясь, к чему клонит Алевтина. Она улыбнулась ему и повернула к Лидии Сергеевне торжествующее лицо:

— Значит, вы получаете больше меня, Лидочка! Но вы позабыли, Лидочка, что уже четыре месяца не платили взносы. И здесь вашей доли нет! За неуплату взносов я предлагаю исключить Лидию Сергеевну из членов кассы взаимопомощи! Кто «за», прошу поднять руки!

Тотчас взметнулось девять рук,— голосовали Полотен-

цев, Алевтина, Ира, Юра и еще пять безымянных сотрудников, имена которых история не сохранила.

— Кто против?

Орешников одиноко поднял руку.

— Кто воздержался?

Теперь руку поднял Петя.

— Принято единогласно! — привычно подытожил

Алевтина.

— Это нехорошо, неправильно! — попытался повернуть колесо фортуны Владимир Антонович. — Надо делить на всех и обязательно поровну. Так будет справедливо!

Теперь он уже на самом деле думал так. Потеряв большую часть состояния, он снова становился человеком.

В это мгновение Петю посетила свежая идея.

— Товарищи! — закричал он, и опять его лицо стало вдохновенным. — Если вы не хотите сабантуй, давайте все вместе возьмем отпуск за свой счет, махнем на Кавказ, в горы есть шашлык и пить вино.

— Петя, помолчи! — устало остановил его Полотенцев.

— Лидия Сергеевна! — Алевтина вернула собрание в русло. — Прошу покинуть помещение!

Так бог, если он есть, наказал Лидию Сергеевну за то, что вчерашней ночью она сочинила заговор.

Лидия Сергеевна поднялась со стула и на ногах, которые ее плохо слушались, поплелась к выходу.

— Не уходите! — закричал Орешников. — Люди, что вы делаете! Вы же проходили в школе: человек — это звучит гордо!

— Вы лучше на себя поглядите! — дал ему отпор Юра, а Ира добавила:

— Вы вообще один пытались все заграбастать!

— Мне стыдно об этом вспоминать! — сознался Орешников. — Я был некрасив, как вы некрасивы сейчас.

Лидия Сергеевна была потрясена. Мужчина, которого она предала, оказался единственным, кто за нее заступился.

Держась за плюшевую занавеску, которая отделяла фотопавильон от мира, Лидия Сергеевна смотрела на Орешникова, и взгляд ее говорил, что любовь дороже денег. Даже в трагическую минуту ненависть переродилась в любовь!

Лидия Сергеевна с усилием оторвала от Орешникова пронзительный взгляд и ушла.

А Калачев наконец-то раскрыл смысл событий.

— Вот ты, оказывается, какой прохиндей! — обозвал он Орешникова. — На общественные деньги спекулируешь!

А и-то, наивный, за тебя заступался! Товарищи! — обратился он с воззванием. — Его тоже надо прижучить и исключить!

Все знали арифметику. И совсем не трудно догадаться, какая участь постигла Орешникова.

Деньги портят человека и будут портить еще долго. Конечно, сотрудники «Твоего портрета» повели себя непорядочно. Из славных, добрых они превратились в непривлекательных людей. Но не надо судить их слишком строго. Говоря по-честному, без ханжества и лицемерия, трудно удержаться и не обалдеть, когда перед глазами маячит круглая сумма. И все-таки сотрудники фотографии должны были держать себя иначе. Их поведение недостойно, а следовательно, нетипично, хотя бы потому, что на человека не так уж часто сваливаются большие деньги.

Исключенный Орешников уходил с собрания эффектно, не так, как Лидия Сергеевна. Он умел проигрывать. По прямой мужской линии он происходил от д'Артапьяна, Жерара Филипа и старшиновской тройки из хоккейной команды «Спартак».

Орешников поднялся и заговорил, как будто ничего не случилось:

— Друзья мои! Покидая собрание, я позволю себе дать несколько практических советов.

Первое: не забудьте, пожалуйста, когда получите деньги, вернуть в кассу взаимопомощи двадцать рублей, как бы это сделал я.

Второе: когда вас спросят, где вы приобретали облигацию, знайте, что вы купили ее в сберкассе № 5288/0331. Вы меня выкинули из игры, мне очень грустно, но Киплинг сказал: «И будешь тверд в удаче и в несчастье, которым, в сущности, цена одна!..»

Закончив выступление, немножко высокопарное, Орешников двинулся к выходу.

Нервы у слушателей сдали.

— Старик, мне тебя жалко! — расчувствовался ретушер Петя. — У меня есть предложение, которое всех устроит, — лицо его стало лучезарным, — вам не хочется сабантуй, вам не нравятся торы, тогда давайте купим складчину автобус, будем по воскресеньям ездить за город, ловить рыбу, пить вино...

— Петя! — с укором сказала Ира. — Вы можете подумать о чем-нибудь другом?

— Нет! — честно признался Петя и виновато посмотрел

на Орешникова.— Старик, я хотел, я хотел, чтоб всем было хорошо...

— Володя, извините нас!— сказал Полотенцев.— И вы сами во всем виноваты.

— Володя, мы вас очень любим!— заверила Алевтина и поглядела на Калачева.

— Приходите к нам на новоселье!— пригласили Ира Юра, которые в мечтах уже купили квартиру.

А Калачев встал с председательского места и пожал Орешникову руку.

Все сочувствовали Орешникову, жалели его, но это была бесплатная жалость.

Отодвинув шпингалет на окне, Орешников открыл его, вылез на улицу и растворился в снежной мгле.

Он вынырнул из снежной мглы возле сберкассы № 5288/0331. У Олиного окошка стояло несколько человек. Орешников занял очередь. Оля его не замечала. Когда голова Орешникова просунулась в окно, Оля растерялась от неожиданности.

— Добрый день,— дерзко сказал Орешников, делая вид, словно они никогда не ссорились.— Как жизнь?

— Спасибо, хорошо,— Оля быстро взяла себя в руки.

Когда молодые люди говорят друг с другом излишне вежливо, это означает, что они в разладе.

— До чего же отдельные девушки обидчивы!— пренебрежительно сказал Орешников. Он и не думал извиняться и в разговоре старательно избегал обращения как на «ты», так и на «вы».

— Я нахожусь на работе,— сухо ответила Оля.— И имею возможности вести посторонние разговоры с клиентами.

Орешников обернулся — сзади очереди не было.

— Я никого не задерживаю.

— Все равно!

— Это верно,— холодно согласился фотограф.— Я пришел по делу!

— Слушаю,— сказала Оля.

— Вот когда я принесу облигацию, ну, ту самую, сберкасса сразу же сможет выдать мне деньги?

— Поскольку речь идет о крупной сумме, облигацию полагается послать на экспертизу.

— Это длинная история?

— Придется потерпеть целые сутки!— не удержала Оля.

— Это меня устраивает.

Задержка в выдаче денег действительно устраивала Орешникова.

— Сейчас у меня нет при себе облигации, так что я найду попозже.

— Если облигация не окажется такой фальшивой, как некоторые, сберкасса выдаст десять тысяч,— ледяным тоном объяснила Оля.

— Если человек на работе, он не имеет права оскорблять посетителя.— Орешников пытался обратить все в шутку. Но Оля не была расположена шутить.

— Можно написать на меня жалобу!

— Должен тебе сказать, Оля,— не выдержал Орешников и первый раз обратился к ней на «ты»,— что твое поведение меня огорчает, хотя я сам не могу понять, почему.

С этими словами он ушел. Оля не побежала за ним вдогонку, но расплакалась. Правда, Орешников об этом не знал.

Он уже не думал об Оле. Его мысли были заняты планом, для осуществления которого требовался помощник. Единственной кандидатурой могла быть Лидия Сергеевна, которую тоже исключили из дележа. Владимир Антонович хотел было зайти к ней домой, но побоялся напороться на ревнивого рентгенолога, который закатит сцену и все испортит.

Обездоленная Лидия Сергеевна тоже думала об Орешникове. Пока она шла от «Твоего портрета» до дома, ее чувство к Владимиру Антоновичу росло, росло и выросло до невиданных размеров.

Лидия Сергеевна машинально достала ключи, открыла дверь, сняла пальто, повесила его на вешалку, перешла в комнату, села на диван и заплакала. Она плакала потому, что ее лишили денег, а рядом не было Орешникова, который мог бы ее утешить. Она не замечала, что в комнате вповоль появились диван, шкаф, стол и остальная мебель во главе с мужем.

Рентгенолог стоял у окна и ждал, когда Лидия Сергеевна начнет радоваться. Но не дождался и вспылил:

— Я возвратился! Привез обстановку! А ты ревешь! Значит, ты недовольна моим возвращением!

Услышав мужской голос, Лидия Сергеевна вздрогнула.

— Ах, это ты!— пробормотала она, узнав мужа.

— Да, это я!— муж сразу дал почувствовать, что он вернулся.— Почему ты явилась так рано?

— У нас было собрание.

— Собрание! — заорал муж. — Ты бы думала, прежде чем врать!

— Меня исключили из кассы взаимопомощи...

— И поэтому ты плачешь? Так я и поверил!

Но Лидии Сергеевне было сейчас не до семейных сцен. Она набрала номер телефона. Орешников сразу поднял трубку. Он как раз собирался звонить Лидии Сергеевне.

— Володя, это вы? — услышал он ее голос. — Сейчас я к вам приду...

Муж Лидии Сергеевны тоже услышал ее слова и затопал от негодования.

Лидия Сергеевна повесила трубку:

— Позже я тебе все объясню. Сейчас некогда.

Она оделась и ушла к Орешникову.

Муж перестал топтать. Он принял решение. Он действовал энергично. Он выскочил на улицу и остановил первый попавшийся грузовик.

— Товарищ водитель! — сказал ревнивец. — Вы мне не поможете срочно перевезти мебель?

Тем временем события нарастали. Держатели облигации отправились менять ее на живые деньги.

Впереди шел Калачев под руку с Алевтиной.

Они двигались медленно, потому что у них происходил любовный разговор. А о любви не говорят на бегу.

— Ты учти, Алевтина, что я тебя не за деньги полюбил. Ты мне раньше приглянулась, когда я еще не знал про выигрыш.

— Я учитываю! Только я вас еще не полюбила, хотя уже меняю о вас мнение в лучшую сторону.

— Ты давай побыстрее меняй! — продолжал ухаживать Калачев. — Тебе давно замуж пора!

— Вот я теперь приоденусь, — кокетничала Алевтина, — так буду не хуже, чем Лидия Сергеевна.

— Я к тебе и в таком виде привык! — ласково прошептал ей на ухо Калачев.

Алевтина благодарно улыбнулась.

В сберкассе Иван Степанович достал облигацию, пропихнул ее в окошко контролеру и сказал:

— Девушка! Вот они, которых я привел, выиграли десять тысяч! Денег-то у тебя хватит?

В то время как Оля сверяла облигацию с таблицей, Калачев собрался уходить:

— Я вам больше не нужен!

Все были признательны Ивану Степановичу, восхищаясь его бескорыстием и благородством.

— А к тебе я вечером загляну! — интимно сказал он Алевтине.

— Буду ждать! — шепнула в ответ возлюбленная.

Тем временем Оля убедилась, что это та облигация, которая выиграла десять тысяч! Оля помнила, что главный выигрыш достался именно этому билету, который она вытащила для Орешникова любящей рукой. Поэтому ему и повезло.

Страшное подозрение мелькнуло в ее голове: «Шайка бандитов напала на моего Володю, хотя я его уже не люблю, и, безусловно, убила его!»

— Где вы взяли эту облигацию? — спросила Оля убийц, мучительно размышляя, как ей поступить: звать милицию, обратиться за помощью к кассирше или расправиться самой?

— Мы купили облигацию здесь, в вашей сберкассе № 5288/0331, — ответил хор голосов.

Подозрения Оли перешли в уверенность.

— Следовательно, вы ее купили у меня. Когда же?

Все помнили день, когда Орешников собирал взносы:

— Три дня назад!

«Они пытали его перед смертью и выведали подробности!» — подумала Оля в ужасе.

— Ваши паспорта! — потребовала храбрая девушка, убежденная, что преступники наведут на нее пистолеты. Когда гангстеры послушно полезли в карманы, Оля подавила в себе крик.

Паспорта собрал Полотенцев и протянул контролеру.

Оля взяла документы и сразу придумала гениальный план.

— Значит, так, — облигацию я пошлю на экспертизу. Может, она фальшивая. Заодно проверим ваши паспорта. Может, они тоже не настоящие!

— Мы согласны! — ответил хор.

— Приходите завтра! — продолжала хитрая Оля. — // закажу деньги и вооруженную охрану, — добавила она многозначительно.

— Большое спасибо! — сказали уголовники и безропотно ушли.

Оля спрятала облигацию в надежное место, уложил паспорт в сумочку и напугала кассиршу:

— Я уйду в связи с грабежом и убийством!

Она надела старенькое пальто, на цыпочках подкралась к выходу, осторожно приоткрыла дверь и выглянула. Злодеев поблизости не было. Оля метнулась в сторону и скрылась, унося с собой их паспорта...

30 ДЕКАБРЯ

ВЕЧЕР

Тот, кто думает, что благородный человек — это такой человек, который совершает благородные поступки, жестоко ошибается. Благородный человек — это такой человек, который не совершает неблагородных поступков.

Легко быть принципиальным и бескомпромиссным в крупных, масштабных вопросах: как развивать добрососедские отношения с Новой Зеландией, когда проводится перепись населения и куда лететь раньше — на Уран или Нептун. Значительно труднее быть молодцом в случаях мелких, житейских, обыденных.

Если, к примеру, кто-то из мужчин, сидя в вагоне метро, увидел женщину и не уткнулся в газету, а встал и уступил женщине место, этот человек необыкновенный, он достоин того, чтобы его показывали, как экспонат на Выставке достижений народного хозяйства.

Если кто-то, допустим, за всю свою жизнь не написал ни одной анонимки, а наоборот, устоял, то этот человек образец порядочности и публично заслуживает одобрения и подражания.

Если кто-то — ну повезло — нашел чужой кошелек и не прикарманил его содержимое — это честный человек, и о нем следует написать в газете под рубрикой: «Так поступают советские люди».

Вера Фоминична Полотенцева была женщиной твердых устоев. Ее нельзя было сбить с панталыку ни за какие деньги.

— Вы потеряли моральный облик!— выговаривала мужу Вера Фоминична, после того как они закончили ужинать и уединились в маленькой комнатке, переделанной из лишней кухни.

— В нашем бюджете столько дыр,— оборонялся Кирилл Иванович.— Их нужно затыкать деньгами!

— Мы не станем поступаться нашими принципами!— железобетонным голосом сказала мать-героиня.— Мне стыдно за ваш коллектив. Вы не должны были их исключать!

— А что мы должны были делать?— спросил затурканный Полотенцев.

— Взять их на поруки и перевоспитать! Да, у нас плохо с деньгами. Да, дети — бездонная бочка, но мы не будем торговать нашими убеждениями!

Вера Фоминична была прекрасна цельностью натуры.

— Вера, я тебя люблю!— не удержался Полотенцев.

— И я тебя люблю!— призналась она.

— Что же нам конкретно делать, я имею в виду историю с выигрышем?— И Полотенцев склонил усталую голову на крепкое плечо жены.

— Решайте сами!— сказала подруга жизни и погладила мужа по голове.

Полотенцев решительно подошел к двери и запер ее на ключ, чтобы не помешал никто из детей...

Лидия Сергеевна направлялась к Орешникову с серьезными намерениями. Когда красотка в волнении страсти вышла из лифта, ее сердце стучало так сильно, что Орешников услышал стук и открыл дверь.

— Володя,— сказала Лидия Сергеевна прерывающимся голосом,— я так перед вами виновата. Ведь я все организовала...

— Не будем вспоминать об этом. Заходите!

— Я не смею переступить порог вашего дома!

— Переступайте!— великодушно разрешил Владимир Антонович.— Мы теперь с вами друзья по несчастью. Меня тоже исключили!

Поняв, какой финансовый удар нанесла она дорогому человеку, интриганка обмякла и начала терять сознание. Орешников подхватил прелестный груз и доставил в комнату. Пока он надрывался от тяжести, Лидия Сергеевна пропадала от счастья

— Володя, — произнесла она любимое имя и приоткрыла веки. — Я пришла сделать вам предложение!

Орешников усадил ее на стул и спросил:

— Какое?

Его недогадливость делала ему честь.

— То самое!

— Делайте!

Женщина встала и церемонно поклопилась:

— Я прошу вашей руки!

— В каком смысле? — изумился Орешников.

— В прямом! — наемкнула Лидия Сергеевна. — Я хочу, чтобы вы стали моим мужем!

Владимир Антонович не нашелся, что ответить.

В это время прозвенел звонок. Орешников и Лидия Сергеевна не обратили на него внимания.

Входную дверь отворил отец.

— Здесь квартира артиста Орешникова? — трагически спросила Оля.

— Да, это я! — осторожно признался артист, опасаясь, что перед ним поклонница-психопатка. Лицо Оли показалось ему знакомым, но он не помнил, где ее видел.

— Где ваш сын?

Отец не знал, что к сыну пришла Лидия Сергеевна.

— Только что валялся на диване.

— Мертвый? — выкрикнула Оля. — Они его убили и отняли облигацию, я так и думала!

На всякий случай, от греха подальше, отец отступил на шаг и посмотрел на Олю с испугом.

— По-моему, нет... Даже наверняла нет. Он живой! Может, даже чересчур!

— Это все, что я хотела узнать! — сказала Оля загадочно и побежала вниз по лестнице.

Орешников-младший, поглощенный обороной, так и не узнал, что к нему приходила Оля.

— Но вы же замужем, — сопротивлялся Владимир Антонович.

— Разве это муж? — горько вздохнула красавица.

— Но я не могу жениться на вас. Я бы с удовольствием, но у меня уже есть невеста. Ее зовут Оля.

— Дайте ей оставку! — умоляла Лидия Сергеевна, переполненная любовью по самую лебединую шею. — Вы делаете непоправимую ошибку, если женитесь не на мне! Я вас полюбила, Володя, это случилось со мной в первый раз в жизни. Для вас я пойду на любые жертвы. Я буду мотаться по магазинам и рынкам, варить обед и мыть по-

уду. Я сама буду относить белье в прачечную, я научусь чинить электричество, гладить брюки и натирать полы. Когда вы пойдете со мной по улице, все будут на вас оборачиваться. Женитесь на мне, ну, пожалуйста!

Орешников был растроган. Людям нравится, когда им объясняются в любви.

— Но я собирался жениться на Оле! — тупо повторил свой довод Орешников.

— Где ваша Оля, я не знаю, но я-то здесь, совсем рядом, вы только протяните руку... — тихо произнесла красавица.

Спротивление Орешникова слабело, и он жалобно попросил:

— Не надо, Лида...

Напор атакующей стороны оказался настолько пленительным, что Владимир Антонович был готов к сдаче в плен. Орешников напоминал беднягу кролика, который добровольно идет в объятия удава. А удав, как везде написано, самая красивая змея на свете, и поэтому задышаться в его объятиях приятней, чем в любых других...

Был мягкий зимний вечер. Чистый рождественский снег падал на грешную землю.

Оля быстро шла по улице. Подойдя к старинному дому со львами у подъезда, достала из сумки один из конфискованных паспортов и сверила адрес. Затем она вошла в парадное и позвонила в квартиру на первом этаже. Дверь открыл Петя. Увидев девушку из сберкассы, он перенугался:

— Что случилось? Неужели облигация поддельная?

— Нет, я думаю, что настоящая. Мне надо с вами поговорить.

Петя пригласил Олю в комнату и помог снять пальто.

— Давайте примем по маленькой. Вам с мороза полезно, — обрадовался Петя, который не любил выпивать в одиночку.

— Скажите, ведь эта облигация принадлежала Володе?..

Петя уже доставал из буфета графин и рюмки.

— Володе, — согласился он, удивленно взглянув на девушку. — А вы его знаете?

— Знала... А как эта облигация попала ко всем вам?

— Значит, вам известно, что он выиграл десять тысяч?

— Мне про него все известно, — горько сказала Оля.

Петя внимательно посмотрел на нее.

— Значит, вы поссорились, — догадался он.

Оля не удержалась и всхлипнула:

— Да!

— Выпьем за то, чтобы вы помирились! — поднял тост Петя.

— Я никогда с ним не помирюсь, — и Оля решительно выпила.

— Вы закусывайте, — угощал Петя. — Володя — хороший парень. Только лоботряс. И знаете, — заверил Петя, считая, что приводит самый важный довод в пользу друга, — он непьющий, не то что я.

— Но все-таки, — попросила Оля, — почему вы отобрали у него облигацию?

И Петя, смущаясь, рассказал Оле все.

Теперь Оля, на самом деле знала об Орешникове всю правду, кроме того, что он находился сейчас во власти соблазнительницы.

Лидия Сергеевна лежала на диване, укрытая пледом, Владимир Антонович расположился у нее в ногах.

— Лида, уже поздно. Пойдем, я тебя провожу! — Орешников с некоторым опозданием корил себя за капризность.

— А чего я дома не видела? — лениво ответила Лидия Сергеевна.

— Нехорошо, муж будет беспокоиться... — гнул свою линию любовник.

— Не выпроваживай меня! Я тебя люблю и остаюсь здесь навсегда!

Орешников понял, что попал в безвыходное положение и заслужил это. Надо было выпутываться.

— Иди ко мне! — позвала Лидия Сергеевна.

— Обожди! Я думаю!

— О чем, милый?

Орешников поднялся и зашагал взад и вперед по комнате.

— Разве это справедливо, — с пафосом воскликнул он, — что они лишили нас доли?

— Не хочу я сейчас об этом думать...

— Не бросайся такими деньгами! — продолжал заманивать в ловушку Владимир Антонович.

— Я ими не бросаюсь. У меня их нет. — Лидия Сергеевна довольно быстро клюнула на приманку. — Но это безобразие! Это произвол!

— Ты права! — раздувал пламень се обиды Орешников. — Мы должны добыть нашу законную долю. И ты мне поможешь. Одевайся!

Вскоре Орешников и Лидия Сергеевна шли по главной улице. Все мужчины оборачивались и завидовали Орешникову. Но он не испытывал от этого радости. Он высвободил руку, желая обрести свободу, но это расходилось с интересами Лидии Сергеевны.

Она сама взяла Орешникова под локоть, и он почувствовал, что она держит его мертвой хваткой.

Навстречу им, по той же улице, шли Оля и Петя. Увидев Орешникова с Лидией Сергеевной, Оля мгновенно взяла Петю под руку.

Две пары остановились друг перед другом. Орешников виновато поглядел на Олю. Лидия Сергеевна перехватила этот взгляд и поняла, кто перед ней. Она торжествующе улыбнулась. Оля посмотрела на Лидию Сергеевну презрительно, а на Орешникова она старалась вовсе не смотреть. Петя взирал на всех по очереди, пытаясь понять, что здесь происходит.

Женским чутьем Лидия Сергеевна ощутила опасность и поволокла Орешникова за собой. Оля немедленно пово-

локла за собой Петю. Пары разошлись в разные стороны.

Орешников не выдержал и обернулся. Оля тоже не выдержала и тоже обернулась.

И хотя расстояние между ними увеличивалось, они все еще смотрели друг на друга.

В любви, как в лотерее, никогда заранее неизвестно, кто выиграет. Вот, например, Алевтина долго ждала и, наконец, вытатила счастливый билет в образе Ивана Степановича.

Сдержав обещание, Калачев появился к невесте с огромным, девятирублевым тортом в руках.

Алевтина провела Калачева в столовую.

— Добрый вечер, Василий Александрович и Мария Петровна, — сердечно поприветствовал будущих родителей Иван Степанович и водрузил торт на стол.

— Зачем он пришел? — поразился Василий Александрович, обращаясь к дочери, которая тоже вырядилась в лучшее платье. — Если мне не изменяет память, он утверждал, что погн его здесь не будет!

— Погорячился я, Василий Александрович! — признался Калачев.

— Чего его сюда привело? — по-прежнему не замечая Калачева и разговаривая только с дочерью, продолжал отец.

— Я на вашей Алевтине жениться задумал! — огорчил родителя Иван Степанович. — Прошу вашего согласия, дорогие и уважаемые Василий Александрович и Мария Петровна!

— Я согласна! — поспешно ответила мать, боясь, что жених передумает.

Василий Александрович упрямо делал вид, что Калачева нет в комнате.

— Какой он жених, Аля? Ему же на пенсию пора!

— Это вы преувеличиваете! — Иван Степанович понимал, что отец берет реванш за первую встречу, и решился терпеть унижение до победного конца.

— Ну, а ты-то согласна?— в упор спросил у дочери Василий Александрович.

— Она согласна!— заверил Калачев.

— Она согласна!— подтвердила мать.

— Я тебя спрашиваю, Алевтина!— строго сказал отец.

— Я согласна! — призналась Алевтина.

Жених застеснялся.

— Зачем тебе этот мухомор?— искренне удивился отец, который души не чаял в дочке.

Мать заспешила на выручку:

— Не слушайте его, Иван Степанович!

— Я его теперь должен слушать, я его теперь уважать должен, хочешь не хочешь! — по-сыновнему сказал Калачев.

Алевтина смотрела на отца умоляющими глазами, и он, наконец, сдался:

— Делайте что хотите!

— Вот и договорились!— обрадовался Иван Степанович.— Спасибо, папа!

И прежде чем Василий Александрович успел опомниться, Калачев навалился на него и расцеловал.

31 ДЕКАБРЯ

Трудно понять, почему все люди дружно радуются приходу Нового года и даже празднуют это, вместо того чтобы плакать.

Если вдуматься, то новогодний праздник печальное событие в скоротечной жизни. Ведь люди еще на один шаг приближаются к роковой черте. А сама процедура встречи Нового года еще более ускоряет процесс приближения.

Вместо того чтобы спать, сохраняя здоровье, люди всю ночь нарушают режим и безобразничают на деньги, собранные вскладчину: пляшут, поют, орут, едят, пьют, беснуются и ухаживают.

В повогоднюю ночь останавливается прогресс. Ученые не выдумывают порох, поэты не рифмуют, воры не воруют, педагоги не учат, парикмахеры не бреют, могильщики не

роют, книгу никто не читает, воюющие стороны не стреляют друг в друга, потому что руки у всех заняты бокалами.

Но все-таки есть еще доблестные люди, которые и в новогоднюю ночь не предаются интересам общества и смело двигают прогресс. Это водители транспорта, официанты, гардеробщики, музыканты, врачи «скорой помощи» и повара. Их руки заняты не праздными рюмками, а трудовыми рулями, подносами, шубами, аккордеонами, шприцами и половниками.

В новогоднюю ночь работает также и телевидение. Но оно прогресса не двигает.

Итак, наступил последний день старого года — 31 декабря!

Перед закрытием сберкассы сотрудники фотографии толпились у Олиного окошечка. Орешникова и Лидии Сергеевны среди них не было. Деньги получал Калачев как лицо нейтральное и оправдавшее доверие.

Оля обратилась к присутствующим с маленькой речью, мстя этим как Орешникову, так и Лидии Сергеевне.

— Уважаемые товарищи! Поздравляю вас с наступающим Новым годом и с выигрышем. Надеюсь, что вы и дальше будете покупать облигации трехпроцентного займа!

— Большое спасибо! Мы вас тоже поздравляем! — весело откликнулись богачи.

На улице Алевтине не удалось идти рядом с жепихом. Калачева бережно поддерживали с обеих сторон Кирилл Иванович и Петя, чтобы Калачев, не дай бог, не споткнулся, не упал, не попал под машину.

— Слушайте, — сказал Петя, не выпуская локтя Ивана Степановича. — Это дело надо отметить.

— Это наша традиция, — согласился Полотенцев.

— Я «за», — сказал Калачев.

Процессия остановилась около «Гастронома».

Пока счастливики опустошали магазин, Лидия Сергеевна одна, в пустой квартире, вела себя более чем странно.

Часы показывали уже девять вечера. Все женщины города лихорадочно надевали бальные платья, а Лидия Сергеевна надевала лыжный костюм. Можно было подумать, что она собирается провести новогоднюю ночь на лыжне.

Послышался стук открываемой двери. Лидия Сергеевна устремилась в переднюю посмотреть, кого это черт при-

В дверях, с бутылкой шампанского, робко стоял муж, по лестнице с мебелью поднимались грузчики.

Увидев жену, муж пустился в объяснения:

— Я вернулся навсегда! Ты рада, я знаю. Я тоже очень рад. Мы будем вместе встречать Новый год!

Лидия Сергеевна отмолчалась. Муж появился явно некстати:

— Я был неправ! — признал супруг. — Я не буду больше тебя ревновать. Я тебе верю. Я знаю: ты меня любишь! Почему ты в лыжном костюме?

Лидия Сергеевна поняла, что все начинается сначала, и пожалела, что у нее в руках нет лыжных палок. Хотя бы одной.

Грузчики оттеснили хозяйку в сторону и внесли в комнату шкаф.

— Ты даже не представляешь, как дорого обходится перевозка мебели! — пожаловался ревнивец. — И полировку всю подарапали...

Телефонный звонок раздался ровно в половине десятого, как и было договорено. Лидия Сергеевна опередила мужа и поспешно схватила трубку.

— Да, это я, — сказала эффектная лыжница. — Хорошо. Иду!

— Это куда же ты направляешься под самый праздник, — поразился муж. — Я тебя спрашиваю!

— Ты доигрался со своей мебелью! — наконец-то удостоила его ответом Лидия Сергеевна. — Я полюбила другого человека!

— Лида! — заплакал муж. — Если ты от меня уйдешь, я выброшусь из открытого окна!..

— Не говори глупостей! — отмахнулась Лидия Сергеевна и по-спортивному выбежала на лестницу.

Муж затрусил вдогонку и закричал угрожающе:

— Лида! Мы живем на шестом этаже!

— Я это знаю! — отозвалась жена снизу.

Рентгенолог заспешил обратно в комнату и пастежь распахнул окно. В комнату ворвался морозный воздух.

Брошенный муж проворно взобрался на подоконник и стал дожидаться, когда жена выйдет из подъезда.

— Лида! — завопил несчастный, увидев свою мучительницу на тротуаре. — Смотри, я сейчас выкинусь!

Лидия Сергеевна вскинула голову.

— Не стой на окне — простудишься! — проявила заботу жена и ушла к другому.

Кто-то тронул рентгенолога за ногу. Он испуганно откинулся назад, чтобы действительно не выпасть.

— Прежде чем из окна сигать, — сказал грузчик, — ты, хозяин, деньги плати. Мы закончили.

— Везите все обратно, я заплачу! — простонал рентгенолог, слезая с подоконника.

— Нет уж, дудки. Нам к женам пора, Новый год встречать!

Было уже десять часов вечера. Город садился за праздничный стол провожать старый год. Город веселился и чокался.

Только бедная Золушка Оля со своими мамой и папой не ждала гостей. В маленькой квартирке, расположенной на верхнем этаже, под самой крышей, стол был накрыт в трюх.

Золушке было грустно. Она нарядила маленькую полиэтиленовую елочку, достать которую было легче, чем настоящую.

— От подставки до макушки, — заунывно пела Оля на мотив похоронного марша, в то время как папа и мама смотрели телевизор, — сто четырнадцать огней. На ветвях висят хлопушки, и звезда горит на пей!..

А город произносил тосты, выпивал, закусывал. Город слегка опьянел.

В фотопавильоне тоже был накрыт стол.

В центре, рядом с шампанским, в ванночке для проявки негативов, лежали десять тысяч рублей, как одна копейка.

За столом восседало десять соискателей и Калачев.

Банкет был в разгаре. Иван Степанович держал речь:

— Я поднимаю этот бокал за вашу дружную фотографию, которая успешно выполнила годовой план. Я приглашаю всех вас на нашу свадьбу, на которую мой коллектив автобазы № 3 придет в полном составе.

Все закричали: «Спасибо!» — и выпили.

Алевтина взглянула на часы и испуганно сказала:

— Пора делить, а то не поспеем домой Новый год встретить.

Тут поднялся ретушер Петя и прочувственно сказал:

— Я по-прежнему настаиваю делить на всех поровну, включая Орешникова и Лидию Сергеевну. Иначе как мы завтра будем смотреть им в глаза?

— Петя прав, — согласился Кирилл Иванович. — Исключив наших товарищей, мы потеряли моральный облик, — повторил он слова жены.

— Хорошо, — пошла на уступку Ира, — прием Орешникова обратно!

— А ее? — спросила Алевтина.

— Мы не согласны! — мгновенно возмутилась Ира, а Юра добавил:

— Она не вносила в кассу взаимопомощи.

Алевтина величественно поднялась.

— Друзья! Надо ее принять, — заговорила она, чувствуя на себе одобрительный взгляд Калачева. — Надо ее пожалеть. Она женщина одинокая. Ее муж бросил. А когда женщину никто не любит, ей одной очень трудно. А членские взносы она внесет.

Алевтина была сейчас привлекательна. Как известно, любовь облагораживает женщину, делает ее красивой и даже доброй.

Но, главное, Алевтина чувствовала себя победительницей. Наконец-то она, которую все почему-то считали дурнушкой, могла покровительствовать женщине, которую все почему-то считали красавицей.

— Алевтина, безусловно, права, — сказал растроганный Полотенцев. — Ну, обалдели вначале от этих денег. Пора уж в себя прийти! Я горжусь, что наш коллектив не торгует убеждениями. Давайте голосовать обе кандидатуры вместе.

Но проголосовать не удалось.

Занавеска раздвинулась, и в фотопавильон степенно выплыл Дед-Мороз в полном параде, с жезлом в руке и мешком за спиной, в котором, скорее всего, лежали подарки.

— С наступающим вас, передовики фотографического производства! — поздравил он оторопевших сослуживцев. — Это ценная инициатива городских организаций, чтобы я самолично разносил подарки по предприятиям, перевыполнившим план! Ура!

— Ура! — неуверенно ответили собравшиеся.

— Здорово придумано! — одобрил Калачев инициативу.

— От имени и по поручению... — продолжал Дед-Мороз, — я поздравляю вас с перевыполнением годового плана на две десятых процента. Мы знаем, что эти две десятых обошлись вам дорого. Мы любим ваш коллектив за энтузиазм, за самоотверженность и дружбу, за то, что у вас при любых обстоятельствах один за всех и все за одного!.. А теперь... становитесь за подарками!

И он скинул с плеч мешок.

Выходить из-за праздничного стола никому почему-то не хотелось.

— Надо — так надо! — строго наказал Калачев. — Идите! Я тут покараулю.

К Деду-Морозу выстроилась очередь.

— И вы, товарищ, идите сюда! — позвал Калачева хвостом зима.

— Я не из этой фотографии!

— Но вы же, товарищ Калачев, директор лучшей автобазы города! — проявил поразительную осведомленность Дед-Мороз.

Польщенный Калачев покинул боевой пост.

К ужасу присутствующих волшебник погасил свет и полез в мешок за подарками в полной темноте.

— Иди домой, обрадуй жинку.

Ты получаешь четвертинку! — Дед-Мороз вручил Полотенцеву первый гостинец.

Пока шла церемония вручения, красивая тень в лыжном костюме скользнула в окно и подбежала к столу. Раздался грохот. Это упала бутылка с шампанским.

Тень метнулась обратно и ловко выпрыгнула.

Кто-то догадался зажечь свет. Денег, конечно, не было.

— Караул! Ограбили!

Началась суматоха.

Через двор убегала фигура, чем-то похожая на Лидию Сергеевну.

— Этот Дед-Мороз жулик! — первым догадался Калачев.

— Они сообщники! — закричала Алевтина.

— Вот вы несправедливо лишили нас доли! — Дед-Мороз.

роз спял бороду, и все узнали Орешникова. — И мы вынуждены были совершить этот некрасивый поступок.

Владимир Антонович оставил мешок с подарками на произвол судьбы, подобрал полы халата и пустился наутек.

Давно известно, что деньги портят человека. Но отсутствие денег портит его еще больше. Как быть с решением этой проблемы, ну, совершенно непонятно!

На улице Орешников догнал Лидию Сергеевну, и они помчались вместе, обгоняя прохожих, которые тоже бежали, так как до Нового года оставались считанные минуты.

Из фотографии «Твой портрет» вывалилась гурьба ограбленных и пустилась в погоню.

Они не кричали «Держите вора!». Они не хотели огласки и бежали молча. Впереди неся руководитель предприятия, а замыкал группу бегунов Иван Степанович Каламев, принимавший участие в погоне на добровольных началах.

— Володя, ты гений, — говорила Лидия Сергеевна на бегу. — Я тебя обожаю!

— Давайте сюда деньги, — приказал Орешников, не снижая темпа. — А то вас они могут догнать, а схватить меня не так просто.

В мыслях Владимир Антонович уже держал в руках заветную фотокамеру «Зенит-112».

Не переставая мчаться, Лидия Сергеевна вручила ему сверток. Орешников удивился толщине пачки.

— Зачем вы взяли все деньги? Вы с ума сошли! — Орешников даже остановился.

— У меня не было времени отсчитывать, — оправдывалась бегунья, увлекая сообщника в подворотню. Погоня промчалась мимо.

— Мы спасены! — сказала Лидия Сергеевна.

Орешников отсчитал из пачки долю, которая причиталась ему и Лидии Сергеевне, выскочил из подворотни на улицу и закричал:

— Вы не туда бежите! Мы здесь!

Погоня молча развернулась на 180 градусов.

— Зачем ты это сделал? — спросила Лидия Сергеевна.

— Так надо!

Орешников положил сверток с деньгами на тротуар и придавил кирпичом.

— Возьмите сдачу! — крикнул он и отбежал на несколько шагов, следя за тем, чтобы деньги не взял кто-нибудь посторонний.

Полотенцев нагнулся и поднял сокровище.

— Сколько здесь?

— То, что вам причитается! — ответил Орешников.

— Что будем делать, товарищи? — спросил Полотенцев.

— Догонять! — предложил Юра. — Они же не все отдали!

Погоня возобновилась. Кирилл Иванович стал отставать первым. У него началась одышка. Теперь он семенил рядом с Калачевым.

— Подумать только, — пожаловался Полотенцев. — А мы их только что собирались принять обратно.

— Теперь ни за что не примем! — отозвался Юра, бежавший в авангарде.

— Но они не знали, что мы их собирались принять, — вступился Петя за беглецов. — И объясните мне, пожалуйста, ста, зачем мы за ними бежим, когда они взяли только свои доли!

— Петя прав! — воскликнул Полотенцев.

— Надо закончить собрание, — предложила Алевтина.

— Давайте оформим это по всем правилам. Как решит народ, так и будет! Я прошу всех проголосовать «за» и прекратить беготню, пока у меня еще нет инфаркта, — взмолился Полотенцев. — Кто «за»?

Голосование происходило тоже на бегу. Все подняли руки.

— Принято единогласно! — подытожила председатель месткома.

— Володя! Лидя! Остановитесь! — закричал Петя. —

Обе группы — преследуемые и преследователи — опять установились, тяжело дыша, и приступили к мирным переговорам.

Все это происходило на пустынной центральной площади. В это время город уже открывал шампанское. Пробки стреляли.

— Зачем вы все это затеяли? — тяжело дыша, спросил Полотенцев у фотографов. — Как вам не стыдно, вы устроили этот грабеж именно тогда, когда мы все договорились принять вас обратно.

— Я вам не верю! — воскликнула Лидия Сергеевна. — Это вы сейчас нарочно говорите!

Петя посмотрел Орешникову в глаза и сказал ему жестокие слова:

— Мне хочется выпить, Володя, но я не стану этого делать с тобой!

Орешников изменился в лице. Он понял, что недооценил прекрасных качеств коллектива.

Он печально улыбнулся:

— Пожалуй, это не лучший поступок в моей жизни. Извините меня...

Человек, который считает себя благородней других, как правило, ошибается. Владимир Антонович осознал глубину своего ничтожества, и это стало началом его спасения.

Городские часы начали отбивать полночь, возвещая приход Нового года. Все замолчали, понимая важность момента. Когда часы закончили работу, все закричали: «С Новым годом, с новым счастьем! Ура!»

— Очевидно, я должен еще раз извиниться и признать свое моральное поражение, — тихо сказал Орешников. — Вы оказались лучше меня. Ну, что же! Я рад этому.

— Кирилл Иванович, раздайте деньги! — нарушил молчание Калачев, которому надоела эта история. — И кончайте базар!

— Ну что ж, приступим! — согласился Полотенцев, и люди стали делить богатство в центре площади. Новый год для них начался совсем недурно.

А Орешников и Лидия Сергеевна ушли, и их ухода никто не заметил.

— Володя, мы идем к тебе! Ко мне нельзя, потому что вернулся мой рентгенолог.

— Это прекрасно! — обрадовался Орешников. — Я провожу вас к нему и, кстати, заберите свою долю!

— Пусть она останется у тебя! В нашей семье ты бу-

дешь всем распоряжаться! Мы ведь пойдем по жизни ридом!

— Мы пойдем порознь!

— Володя, ты хочешь меня оставить?— голос Лидии Сергеевны дрогнул.

— Пожалуйста,— попросил Владимир Антонович.— Отпустите меня к Оле. Пожалуйста! Я вас очень прошу!

— Я тебя люблю и буду за тебя бороться!— так же женщины, как Лидия Сергеевна, никогда не сдаются без боя.

Орешников молча протянул ей деньги. Лидия Сергеевна взяла их. Они постояли рядом и разошлись. Лыжница поплелась к рентгенологу, Дед-Мороз заторопился к Золушке.

Выскочив из лифта, Дед-Мороз позвонил в дверь.

Оля вышла в переднюю и спросила, не открывая:

— Кто там?

— Дед-Мороз!— ответил знакомый голос.— С Новым годом.

— Зачем ты пришел?

— Я был свиньей! Прости меня, пожалуйста, ипусти!

— И не подумаю!— сказала принципиальная Золушка, которая, однако, обрадовалась приходу Орешникова.

— Тогда вынеси чего-нибудь поесть!— жалостливо попросил Дед-Мороз.

— Ну да!— без труда раскусила его Оля.— Ты хочешь, чтобы я открыла дверь!

— Хочу!— признался Орешников.

Оля улыбнулась.

— Если я открою, ты ведь войдешь!

— Войду!

— Потом тебя до утра не выставишь!

— Не выставишь!— согласился Орешников.— Ну, открывай!

Оля открыла дверь и засмеялась, увидев его в облачении Деда-Мороза.

— Видишь, я действительно из новогодней сказки!

— Я рада, что ты пришел, дедушка!— откровенно сказала Оля.

— Между прочим,— Орешников все еще стоял на лестничной площадке,— я должен тебе сообщить, что больше всех по этой облигации выиграл я!

— Дурачок, что ты выиграл?

— Я выиграл тебя, Оля!

И Орешников переступил порог, отделявший его от части.

Новогодние сказки всегда кончаются хорошо. Иначе их не печатают!

ЯНВАРЬ

Добыть деньги — это только полдела, потратить их с толком не менее высокое искусство...

Кирилл Иванович и Вера Фоминична сидели в столовой за большим обеденным столом. Стол был завален ваянками детей на приобретение инвентаря.

Вера Фоминична взяла очередное прошение и прочла: — «Прошу мольберт. Коля».

— Надо удовлетворить! — предложил Кирилл Иванович, который возлагал на Колю большие надежды.

Вера Фоминична кивнула, наложила на прошение положительную резолюцию и огласила следующее заявление:

— «Прошу гоночный велосипед. Леша».

Гоночный велосипед — это разврат! — возмутился отец.

Мальчик хочет стать чемпионом! — попыталась защитить его мать, но отец встал на дыбы:

— На велосипед я денег не дам! Ты добавила, что всем надо приобрести теплые ботинки!

— Ты прав! — согласилась Вера Фоминична. — А может быть, вообще вместо всех этих мольбертов записать Сашу и Музу в кооператив на однокомнатную квартиру?

Почему им все, а другим ничего? Нет, это тоже не годится. — Кирилл Иванович огорчился. — Кажется, я выиграл уйму денег, а их ни на что не хватает!

— Не надо было заводить десять детей! — как обычно пошутила Вера Фоминична.

Дверь отворилась, в комнате появился ребенок лет семи, настроенный агрессивно:

— Папа и мама, купите мне барабан!

— Витя! — приказал отец. — Выйди отсюда и закрой дверь!

— Я не Витя, я Валерик! — обиделся сын...

Ира и Юра, в отличие от Полотецневых, не намеревались расходовать деньги по мелочам. У них была ясная цель — квартира.

Они гуляли по улице, мысленно расставляя мебель в будущих комнатах. Они проходили мимо универмага. Они не собирались в него заходить. Им там нечего было делать.

— Давай зайдем. Просто так! — предложила Ира, кетая, как всякая женщина, обожала толкаться в промтоварных магазинах.

— Я знаю твой характер. Ты не удержишься, мы накупим всякой ерунды, и у нас не останется на квартиру! — возразил Юра.

— Мы только посмотрим, даю тебе слово...

Юра ее послушался, они переступили порог магазина и это было их роковой ошибкой.

Сначала им подвернулся электроотдел, который, как нарочно, расположили у входа.

— Какой замечательный торшер! — воскликнула Ира. — Я таких никогда не видела!

— Пойдем, пойдем отсюда! — потянул ее за рукав Юра, долага, предчувствуя недоброе.

— Но если мы купим только торшер, и больше ничего, нам же хватит! — взмолилась Ира.

— Сначала нужно купить квартиру, — резонно заметил Юра, — а потом уже ее обставлять!

— Да, но потом таких торшеров не будет!

Торшер был началом их грехопадения.

Юра с торшером под мышкой и Ира с абажуром в руках перешли в отдел телевизоров, который, как на зло, находился рядом.

— Смотри, телевизор «Вечер»! — воскликнула транжира. — Его вообще никогда не бывает.

— Если мы сейчас купим телевизор, то о квартире надо забыть, — напомнил Юра. Но было поздно. Они уже покатались по наклонной плоскости...

На улице, возле универмага, прохаживался Калачев, поджидая Алевтину, которая назначила ему свидание. Наконец она вынырнула из толпы покупателей и, сияя, кинулась навстречу жениху.

Калачев вздрогнул.

Дело в том, что Алевтина, наконец, осуществила мечту. В несусветной шубе с чернобурым воротником и чернобурым подолом она гордо подплыла к Ивану Степановичу. На голове ее торчала модная шляпка, которая вместе с шубой безобразила ее, как могла. Оказалось, что даже Алевтину можно изуродовать.

Алевтина прошла перед Калачевым, как манекенщица, расстегнула пальто и сказала:

— Обратите внимание на платье из цветных кружев. Верхняя часть бесформенная, нижняя — суженная...

Платье не доходило до колен и открывало ажурные чулки. Алевтина выставила ногу, слегка согнув ее.

Калачев покраснел в первый раз в жизни. Ему было стыдно перед окружающими. У Ивана Степановича появился повод сбежать от невесты раз и навсегда, но он доказал, что он настоящий мужчина и добрый, любящий человек.

— Тебе это очень идет. Ади! — презнес он отчаянно. — Да, очень!

— Лидия Сергеевна помрет от зависти! — победоносно заявила Алевтина.

— Конечно, помрет!

Калачев мужественно взял Алевтину под руку и повел ее на виду у всех.

Алевтина была так счастлива, что не видела ничего вокруг. Иван Степанович старался не смотреть по сторонам, чтоб не встретиться взглядом с кем-нибудь из знакомых.

Именно поэтому они прошествовали мимо Иры и Юры, не заметив их.

Растратчики, убитые горем, расположились на двух новых креслах. Кресла стояли прямо на снегу. Рядом красовался торшер, а на журнальном столике высился картонный ящик с телевизором «Вечер».

— Куда мы это повезем? — безнадежно спросил

Юра.

— Это я во всем виновата, — призналась Ира.

— Может, отвезем все это в камеру хранения? — искал выход Юра.

— И это будет лежать там до нашей смерти, — сказала Ира.

— И мы еще за это будем платить, — вздохнул Юра.

— Я придумала! — вдруг осветилась светом надежды Ира. — Свезем в комиссионный магазин! Мы потеряем только семь процентов, но все-таки сможем вступить в кооператив...

В то время как коллеги Лидии Сергеевны проматывали состояние, она еще не истратила ни копейки. Она сохранила материальные ресурсы для решающего броска.

Лидия Сергеевна пришла в сберкасса и сразу направилась к Оле, которая восседала на томах Большой советской энциклопедии. Лидия Сергеевна просунула в окошко голову и сказала недвусмысленно:

— Оля, отдайте мне Володю!

— Не отдам! — ответила Оля.

— Отдайте!

— Не отдам!

— Но я его люблю! — патетически воскликнула Лидия Сергеевна, но Оля только усмехнулась:

— Ну и что? Я сама его люблю!

Беседа зашла в тупик.

— Оля, вы еще молоды, у вас вся жизнь впереди, вы еще найдете свое счастье, другое...

Так как Оля молчала, Лидия Сергеевна спросила упавшим голосом:

— Значит, не отдадите?

— Ни за что!

Лидия Сергеевна обернулась, убедилась, что в сберкассе нет других посетителей, полезла в сумочку, достала оттуда увесистую пачку и протянула счастливой сопернице:

— Оля! Здесь восемьсот тридцать три рубля! Это очень большие деньги! Возьмите их и отдайте мне Володю!

— Вы что же, хотите его купить?

— Зачем так грубо, Оля! — попыталась ее пристыдить Лидия Сергеевна, но успеха не достигла. Она поняла, что жизнь кончена! — Ну, ладно! — сказала Лидия Сергеевна. — Тогда дайте мне на все деньги облигации трехпроцентного выигрышного займа!..

А человек, которого только что хотели купить, но не захотели продать, не избежал общей участи и тоже судорожно тратил деньги.

На новогодней ярмарке Владимир Антонович Орешников постоял у витрины магазина «Культтовары», где по-прежнему красовалась фотокамера «Зенит-112», и поглядывал на нее тоскливым взглядом. Хотя у него в кармане лежали деньги, на которые можно было купить два аппарата, Орешников печально улыбнулся и направился в павильон «Меховые изделия», где несколько дней назад опозорился перед Олей и самим собой.

— Здравствуйте, — сказал он продавщице. — Мне, пожалуйста, дамскую шубу. Сорок шестой размер, за восемьсот тридцать три рубля. Желательно хорошую.

— Будете брать без примерки? — удивилась продавщица.

— Уже примеряли. Хватит.

ЭПИЛОГ

Прошло несколько дней. Кирилл Иванович Полотенцев сидел в кабинете на фоне переходящего вымпела, на котором было начертано: «Победителям в соревновании». Этот приз им только что вручили за успехи в выполнении годового плана.

— Надо вымпел отметить! — говорил Полотенцев Александре. — Такая у нас традиция!

— Надо-то надо! Но где взять деньги, ни у кого их уже нет!

— Возьмем у Орешникова из кассы взаимопомощи!

Орешников поспешил на зов начальства. По дороге его перехватил Петя. Он провел языком по пересохшим губам:

— Володя, дай три рубля!

— Уже? — сочувственно спросил Владимир Антонович.

— Уже, — вздохнул Петя.

— Денег у меня нет! — и Орешников вошел в кабинет Полотенцева. Кирилл Иванович показал ему на вымпел:

— Надо устроить междусобойчик! Открывай свою взаимопомощь!

— Что вы все словорились, что ли? — вспыхнул Орешников. — Нет денег! Я их опять растратил. — Владимир Антонович полез в карман и достал из него облигацию трехпроцентного займа. — Может, опять повезет. Нам повезет, — уточнил он.

Все-таки жизнь людей чему-то учит.

Р. С. Больше они ни разу не выиграли.

Р. Р. С. Повесть написана не по заказу Министерства финансов.

УБИЙСТВО В БИБЛИОТЕКЕ

Телефонный звонок разбудил следователя Ячменева ровно в полночь. Если бы телефонный звонок не разбудил следователя, то разговор бы не состоялся и было бы очень трудно начать это печальное повествование.

— Ячменев, это ты?

— Кто говорит?

— Это говорит убийца! — спокойно сообщил незнакомый голос.

— Неостроумно! — обозлился Ячменев, положил трубку на рычаг и перевернулся на другой бок. Телефон стоял у него на столике возле постели, чтобы следователя было удобно будить.

Однако нахал не поленился позвонить второй раз.

— Ты чего трубку пвыряешь? — строго спросил он.

— Кто это? — тупо повторил Ячменев.

— Вообще-то я привидение, но ты же марксист и в это не поверишь!

— Кого же ты убило, привидение? — спросонья спросил Георгий Борисович Ячменев.

— Кого надо! Труп рядом валяется. И звоню я тебе из библиотеки, из Академии школьных наук, где я все это и совершил!

— Кто же этот несчастный? — окончательно проснулся следователь. Незнакомый охотно ответил:

— Академик Зубарев!

— Сергей Иванович? — переспросил Ячменев. — Тот самый?

— Тот самый!

— Почему же ты убил гордость нашей науки? — Ячменев пытался определить по голосу, кто из приятелей безобразничает.

Ответ был неожиданным:

— За беспринципность! Чтоб другим неповадно было!

Следователь засмеялся.

— Не вижу в этом ничего смешного! — рассердился таинственный собеседник. — И звоню я тебе, чтоб ты не совал свой любопытный нос в это кровавое дело! Иначе и тебе не поздоровится!

— Высказался? — Ячменев по-прежнему был убежден, что его разыгрывают. — Может быть, ты для порядка назовешь, наконец, и свою фамилию?

В ответ раздался жуткий смех.

— Надоел ты мне! — Ячменев не испугался и хотел было положить трубку, но в этот момент услышал игристый женский голос:

— Георгий, распорядись, чтобы убрали покойника! Он нам опротивел!

— Дайте поспать!— взмолился Георгий Борисович. — Мне ведь с утра на работу! Будьте людьми!

— Мы не можем стать людьми, мы привидения!

Тут Ячменев не выдержал, разъединил телефон и накрыл голову подушкой. Но уснуть ему не удалось. Не потому, что его растревожил нелепый ночной разговор. О нем он больше не вспоминал. У Ячменева была единственная дочь в возрасте 19 лет. Этой причины вполне хватало, чтобы страдать хронической бессонницей. Как многие сверстницы, дочь Ячменева вздумала выйти замуж, и это не радовало отца. Мысль о том, что какой-то чужой человек станет для дочери важнее родителей, поселится в доме и станет бриться его, Ячменева, электрической бритвой, потом забывая, конечно, выдувать из нее остатки своих волос, приводила Ячменева в бешенство.

— Но почему он будет бриться твоей бритвой?— мысленно слышал он возражающий голос жены, которая на самом деле мирно спала на соседней кровати.— У него есть своя бритва!

— Дело не в бритве, а в принципе!— спорил Ячменев.— Я вообще не хочу, чтобы дочь выходила замуж! Пусть сначала кончит институт!

— Но они любят друг друга...

— А если они завтра перестанут любить друг друга?..

Мысленный диалог с женой прервал очередной телефонный звонок. Следовательно взглянул на часы. Было четыре часа утра.

— Георгий Борисович!— услышал он взволнованный голос своего помощника Зиновия Фомина.— Произошло очередное преступление!

— Убийство!— поморщился Ячменев.

— В библиотеке обнаружен труп мужчины!— докладывал Фомин.

— Академика Зубарёва,— продолжал следователь, думая о том, что современные браки, к сожалению, легко рвутся.

— Откуда вы все знаете?— Фомин никогда не уставал поражаться гениальности начальника, то есть был гениальным подчиненным.— Я дежурю по городу, и мне только что позвонила комендантша академии.

— А мне звонили убийцы еще четыре часа назад!— Ячменев спустил ноги с кровати и на ощупь нашел шлепанцы.— Сейчас я приеду!— пообещал он, ухитряясь на-

дать рубаху, не вынуская из рук телефонной трубки.

— Они, конечно, не назвались? — огорченно спросил Фомин.

— Отчего же, — с усмешкой возразил следователь. — Они назвались привидениями.

— Понятно! — смущенный помощник с ходу попытался выдвинуть первую версию: — Наверно, убивали, завернувшись в белые простыни. Надеялись, что суеверные люди примут их за призраков!

— Зиновий, не надо, — попросил Ячменев. — Пожалуйста, пришлите за мной машину!

— Нету машины! — огорченно сообщил Фомин. — Она в Болшево ушла. Там ларек ограбили!

— Можно ли сравнить грабеж с убийством? — Ячменев уже влезал в брюки.

— К сожалению, ограбили раньше, чем убили! — Зиновию было жаль начальника, но он ничем не мог ему помочь.

— Вызовите по талону такси!

— Конец месяца. Талоны кончились! — отнял последнюю надежду Фомин. — Придется вам самому ловить машину!

— Бухгалтерия расход не примет! — вздохнул Ячменев. — Ладно, сейчас я приеду!

Он направился на кухню и сварил кофе. Кофе — национальный напиток следователей, он придает им бодрость и настраивает их на детективный лад. Георгий Борисович Ячменев был достойным коллегой таких сыщиков, как Шерлок Холмс, если вы читали Конан-Дойля, как Мегре, если вы читали Сименона, и Пуаро, если вы читали Агату Кристи. Ячменев производил впечатление медлительного и даже ленивого человека. У него были огромные руки рабочего, начинающие седеть и редеть волосы

ученого и доверчивые глаза колхозника. Уже девятнадцать лет Георгий Борисович успешно очищал ряды общества от нежелательных элементов, но работы все еще хватало.

Ячменев пил кофе и думал при этом, кому же понадобилось убивать замечательного ученого Сергея Ивановича Зубарева. Буквально несколько дней назад Ячменев видел Зубарева по телевидению, где академик, совсем еще не старый, председательствовал в жюри клуба веселых и находчивых. Когда следователь в минувшее воскресенье делал на рынке покупки, ему завернули телятину в страницу из «Огонька» с фотографией Зубарева. На фотографии академик в черном костюме и белой рубашке с галстуком, мило улыбаясь, жал руку годовому аборигену с одного из архипелагов Тихого океана. Позавчера в «последних известиях» передали, что академик Зубарев открыл международную выставку детского рисунка. А во вчерашней «Вечерней Москве», Ячменев читал ее перед сном, в интервью с Зубаревым сообщалось про его новую монографию об Иване Грозном.

— Если бы этот ученый, — рассуждал Ячменев, — был специалистом в области техники, его убийство можно было бы поставить в связь с действиями иностранных шпионов. Но академик Зубарев был авторитетом в области гуманитарных наук, а это ни для кого интереса не представляет.

— Кого убили? — спросила Ячменева жена, которая в ночной рубашке вошла на кухню и, увидев, что муж пьет кофе, все поняла.

— Большую шишку! — раздраженно ответил Ячменев. — Не жди меня к обеду! Меня теперь заставляют по начальству!

— Как это ты не придешь к обеду! — вспыхнула жена. — В три часа мы едем во Дворец бракосочетания, а потом возвращаемся к нам обедать вместе с его родителями!

— Но я же не виноват, что убили именно сегодня!

— Других следователей нет, что ли? Ты один на всю Москву?

Ячменев шагнул к выходу:

— Я постараюсь приехать. Но если буду опаздывать — начинайте без меня!

— Попробуй только опоздать, — закричала жена вдогонку...

Все началось, как в добропорядочном уголовном ро-

Ячменев вышел на темную улицу, где, разумеется, лил проливной дождь. Не было видно ни зги, ни такси.

Но Ячменеву повезло. Он быстро поймал машину и через тридцать минут, расплатившись собственными деньгами, которые ему никто не вернет, стоял в Кривобедренном переулке и смотрел на двухэтажный особняк, который местами еще сохранял на фасаде следы бывшего ампира. Две церкушки, одноэтажные домики, булыжная мостовая придавали милое очарование старинному уголку Москвы. Только девятиэтажный дом-башня напоминал Ячменеву, что действие происходит отнюдь не в 1913 году, от которого так любит вести летосчисление наша статистика.

В переулке было пустынно. Лишь в будке телефона-автомата, которая торчала напротив особняка, прятался маленький толстенький человек. Он выдвинулся наружу и солнечно улыбнулся следователю:

— Разрешите доложить, Георгий Борисович! Я тайно веду наблюдение за этим загадочным переулком. Но ничего подозрительного не обнаружил! Все попрятались по домам или просто спят.

— Это был Иван Шалыто, второй незаменимый помощник Ячменева.

Ячменев любил своих молодых ассистентов. Быть может, они и не могли похвастать глубиной ума, меткой наблюдательностью и мгновенной сообразительностью, но зато с лихвой покрывали эти недостатки служебным рвением и преданностью делу. За неимением других, более умных кадров, Ячменев изо всех сил растил из Ивана и Зиновия достойную смену.

— А где Фомин?

— Сторожит покойника! Там же вся компания — эксперт, фотограф и доктор.

Ячменев поежился от холода и грустно усмехнулся:

— Если бы я был заграничный следователь — я зашел бы в бистро напротив и согрелся рюмкой перно. Но, во-первых, Ваня, я не заграничный следователь, а во-вторых, ближайшая забегаловка находится отсюда за три километра и там не торгуют водкой до десяти утра. Значит, у меня нет иного выхода, как войти в дом и начать расследование!

С этими словами Ячменев шагнул к парадной двери, рядом с которой висела застекленная табличка: «Академия школьных наук. Сектор истории культуры», а Иван Шалыто вернулся в телефонную будку.

В вестибюле Ячменев огляделся. Вокруг не было ничего примечательного. Вход украшали колонны, оштукатуренные под мрамор. Широкая лестница, выложенная красной ковровой дорожкой, вела на второй этаж. На стенах висели репродукции с картин, которые воскрешали славные страницы истории: «Последний день Помпеи», «Утро стрелецкой казни» и «Княжна Тараканова».

Слева, на вешалке, Георгий Борисович увидел две миллицейские шинели и пальто доктора. Следовательно разделся, повесил свой ратин рядом с докторским габардином и с наслаждением закурил. Когда следователи курят, кажется, что они думают. Может быть, так оно и есть.

В вестибюле было тепло, Ячменева разморило, и он заснул. Он спал и курил. Он курил и спал.

По лестнице сбежал Зиновий Фомин, длинный и тощий.

— Разрешите вас разбудить, Георгий Борисович! — почтительно обратился он к начальнику. •

— Я не сплю! — сказал Ячменев, не открывая глаз.

— Разрешите доложить, вы спите стоя, как боевая лошадь!

От этого комплимента Ячменев пробудился и перешел к делу:

— Ну, что там происходит?

— Разве вы не подниметесь познакомиться с трупом? — удивился Фомин.

— Потом, потом... — отмахнулся Ячменев.

Дело в том, что Георгий Борисович ничего на свете не боялся, кроме темноты, крови и покойников. Но это были его единственные слабости.

— Доктор говорит, — продолжал рассказывать Фомин, — что смерть наступила в одиннадцать часов вечера...

— Ближе к двенадцати... — машинально поправил его Ячменев.

— Перелом свода черепа. Зубарева ударили по голове тупым предметом, — Фомин увлеченно вводил Ячменева в курс событий.

— Предмет, конечно, не обнаружен?

— Как вы догадались?

— Если бы орудие убийства нашли, вы бы, Зиновий, сказали, чем именно убили! Продолжайте!

— Когда я научусь соображать, как вы! — восхитился Фомин.

— У вас, Зиновий, все впереди! — утешил его Ячменев. — В ваши годы я тоже ничего не соображал!

— Часы и деньги целы. Ограбление исключается. Мотивы преступления неясны.

— Преступник пытался меня уверить, — перебил Ячменев, — что Зубарева убили за беспринципность. Но если бы в наше время за это убивали, началась бы такая резня...

— В библиотеке бандиты оставили массу вещественных доказательств, по которым их можно будет легко найти, — Фомин начал перечислять: — очки в золотой оправе, дамская брошка типа камня, мужской носовой платок, испачканный в женской губной помаде, билет на сегодняшний скорый поезд Москва — Куйбышев, вагон номер шесть, место тринадцатое, нижнее, и авоська с продуктами. В ней бутылка кефира и триста девяносто граммов ветчинно-рубленой колбасы. Очевидно, покунали четыреста, но десять граммов недовесили.

— Что-то, Зиновий, слишком много сувениров, — покрутил головой следователь, — мне это не нравится. И погода на улице скверная. Боюсь, мы здесь долго провозимся.

— И еще одна деталь, я чуть не забыл, — спохватился Фомин, — ружьишко, разорванная в клочья!

— Склейте ее! — распорядился Ячменев. — Ну, а как там в библиотеке, ничего не разбито, не сломано?

— Кроме головы академика, не разбито ничего! — заявил Фомин.

— Поднимитесь наверх, — сказал Ячменев, — и попросите эксперта снять отпечатки пальцев с телефонной трубки. Убийца уверял меня, что звонит прямо из библиотеки! И кроме того, пусть эксперт оставит мне все эти вещественные доказательства!

— Слушаюсь! — и Фомин рванулся выполнять приказание.

Метод Ячменева, из-за которого он долгие годы не мог сделать карьеры, заключался в том, что Ячменев, как это ни выглядело парадоксально, не искал виновных. Он всегда старался увериться в невинности лиц, подозреваемых в преступлении. Когда он находил всех невинных, виновные обнаруживались сами собой.

И сегодня Георгий Борисович не отступил от своих принципов и пошел искать невинных. Он начал с комендантши, которая обнаружила труп.

Комендантша пила чай в маленькой каморке под лестницей и читала исторический роман, как будто бы ничего не случилось.

— Можно? — спросил следователь, приоткрывая дверь.
— Зачем спрашиваете, — нелюбезно ответила старуха, — когда вы все равно войдете!

— Это верно, — добродушно согласился Ячменев, вошел и, поняв, что приглашения гость не дождался, опустился на плюшевый пуф.

Ячменев отметил про себя, что старуха была крепкого телосложения и отлично могла нанести сокрушительный удар. Второе, что засек следователь, был выдвинутый вперед подбородок, говоривший о решительном характере. Особенно не понравились Ячменеву старухины усы.

Но следователь был верен своим принципам и подхватил антипатию к злобещей хозяйке.

— Книжку отложите, пожалуйста! Как вас зовут?

— Насколько я помню, — съязвила старуха, — мужчина должен представиться первым!

— Извините! Меня зовут Георгием Борисовичем. Я следователь!

— А я вот детективные романы никогда дочитать не могу, второй сорт, знаете ли! Зовут меня Надеждой Дмитриевной.

— Что вы сейчас читаете, Надежда Дмитриевна? — Ячменев попытался втереться в доверие.

— «Узница Шато-Гайяра»! Это из серии «Проклятые короли» Мориса Дрюона. Вы читали?

— Не успел! — сокрушенно повiniлся Георгий Борисович.

— Неинтеллигентная сейчас эпоха, — констатировала комендантша и свысока посоветовала: — Вы все-таки почитайте, автор материал знает хорошо, хотя пишет сухо-вато...

— Обязательно прочту! — пообещал Ячменев и с облегчением подумал, что голос старухи не похож на игривое женское контральто, которое он слышал по телефону. — Скажите, Надежда Дмитриевна, у вас в академии любили Зубарева?

— Человек он был не хуже других, не хам! Правда, теперь все хамы!

— Разве уж все? — слабо возразил Ячменев.

— Все, все... — сказала старуха.

— А труп вы обнаружили в четыре часа?

— Я не смотрела на часы.

— А работаете вы здесь давно?

— С семнадцатого года, когда ваша власть пришла...

Пока все... — Ячменев поджался.

Ну и слава богу! — и Надежда Дмитриевна снова уткнулась в роман.

— Извините, Надежда Дмитриевна, — еще раз оторвал ее от чтения Георгий Борисович, — у меня к вам один интимный вопрос. С этим домом... до семнадцатого года... не связана легенда с призраками, с привидениями, которые бродят по ночам?

Впервые Надежда Дмитриевна поглядела на следователя с интересом.

— Я вас серьезно спрашиваю! — настаивал Георгий Борисович.

— До Катастрофы... — мягко сказала Надежда Дмитриевна, — этот особняк принадлежал моему отцу. И смею вас заверить, у нас не водилось никаких фамильных привидений. Вот у наших приятелей, у князей Белосельских-Белозеровых жило привидение, но такое милое, добродушное... Оно развлекалось тем, что регулярно солило компот...

Ячменев понял, что получил по заслугам. Он любил людей с чувством юмора. Он усмехнулся, поблагодарил Надежду Дмитриевну и покинул каморку.

Часы в вестибюле показывали 8 часов 17 минут. С валялки исчезли обе милицейские шинели и габардиновое пальто доктора. Очевидно, их владельцы закончили осмотр места преступления и укатили вместе с трупом.

Ячменев выглянул в переулочек и сразу увидел, что на телефонной будке красуется неожиданное объявление «Закрото на учет».

Ваня! — позвал помощника Георгий Борисович.

Шалыто выскочил из будки, снял объявление и поспешил на зов.

— Зачем вы повесили этот дурацкий плакат? — строго спросил Ячменев.

— Потому что все время приходят звонить! — стал оправдываться помощник. — Я вынужден освобождать помещение и мокнуть под дождем...

Мимо детективов спешили в академию осиротевшие специалисты по истории культуры. По их лицам Ячменев не мог разобрать — знают они о своем сиротстве или еще нет.

Георгий Борисович вздохнул:

— Эксперт мне ничего не передавал?

— Он сказал, что на телефонной трубке нет никаких отпечатков пальцев. И убийца либо звонил вам из другого телефона, либо, когда звонил, надел перчатки. Либо,

извините, Георгий Борисович, но эксперт просил передать, что вам все это приснилось!

— Поезжайте в лабораторию, Ваня, и скажите, что мне срочно нужна разорванная рукопись в склеенном виде.

Услав помощника, Ячменев зашел в телефонную будку и позвонил домой.

— Это я... — сказал он жене. — Аня встала?.. Слушай, может, ты с ней поговоришь, по-матерински? Пусть они отложат... Ну, хотя бы на месяц... Мало ли что произойдет за этот месяц... Ах, он уже здесь. Что это он притащился в такую рань?.. У меня ничего... Ну, я же сказал, что постараюсь прийти...

Ячменев вернулся в особняк.

В вестибюле, разбившись на кучки, шушукались сотрудники. Их явно взбудоражила сенсационная новость. На вешалке висели мокрые плащи. По ним, как слезы, скатывались крупные капли. Казалось, плащи оплакивали покойника. Кроме плащей, никто не плакал. Ячменев неторопливо поднялся на второй этаж и наконец-то вошел в библиотеку.

Сейчас здесь не было ни души. Ячменев осмотрелся. Казалось, трудно найти более идеальное место для совершения преступления. Настольные лампы создавали располагающий к убийству полумрак. Из лабиринта, который образовывали книжные стеллажи, хищник мог подкрасться к намеченной жертве. Толстый мягкий ковер заглушая стук падающего тела.

Портрет Екатерины Второй работы неизвестного мастера XVIII столетия, старинные гравюры с видами Санкт-Петербурга, акварель Кузьмина из иллюстраций к «Евгению Онегину» и копия с картины Репина «Иван Грозный и сын его Иван», развешанные по стенам библиотеки, увы, не могли поведать подробностей кровавой ночи, хотя они-то все отлично видели. Ячменев сразу заметил, что картина про Ивана Грозного, одетая в тяжелую бронзовую раму, висела криво.

На столе следователя ждали вещественные доказательства, подобранные возле мертвеца. Ячменев уселся на

стул и приступил к исследованию. Начал он с камней. — Подделка, — сразу установил Георгий Борисович, — вырезана не из раковины, а на пластмассе. Работа грубая. Красная цена рублей шесть, ну семь. Принадлежит современной привлекательной женщине, у которой, как это часто бывает, нет денег на настоящие драгоценности.

С другой стороны, — усмехнулся Георгий Борисович, — хозяйка этой камей может быть женщиной некрасивой и носит украшения для того, чтобы улучшить свою внешность. Однако камей могла принадлежать также и мужчине, который намеревался подарить эту безделушку женщине.

Ячменев отложил камей и стал изучать очки. Он их примерил.

— Приблизительно плюс три, — определил следователь, — возрастная дальнозоркость.

Он снял очки и внимательно разглядел оправу:

— Мужская... Однако теперь женщины с удовольствием носят мужские вещи — часы, брюки, свитеры. С тем же успехом они могут носить и мужские очки.

Следующим на очереди был крупный носовой платок в зеленую клетку со следами губной помады.

Принадлежит современному мужчине, — думал Ячменев, — скорее всего женатому. Прежде чем целоваться, он аккуратно стер помаду с женских губ. С другой стороны этот платок мог быть и женской собственностью...

И наконец билет на скорый поезд Москва — Куйбышев. Билет равно мог принадлежать мужчине и женщине, молодому человеку и пожилому, убийце и невиновному. Железнодорожный билет недвусмысленно рассказал Ячменеву, что кто-то собирался сегодня уехать в Куйбышев и неизвестно зачем.

Последнее вещественное доказательство — авоська с кефиром и ветчиннорубленой колбасой... исчезла!

— Эти предметы, — посмеивался Ячменев, — могли быть здесь забыты до убийства, во время убийства и после убийства. Их могли здесь оставить как убийцы, так и убитый, а также посторонние лица. Да, не быть мне великим следователем, который уже бы давно обо всем догадался!

Зазвонил телефон. Узнав голос начальника, Ячменев подумал — начинается!

Начальник напомнил Ячменеву, кого убили, какая ответственность легла на ячменевские плечи и что будет с

Ячменевым и с ним, с начальником, если Ячменев быстро не разберется в этом деле.

Георгий Борисович испытывал раздражение и против начальника, и против убийц, и почему-то против убитого тоже.

— Я ценю ваше доверие, — сказал в трубку Ячменев, разыгрывая из себя дурака, — я счастлив, что именно мне поручили вести это сложное дело.

Он едва успел закончить разговор, как дверь приотворилась и в библиотеку заглянул молодой человек с внешностью киногероя из новомодного интеллектуального фильма. Некрасивый, но обаятельный, большегубый, но тонконогий, сутулый, не спортивный, положительный, но отрицательный. У него было маленькое умное лицо породистой обезьяны.

— Входите, входите! — пригласил Ячменев юношу. — Вы здесь что-нибудь потеряли?

— Вы, очевидно, следователь?

Ячменев кивнул:

— Меня зовут Георгием Борисовичем.

— А я Антон Варламов, младший научный сотрудник. Мне нужно взять кое-какие материалы для цекродова.

Ячменев скользнул по Антону ленивым взглядом, взял носовой платок в зеленую клеточку и, затаив дыхание, протянул ему:

— Возьмите. Это ваш.

Антон усмехнулся, коротко поблагодарил и сунул платок в карман.

Ячменев облегченно вздохнул: «Как кто и угадал, что платок принадлежит ему. Все-таки я не полный болван...»

— Платок надо выстирать! — посоветовал следователь. — На нем губная помада!

— Вы очень наблюдательны! — оценил Антон, роясь в письменном столе. — Я непременно воспользуюсь вашим советом.

Отыскав нужные бумаги, младший научный сотрудник направился к выходу.

— Извините меня, пожалуйста, — задержал юношу Ячменев, — мне хотелось бы знать, каким образом ваш носовой платок оказался возле убитого Зубарева?

Антон не выразил ни удивления, ни испуга.

— С удовольствием вам объясню, — дружелюбно начал он, — когда я вошел в библиотеку, была половина первого ночи, и я никак не рассчитывал встретить здесь Зубарева, тем более мертвого. От неожиданности я выронил носовой платок, который держал в руках...

— Звучит весьма убедительно, — насмешливо сказал Ячменев, — мне остается узнать, что вам понадобилось в научной библиотеке в первом часу ночи?

— Я человек холостой! — весело объяснил младший научный сотрудник.

«А я молодец! — подумал Ячменев. — Решил, что владелец платка — женатый».

— Вы хотите сказать, что были здесь с женщиной? — заметил Ячменев, вспоминая при этом, что ему звонили как раз двое — мужчина и женщина.

В библиотеке появилась старуха комендант.

— Антон! — бесцеремонно прервала она допрос. — Вносите десять рублей!

— На что? — удивился Антон.

— На венок!

— Почему так много? Обычно собирают по два рубля.

— Это смотря кто умирает, — философски сказала бывшая дворняжка. — Каждому своя цена!

Возразить было нечего, и Антон нехотя отдал десятку,
— Распишитесь!— Надежда Дмитриевна протянула
ему ведомость.

— Когда я получаю деньги, я допускаю, что должен
расписаться,— Антон покорно поставил подпись,— но поче-
му я должен расписываться, когда отдаю деньги?

— А вдруг я их украду?— и старуха ушла.

— Вернемся к нашему разговору!— предложил Георгий Борисович.

— С кем я здесь был — это мое дело!— заговорил Антон.— Но я облегчу вашу задачу. У меня с Зубаревым сложились отвратительные отношения. Наш шеф придерживался в науке противоположных со мною взглядов. Вернее, он их не имел. Он был беспринципен!

Антон повторил тезис убийцы. Интонация тоже совпала. Ячменев внутренне насторожился.

— Кроме того,— продолжал Антон,— Зубарев забрал мою книгу и собирался выжить меня из академии. Когда вы, товарищ следователь, пожелаете меня арестовать — я и вашим услугам! Я работаю в кабинете номер семь!

— А зачем вы на себя наговариваете?— спросил Ячменев, которому понравился подозрительный молодой человек.

— Лучше это сделать самому, чем ждать, пока это сделают твои друзья! — сказал Антон. — Извините, мне некогда, я должен писать некролог об этом карьере!

— О мертвых дурно не говорят!

— О ком же тогда говорить дурно?— улыбнулся Антон.— О живых опасно, о мертвых неприлично...

После ухода Антона Ячменев некоторое время посидел в задумчивости, а потом, хотя он находился в библиотеке как будто один, спросил:

— Что вы на это скажете, Фомин?

— Этот тип его и убил!— донесся приглушенный голос Зинovieв.

— Вы в каком шкафу?— спросил следователь, пытаясь по направлению голоса сориентироваться.

— Я в четырнадцатом, там, где Тургенев и турецкая литература!

— Зачем вы туда заехали?— устало спросил Ячменев.

— У вас свой метод, Георгий Борисович, а у меня свой! Этот Антон приходил сюда,— помощник продолжал разговаривать из своего тайника,— потому что злодея всегда влечет на место преступления! Выпустите меня от-

суда, Георгий Борисович! Пожалуйста! — добавил он жалобно.

— А почему вы не можете сами вылезти?

— Кто-то меня запер!

— Кто? — поразился Георгий Борисович.

— Кроме вас и Антона, здесь никого не было! — с упреком сказал Фомин.

Ячменев поднялся, отыскал четырнадцатый шкаф и подергал дверцу. Она не поддавалась, а в замочной скважине не было ключа.

— Скажите, Зиновий, — спросил Георгий Борисович, — а вы не заперлись изнутри, ну, для полной конспирации?

— Я знаю, что вы считаете меня дураком! — грустно отозвался помощник.

— Вы преувеличиваете, — любезно сказал Ячменев, взглядываясь в мутное стекло, за которым проглядывали тома Тургенева, а за ними в темноте слабо светились глаза замурованного сыщика. — Я вас вроде бы не запираю. Антон к шкафу не подходил... И авоська с продуктами пропала...

— Она не пропала, — утешил его Фомин. — Я ее за окно выставил, чтобы колбаса не испортилась.

Ячменев отошел от шкафа, достал из-за окна кефир и почти четыреста граммов ветчиннорубленой колбасы.

— Зиновий, вы не хотите поесть? — спросил заботливый начальник. — Эта колбаса пахнет так соблазнительно...

— Я никогда не ем на работе! — гордо ответил Фомин.

— А я, кажется, съем это вещественное доказательство! — признался следователь, который при виде еды ощутил мучительный приступ голода, — все равно колбаса не додержится до суда!

— Приятного аппетита! — в голосе Зиновия прозвучало неодобрение служебному проступку начальника.

«Эта авоська принадлежит женщине, муж которой бывает за границей, — подумал Ячменев, принимаясь за бесплатный

дав трай... авеська иностранного происхождения... С другой стороны, мужчины у нас тоже ходят с авеськами...

Дверь приоткрылась, и в библиотеку скорбно вползла поблекшая женщина, одетая во все зарубежное. Она устала на Ячменева кроткими, коричневыми глазами.

— Почему вы пьете мой кефир и едите колбису, которую я кунила для собаки?

Застыгнутый на месте преступления, Ячменев pokr sneд, а в книжном шкафу Фомин подавил в себе мстительный смех.

— Извините, — пробормотал следователь, давая колбасой, мне очень хотелось есть. Я вам, верну... сегодня же.

Женщина робко присела на краешек стула возле двери и пригорюнилась:

— Беда никогда не приходит одна... Мало того, что убили мужа, мой Атос остался без колбасы...

— Значит, вы жена Зубарева?

— Вдова! — уточнила посетительница.

— Сочувствую вашему горю!

— Да, большое горе... — не стала спорить вдова. — Я рассказывала Атосу, он так плакал... Сверху приходили соседи, спрашивали, что случилось с собакой.

— Собаки часто переживают глубже, чем люди! — заметил Ячменев, внимательно изучая вдову. — Скажите, пожалуйста, как ваша сумка с едой оказалась здесь, в библиотеке?

— Очень просто, — с грустью объяснила вдова, — я приходила сюда за Сергеем Ивановичем где-то в начале первого ночи...

У Ячменева перахватило дыхание, а в духоте книжного шкафа Фомин и без того едва дышал.

Снова помешала допросу Надежда Дмитриевна.

— Мария Никитична! — обратилась она к вдове. — Внесите десять рублей!

— На что?

— На венок! — бесстрастно сообщила комендантша, словно не зная, с кем разговаривает.

— Почему там много? — возмутилась вдова. — Всегда собирают по два рубля! И потом, — спохватилась она, — я ведь пострадавшая! Все-таки мой муж умер, а не чей-нибудь!

— Это верно! — Надежда Дмитриевна не стала оспаривать факты. — Но вы же здесь работаете. Я думаю, будет

справедливо, — пришла она к неожиданным выводам, — сделать вам скидку пятьдесят процентов!

Ячменев только развел руками.

Мария Никитична безропотно внесла пятерку и расписалась в ведомости.

Когда за комендантшей закрылась дверь, Георгий Борисович вернулся к допросу.

— Я подозревала, — начала рассказывать хозяйка Атоса, — что Сергей Иванович наотрезок здесь не один...

— Вы его ревновали? — стараясь быть деликатным, спросил Георгий Борисович.

— Всю жизнь, — призналась вдова. — Но я ни разу не имела доказательств его измены. Когда я вчера сюда зашла и вон в том кресле увидела Сергея Ивановича погибшим, я так огорчилась, что позабыла сумку и вон в слезах побежала к Атосу делиться несчастьем...

— Вы кем работаете?

— Я средний научный сотрудник. Мой профиль — Гёголь, Щедрин и другие. Одним словом, сатира, но ни в каком случае не позже девятнадцатого века.

— Понятно! — сказал Ячменев.

— Можно, я возьму свою авоську? — спросила женщина, убитая горем. — Сергей Иванович привез ее из Новой Зеландии...

— Конечно, — спохватился следователь и с торжеством подумал: «Опять я не промахнулся».

Вдова поднялась, чтобы уйти, но Георгий Борисович задержал ее.

— Какие отношения были у Сергея Ивановича с Антоном Варламовым?

— Он любил его, как младшего брата. Он всех любил. У него было щедрое сердце.

Когда вдова ушла, Фомин сказал из шкафа:

— Она убивала вместе с Антоном! Наверно, у них роман!

— Что-вы! — воскликнул Ячменев, теперь уже без помех доедая собачью колбасу. — Вдова старше Антона лет на двадцать.

— Вы отстали от жизни, Георгий Борисович! — поделился знаниями Зиновий. — Это теперь очень модно, когда кто-то из двоих, женщина или мужчина, старше на двадцать или на тридцать лет. Кстати, вы заметили, что эта особа не переживает смерть мужа, а говорит исключительно о собаке!

Теперь уже Ячменев поделился с помощником тонким пониманием человеческой психологии:

— Люди в трауре часто ведут себя не по правилам. Вы, Зиновий, забываете, что такое подтекст. У этой несчастной женщины текст — это собака, а подтекст — потеря мужа. На подобном приеме строится вся современная литература. Люди думают одно, говорят совершенно другое, а читатель должен догадываться.

— Я тут сейчас листаю Тургенева, — сказал Фомин, — так у него говорят то, что думают. Выпустите меня отсюда, Георгий Борисович, я задыхаюсь от недостатка кислорода.

Ячменев вынул ключ из первого попавшегося шкафа и вставил в замочную скважину дверки, за которой томился Фомин. Через мгновение пленник вылез на волю.

Первыми словами свободного гражданина были:

— Разрешите выйти в туалет?

В тот момент, когда Фомин закрыл за собой дверь, фарфоровая ваза сорвалась со шкафа номер шесть, пролетела в трех миллиметрах от головы следователя, ударилась об пол и перестала существовать как произведение искусства первой половины девятнадцатого столетия.

Ячменев не отскочил, не побледнел, не покрылся испариной. Он спокойно взглянул наверх, потом перевел глаза вниз на осколки цветного фарфора и задумался.

Когда вернулся повеселевший Фомин, Ячменев укоризненно сказал:

— Зачем же так хлопать дверью? Видите, от сотрясения упала ваза. Чуть в меня не угодила!

Фомин мгновенно оценил обстановку:

— Я никогда не хлопаю дверьми. Это невоспитанно. Я их закрываю аккуратно. По-моему, на вас, Георгий Борисович, было совершенно покушение!

— Но в библиотеке никого не было, — возразил Ячменев.

— Откуда вы это знаете? — высказал предположение Фомин. — Может быть, здесь имеется потайной ход? Убийца проник через него, свалил на вас фарфоровую вазу и удрал.

— Может быть, вы и правы... — вдруг согласился Ячменев. — Они ведь меня предупреждали, чтобы я не совался в это дело!

— Между прочим, — Фомин наклонился к самому уху следователя, — в туалете прячется странный субъект. Он весь дрожит, хотя там очень тепло.

— Не уходите отсю-
да! — распорядился сле-
дователь. — Я скоро вернусь.
Но будьте осторожны...

Фомин прислонился
спиной к двери и достал
огнестрельное оружие.

А Георгий Борисович
по дороге в туалет встре-
тил комендантку, которая
все еще бродила с ведо-
мостью.

— Извините, что я вас
отрываю от общественной
работы, но у меня к вам
опять интимный вопрос.
В библиотеку никогда не
существовало потайного
хода?

Надежда Дмитриевна
отодвинулась от следова-
теля на то максимальное
расстояние, которое де-
пускала ширина коридора.
Прежде чем ответить, На-
дежда Дмитриевна вы-

держала паузу, а затем заговорила со всей серьезностью:

— К сожалению, в наш особняк потайного хода не бы-
ло. А вот у наших друзей, у графов Беловежских-Пуцциных
был секретный коридор, который из-под земли вел
прямо в спальню графини. Дело в том, что графиня
находилась в связи со своим кузеном. Когда граф уезжал
в присутствие, кузен, охваченный страстью, по подземно-
му ходу мчался к графине. Между прочим, тоннель Бело-
вежских-Пуцциных был использован при строительстве
горьковского радиуса метрополитена от станции «Бело-
русская» до станции «Динамо».

— Премного благодарен! — весело сказал Георгий Бо-
рисович, который понимал, что второй раз получил по за-
слугам.

— Пожалуйста! — любезно ответила Надежда Дмитри-
евна. — Когда у вас возникнут трудные вопросы, вы обра-
щайтесь ко мне запросто, без стеснений.

И они разошлись, испытывая взаимную симпатию.

Войдя в туалет, следователь увидел у окна высокого

седого человека, одетого в безупречный темный костюм, и белую рубашку и при галстукѣ бантикомъ. Элегантность одежды контрастировала с небритымъ лицомъ.

— Здравствуйте! — сказал Ячменев, направляясь в кабинету.

Небритый фронт пробормотал в ответ что-то невнятное. В дверь постучали.

— Войдите! — разрешил Ячменев.

На пороге туалета возник сияющий Шалыто.

— Георгий Борисович! — начал он докладывать, глядя в спину начальству. — Разрешите вам передать...

— Ну, я вас слушаю! — сказал Ячменев, поворачиваясь к помощнику лицом.

— В лаборатории склеили рукопись! Вот она...

Человек у окна, поняв, что перед ним работники уголовного розыска, рухнул на колени:

— Я не убивал!

Его поведение привело сыщиков в замешательство.

— Встаньте! — попросил Ячменев. — Здесь холодный пол. Вы схватите ревматизм!

— Лучше ревматизм, чем тюрьма! — упирался незнакомец, не поднимаясь с каменных плит. — Товарищ следователь, я не убивал! — повторил он жалобно, и при этом лицо его стало того же фаянсового цвета, что и предметы вокруг.

— Кто вы такой? — спросил Георгий Борисович. В его обширной практике случалось всякое, но еще никто не стоял перед ним на коленях в туалете.

— Ростовский Кирилл Петрович. Я главный хранитель библиотеки, где произошло убийство.

— Встаньте, пожалуйста! — Ячменев испытывал чувство неловкости при виде человека старше себя годами, стоящего в такой ненормальной позе.

— Ни за что! — проявил твердость характера главный хранитель.

— Может быть, ему так нравится? — заступился на Ростовского сердобольный Шалыто. — Может, у него коленки мягкие...

В мужской туалет, нисколько не смущаясь, заглянула Надежда Дмитриевна и, оценив обстановку, сказала:

— Вот времена настали! В уборных людей допрашивают! А я вас везде ищу, Кирилл Петрович, вносите десять рублей!

— На что?

— На венок! — сказал следователь.

— У меня сейчас нет! — заволновался Ростовский. —
Внесите за меня, Надежда Дмитриевна, я вам верну!

— Ладно! — смилостивилась старуха. — Распишитесь!
Не поднимаясь с пола, Ростовский расписался в веде-
мости.

Когда мужчины остались одни, Шалыто передал
рукопись следователю:

— Это про Ивана Грозного. Про то, что он очень пло-
хой. А мы в школе проходили, что он хороший!

— Ваш недостаток, Ваня, — пожурил Ячменев, — что
вы еще не забыли то, чему вас учили в школе!

Но Шалыто не понял намека следователя:

— Одним словом, не рукопись, а научная мура!

При этих словах Ростовский неожиданно вскочил на
ноги:

— Почему же мура? Я все превосходно обособлял!

— Разве это писал ты, а не Зубарев? — удивился Яч-
менев.

— Сразу видно, что вы человек, далекий от науки! —
с укором сказал Ростовский. — Сергей Иванович был слиш-
ком занят, чтобы писать научные труды. Но он, как никто,
чувствовал веяния времени и всегда поворачивал науку,
куда требовалось.

— И он много раз ее поворачивал? — спросил Ячменев.

— Приходилось, — уклончиво ответил Ростовский. —
Вы думаете, легко управлять историей культуры?

— А разве можно управлять историей? — удивился про-
стак Ваня.

— Не только можно, но и нужно. Так считал Сергей
Иванович.

— Пройдемте в библиотеку, — предложил следова-
тель, — поговорим. Здесь неподходящее место.

— Я боюсь мертвецов! — поежился Ростовский.

— Его увезли! — успокоил библиотекаря Шалыто, и все
трое направились в бельэтаж.

— Какие у вас были отношения с убитым? — расспра-
шивал по дороге Георгий Борисович.

— Хозяина и раба! — с достоинством раба отвечал
Кирилл Петрович. — Я писал за него все, даже докторскую
диссертацию.

— Не может быть! — вырвалось у Ячменева.

— Может... — грустно, но убедительно ответил Кирилл
Петрович.

— Где вы были вчера вечером, ну, часов в одиннадцать
или в двенадцать? — вздохнул следователь.

Дома! — без запятой отвечал допрашиваемый. — Я рано лег спать.

Ячменев всегда чувствовал, когда люди врут и с неприязнью взглянул на Ростовского:

— Еще один вопрос. Скажите, пожалуйста, у покойного здесь, в академии, была, ну, как это лучше выразиться... пассива, что ли?

Ростовский оживился и сразу приобрел элегантность. Это было неприятно Ячменеву, на котором любой костюм висел мешком.

— Видите ли, дорогой мой, Сергей Иванович был, как мы говорим, большой ходок...

Ячменев поморщился. Он не терпел пошлости.

— Не так давно у нас появилось интересное создание, — с видимой охотой распространялся главный хранитель, — некто Алла Григорьевна. Учительница литературы. Гото вит у нас диссертацию. Это называется связь науки с производством. Сергей Иванович, как вы понимаете, с удовольствием согласился быть ее научным руководителем. Весьма любопытна тема диссертации: «Свободное время школьников и борьба с ним». Идея заключается в том, чтобы уберечь ребенка от тлетворного влияния улицы и родителей.

Ячменев внутренне содрогнулся, и они вошли в библиотеку, где Фомин все еще стоял на страже.

— В библиотеке ничего существенного не произошло! — с сожалением доложил Зиновий.

Ростовский нервно озирался по сторонам, ему явно было не по себе.

— Возьмите, пожалуйста, ваш билет в город Куйбышев, — равнодушным голосом предложил Ячменев.

Ростовский уставился на следователя, пытаясь что-нибудь прочесть в его непроницаемых глазах.

— Это не мой билет! — пролепетал, наконец, Кирилл Петрович.

— Тогда извините! — просто сказал Ячменев. — Вы можете идти.

И опять подумал про себя: «Я снова угадал. Это его билет. Что это со мной сегодня?»

Ростовский выкатился прочь.

— Этот Ростовский, — веско заговорил Георгий Борисович, — не ночевал дома! Во-первых, он небрит, а такие бреются каждое утро! Во-вторых, билет в Куйбышев может принадлежать только ему, я это чувствую! А в-третьих, он ночевал на Каванском вокзале!

— Как вы это узнали?— хором вскричали помощники.

— От Ростовского пахнет Казанским вокзалом!— сказал следователь. Эту сногшибательную деталь он сообщил без всякой рисовки. — Каждый вокзал пахнет по-своему. Я посвятил этому массу времени. Это мой конек. Казанский пахнет чарджуйской дыней, самаркандскими персиками, алма-атинскими яблоками и мешками. Курский вокзал тоже пахнет фруктами. Но следует различать аромат среднеазиатских и кавказских фруктов. На Курском пахнет виноградом «Изабелла», мандаринами, мимозой и курскими соловьями. Киевский вокзал заставляет вспомнить о вишне, о нежинских малосолевых огурчиках, о деревенском сале и болгарских помидорах. Тогда как Рижский вокзал напоен ароматом копченой салаки и латвийской селедки!

— Ну, а Павелецкий? — робко спросил Шалыто, перед которым открылся доселе незведомый мир.

— Здесь астраханские арбузы и подмосковные грибы. Ведь самые грибные места по Павелецкой дороге. Но легче всего определить запах Ярославского вокзала. Он насквозь пропитан молоком. Белорусский же вокзал пахнет сложно: морожеными датскими курами, люстрами из ГДР и польскими яйцами. Ленинградский вокзал — вокзал интеллигентный. Он тонко, едва уловимо пахнет искусством и историей.

— Ну, а Савеловский?— спросил Фомин, который знал, что в Москве девять вокзалов.

— С Савеловским плохо!— сокрушенно признал Ячнев.— Он не имеет специфического запаха. Именно поэтому возник проект о сносе Савеловского вокзала как бесполезного!

Ревнивые помощники молчали, потрясенные замечательным носом своего наставника.

— Если от этого человека, — пришел в себя Фомин, имея в виду Ростовского, — несет Казанским вокзалом, значит, он тоже замешан в убийстве!

— Не торопитесь с выводами!— одернул прыткого Фомина Георгий Борисович. Он на секунду задумался, затем пошел к выходу и поманил помощников за собой. В коридоре он шепотом отдал Ивану важное приказание:

— Возьмите рукопись, положите в библиотеке на стол, выйдите, закройте дверь на ключ, а ключ спрячьте в карман. Пока меня не будет, пожалуйста, дежурьте в коридоре и никуда не отлучайтесь!

— А что делать мне?— ревниво спросил Фомин.

— Что вам делать, Зиновий? — растерялся Ячменев. — Я не знаю. Может быть, вы сами найдете себе занятие? У вас ведь есть уже собственный метод.

— Значит, вы даете мне полную свободу? — обрадовался Фомин.

— Полная свобода никогда не приводит к добру! — ухмыльнулся следователь. — Я вижу, вы хотите эмигрировать в Ростовским. Пожалуйста, тратьте время зря!

Фомин исчез, а Георгий Борисович направился в кабинет Зубарева.

В кабинете все говорило о незаурядной личности покойного. На шкафу стоял небольшой бюст Зубарева работы известного скульптора. На одной из стен рядом с изображением выдающихся педагогов висел портрет Зубарева работы известного живописца. А на письменном столе, под стеклом, лежал дружеский шарж на Зубарева работы известного карикатуриста. Книжный шкаф был уставлен сочинениями С. И. Зубарева, изданными на разных языках.

На старинной тумбочке возле письменного стола Ячменеву бросился в глаза альбом в сафьяновом переплете. Георгий Борисович взял альбом в руки и перелистал. На вклеенных photographиях был запечатлен академик Зубарев в торжественные минуты: академик Зубарев и Чарльз Спенсер Чаплин, академик Зубарев и наследная принцесса Голландии, академик Зубарев и Пабло Пикассо, акаде-

мик Зубарев и лауреат Нобелевской премии физик Нильс Бор, академик Зубарев и Майя Плисецкая, академик Зубарев и Софи Лорен, академик Зубарев и бык-рекордсмен Кузька.

От фотографий внимание Ячменева отвлекли голоса, которые раздались за стеной.

— Давайте поглядим некролог, Антон Сергеевич! — сказал бархатный баритон.

В детективных романах следователи часто и, разумеется, совершенно случайно подслушивают чужие разговоры. Это просто какой-то рок! На самом деле они не хотят подслушивать, это им глубоко противно. Но у них нет иного выхода.

— «Злодейское убийство вырвало из наших рядов...» — читал Антон.

— Минуточку... — перебил бархатный баритон. — Какое убийство? В наши дни академиков не убивают. Они умирают естественной смертью.

Ячменев уловил в интонации баритона легкую иронию.

— Давайте напишем, — предложил голос, по которому Ячменев узнал Ростовского, — трагически погиб на научном посту...

Баритон опять не согласился.

— Не надо будоражить общественное мнение. Пишите, Кирилл Петрович: наша наука понесла невозвратимую утрату. Скоростижно скончался... нет-нет... есть лучше... Смерть безжалостно вырвала... из наших рядов... выдающегося ученого, академика Зубарева Сергея Ивановича...

— «Он родился, — снова читал Антон, — в 1911 году, в семье лесничего».

Хотя Ячменев не видел лица обладателя баритона, он через стенку почувствовал, что тот покривился:

— Какой еще лесничий? Где вообще находится лес?

— Как где? — не понял Антон. Но Ростовский был подогадливей.

— В деревне!

— Правильно, Кирилл Петрович, — насмешливо продолжал баритон. — Пишите... Родился в таком-то году в бедной крестьянской семье...

— Откуда вы знаете, что в бедной, Юрий Константинович? — возмутился Антон, который был слишком прямолинеен для такого тонкого дела.

Как видно, хозяин баритона Юрий Константинович обладал педагогическим тактом:

— Будет более типично — человек из бедной крестьянской семьи вырос до академика. И надо написать, что в детстве он батрачил... что там еще... пас скот...

— Возил навоз! — вставил Антон.

— Как вам не стыдно, Антон Сергеевич, в такие минуты думать о навозе! — издевательски сказал баритон.

— Я не желаю участвовать в составлении этой липы! — п Ячменев услышал, как хлопнула дверь.

— Не утруждайте себя, Юрий Константинович, я все напишу, как надо! — сказал Ростовский.

Теперь некролог был в надежных руках.

Вспомнив, что давно не звонил домой, Ячменев набрал номер.

Опять подошла жена.

— Ну, что там у вас происходит?.. Как, одевается?.. Сколько нужно времени, чтобы одеться?.. А где мой зять?.. Как, у нее? Они, между прочим, еще не расписаны! И я не допущу!.. Я не говорю никаких глупостей!

Ячменев покинул кабинет в расстроенных чувствах.

Вскоре он ехал в троллейбусе и злился на весь мир:

— Почему преступники совершают свои злодеяния по ночам? Наверно, они делают это нам на зло, чтобы мы не высypались. Трудно им, что ли, убивать днем, когда солнышко светит, когда настроение хорошее, когда у меня законный рабочий день.

Затем Ячменев стал думать о вещах, которые не имеют касательства к делу. Так поступают все детективы в современных криминальных романах. В разгар следствия их мысли заняты черт знает чем. Ячменев не составлял исключения. Он думал о будущем человечества:

— Скоро начнут строить подводные города, потому что земли не хватает. В Японии, говорят, уже приступили к разработке проектов. В этих городах появятся свои преступники. Искать их будет трудно. Кругом вода, следов не видно. Бедные Шалыто и Фомин, придется их заменить на двух одаренных дельфинов. А как же я сам? И меня заметят на дельфина!.. Интересно, что чувствует дельфин, когда его дочь выходит замуж?..

Троллейбус остановился около школы № 1214. Георгий Борисович вынырнул из подводных мыслей.

Спустя несколько минут директор, перепуганный приходом следователя, уже вводил его в 8-й класс «Б», где под видом урока литературы истязали поэта.

Ученики недружно встали.

— Алла Григорьевна, вы позволите, товарищ Ячменев побудет у вас на уроке!— сказал директор и исчез.

Ячменев нашел свободное место в последнем ряду и с усилием впихнул грузное тело за парту.

Возле доски разворачивалась серьезная схватка учительницы с учеником. На его лице застыло скучающее и презрительное выражение.

— Я не согласен...— тянул ученик.

— С чем ты не согласен, Борознин?— переспросила учительница. Она была так хороша, что Ячменев понял убитого Зубарева.

— Я со всем не согласен

— Как тебя понять?

— Извините, но вы все равно не поймете...

— Борознин, садись!— сказала Алла, желая прекратить конфликт при постороннем.

— Просто вы меня при комиссии боитесь спрашивать!— лениво отбrehивался Борознин.

— Ну, говори!— разрешила учительница тоном, не предвещавшим ничего доброго.

— Татьяна вышла замуж за старика Гремина,— забубнил Борознин.— Но продолжала любить Онегина. Разве это красиво — любить одного, а выходить за другого?

— Продолжай, продолжай!— Алла покосилась на Ячменева, который слушал с нескрываемым интересом.

— Когда Евгений наконец-то ее полюбил,— тянул Борознин,— Татьяна по глупости осталась со стариком. А вот любая девчонка из нашего класса в такой ситуации сбежала бы к Онегину, и правильно!

В классе раздался неуместный смех. Это не сдержался Георгий Борисович. Все поглядели на него, он застеснялся и буркнул:

— Простите...

— Вот видишь,— с укором сказала учительница Борознину,— над тобой смеются. Садись!

— А что вы мне поставите?

— Тройку!

Ячменев понял, что Алла не хочет ставить при нем плохую отметку.

— Это меня устраивает!— Борознин аппетитно зевнул и поплелся на место. Он плюхнулся на скамейку рядом со следователем и сказал запросто:

— Обрыдло все!

Педагог постаралась загладить инцидент и вызвала первого ученика. Им оказалась здоровая румяная девушка с

внешностью физкультурницы. Статуи таких физкультурниц с веслом украшают наши парки и стадионы.

Она резво затараторила, и сосед Ячменев прокомментировал:

— По учебнику шпарит... Слово в слово...

Первая учепица рапортовала так быстро, что Ячменев, не успевая улавливать смысла, задремал. Изредка до его сознания доносились отдельные фразы:

— Онегип был оторван от национальной и народной почвы. Растлевающее влияние света еще более удаляло Онегина от народа...

— Онегин вел типичную для золотой молодежи того времени жизнь,— балы, рестораны, прогулки по Невскому, посещение театров. На это ушло у него восемь лет...

— Онегин опять не понял глубины запросов Татьяны...

Девушка перестала передиктовывать учебник, и Ячменев проснулся. Он испуганно огляделся по сторонам: не заметил ли кто-нибудь, что он спал?

— Запишите темы домашних сочинений. Первая. Почему Онегин недостоин Татьяны? Вторая. Что было бы с романом «Евгений Онегип», если бы в нем не было образа Татьяны?

Народ безмолвствовал. Всем было, как говорится, до лампочки.

Прозвенел звонок. Класс мгновенно опустел.

Ячменев остался наедине с учительницей. Он понял, что на уроке не обнаружил ничего преступного, кроме качества преподавания. Он выдернул себя из парты:

— Мне нужно с вами поговорить!

Учительница расценила его слова по-своему и начала оправдываться.

— Вы, пожалуйста, не обращайте внимания на Бородину, Анатолий трудный мальчик. Он пеисправим. У него по каждому поводу есть собственное мнение.

Ячменев молча предъявил служебное удостоверение.

Алла расхохоталась:

— А я-то Сурдинкину вызывала, думала — вы из Школы!

— Благородная у вас профессия,— приступил издали Ячменев,— воспитываете новое поколение...

Но Аллу нельзя было взять голыми руками.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего страшного! — Ячменев поглядел на Аллу рентгеновским взглядом, то есть просматривая ее насквозь.

— Я дагадаиваюсь, что под этим взглядом теряли самообладание многие преступники, но на меня ваш взгляд не действует. Мужчины смотрят на меня и похлепце!

— Я их понимаю!— любезно сказал Ячменев, который разобрался в женской красоте.

— Все-таки признавайтесь, товарищ следователь, зачем вы пришли?

— Скажите, Алла Григорьевна,— спросил Ячменев,— что было бы с романом «Евгений Онегин», если бы в нем не было Татьяны?

— Не задавайте дурацких вопросов!— нервно вскрикнула Алла.

— Если бы не было образа Татьяны, получился бы, наверно, другой роман...— медленно рассуждал Ячменев, становясь похожим на плохого ученика Анатолия Борознина.

— Не я же придумываю глупые темы для сочинений,— стала оправдываться Алла.— Мне их присылают из Школона, а им их присылают из академии. Эту тему, кстати, придумал сам академик Зубарев.

Любой следователь подверг бы Аллу допросу с пристрастием, пытаясь выяснить, не влюблен ли Антон Варламов в Аллу, которая столь непозволительно хороша, и не убил ли Антон Зубарева просто из ревности?

Но вместо всего этого Ячменев достал из кармана камео и протянул учительнице.

— Где вы ее нашли? — изумилась Алла.

Ячменев мысленно поздравил себя с очередной победой.

— Возле убитого Сергея Ивановича Зубарева. Зачем же вы спрашивали меня, что случилось, когда вы все отлично знали?..

— Антон его не убивал!— воскликнула Алла.— Они поссорились раньше. Еще вечером. А когда мы с Антоном зашли в библиотеку в полночь, Антон вдруг заметил мертвого Зубарева. Мы закричали и убежали. Ячменев не прислушивался к то-

му, что говорит Алла. Он слушал, как она говорит. Ее голос по тембру напоминал тот женский голос, который ночью просил убрать труп.

Но Ячменев не дал воли подозрениям. Он никогда не спешил. Он выдумал поговорку: «Семь раз проверь, один раз арестуй!»

Ячменев поднял на Аллу глаза, увидел, что она, разволновавшись, стала еще прекрасней, и понял, что ему нужно немедленно исчезать. Иначе он влюбится при исполнении служебных обязанностей, а это категорически запрещено уставом.

Если Фомин никогда не ел на работе, Ячменев на работе никогда не влюблялся.

В отличие от Ячменева, Фомин подозревал всех. Он знал поговорку, выдуманную следователем, и перефразировал ее на свой лад:

«Лучше семерых арестуй, чем одногопусти!»

Предоставленный сам себе, Фомин проявлял самостоятельность и неусыпно следил за Ростовским. В интуиции Фомин не уступал Ячменеву. Когда Ростовский, закончив некролог, побежал вниз по лестнице, Зиновий сразу догадался, что тот будет звонить жене из телефона-автомата, чтобы избежать ненужных свидетелей. Фомин опередил Ростовского и взобрался на крышу телефонной будки. Он правильно рассчитал, что в состоянии крайнего возбуждения Ростовский не обратит внимания на такую мелочь, как сыщик на крыше. Правда, Фомин не расслышал ни одного слова из того, что говорил Ростовский, но это еще более укрепило подозрения Зиновия.

Когда Кирилл Петрович вышел на улицу и зашагал прочь от академии, Фомин спрыгнул с крыши и пристроился ему в хвост. Фомин следовал за библиотекарем шаг в шаг, дышал ему в затылок и мечтал. Он мечтал о том, чтобы именно Ростовский оказался убийцей Зубарева. Тогда бы лавры раскрытия преступления достались ему — Фомину, а не Георгию Борисовичу, который и так уже весь был в лаврах.

Вскоре Зиновий сообразил, что Ростовский спешит домой. Зиновий заранее запасся адресом хранителя библиотеки. Он обогнал его, поднялся на четвертый этаж и позвонил к нему в квартиру.

Дверь открыла жена Ростовского. Разглядывать ее внешность Зиновию было некогда. Где-то на лестнице уже приближалось сопение Кирилла Петровича.

— Мосгаз! — сказал Фомин, и его впустили на кухню.

— Хорошо, что у вас четырехконфорочная плита! — обрадовался Зиновий.

— Почему? — не поняла жена Ростовского.

— В двухконфорочную я бы не влез! — объяснил Фомина и нырнул в духовку. Целиком он, правда, в ней не поместился, но головы его видно не было.

Жена Ростовского с изумлением посмотрела на то, что торчало из духовки, и сказала восторженно:

— Никогда еще не видела такого добросовестного мастера!

— В нашей конторе иначе нельзя! — донесся из духовки голос Фомина.

Послышался звук открываемого замка, и Ростовский вошел в квартиру...

В это же самое время Ячменев, возвращаясь в академию, обратил внимание на то, что неподалеку расположился магазин «Спортивные товары». Ячменев подумал, что нехорошо прийти во Дворец бракосочетания и не сделать подарок зятю.

Покупая теннисную ракетку, Ячменев, как бы невзначай, спросил у продавщицы, не приобретал ли кто-нибудь вчера железные предметы вроде ядра, молота, диска или гантелей? Продавщица вспомнила, что действительно вчера перед самым закрытием взволнованный молодой человек купил гантели и произнес при этом загадочную фразу:

— Если такой штукой дать по голове — головы не будет!

По описанию внешности покупателя Георгий Борисович распознал Антона.

Следователь взял ракетку и направился к выходу. А может быть, эта ракетка была только предлогом для захода в магазин. Ведь следователи никого не посвящают в свои планы, порою даже самих себя.

За время отсутствия Ячменева вестибюль академии преобразился. Теперь в центре его висел огромный портрет в траурной рамке, а под ним высилась гора цветов. Георгий Борисович поднялся на второй этаж, взял у Шалыто ключ, отпер дверь и вошел в библиотеку.

РУКОПИСЬ СНОВА БЫЛА РАЗОРВАНА!

Теперь паркет был усыпан не только осколками фарфора, но и обрывками бумаги.

— Сюда никто не заходил! — стал оправдываться Шалыто. Он был ошеломлен случившимся. — Я никуда не отлучался из коридора. Я только сбегал вниз и купил в бу-

фете булочку с кремом, Я отсутствовал ровно два с половиной минуты. Но ключ был у меня с собой.

— Надо узнать, — посоветовал Георгий Борисович, — не подходят ли к библиотечной двери другие ключи?

Детективы отправились на поиск и вскоре выяснили, что годится только один ключ — от чердака.

— Давайте проведем следственный эксперимент! — предложил Ваня —

Я возьму ключ от чердака, промчусь к библиотеке, отпру дверь, порву какую-нибудь бумагу и снова запру дверь. Проверим, можно ли уложиться в две с половиной минуты?

— Незачем бежать от чердака. Можно спрятаться где-то неподалеку и ждать, пока вы пойдете за булочкой с кремом. Булочка-то хоть была свежей?

— Булочка была вкусная... — ответил Шалыто, сдерживая слезы.

— Значит, им нужно уничтожить рукопись про Ивана Грозного! — вслух размышлял Ячменев. — Они делают это второй раз... Почему они ее рвут, а не уносят с собой?

— Убийцы хотят отвлечь наше внимание и повести по ложному пути, — сказал Ваня. — Чтобы мы думали, будто все дело в рукописи.

Следователь достал из кармана пятнадцать копеек и отослал Шалыто, чтоб он не мешал ему своими рассуждениями.

— Будьте добры, сходите в буфет и принесите мне тоже булочку с кремом!

Пока помощник выполнял задание, Ячменев думал. С ним это случилось. Он не решался войти в библиотеку. Ему не нравилось, когда рядом с головой подадут вазы. О чем думал следователь — секрет. А выдавать секреты некрайне сиво.

Когда Шалыто вернулся с булочкой, Ячменев недовольно пробурчал:

— Теперь придется искать проклятые гантели, которые Антону вздумалось купить именно вчера.

— Вы думаете, что Антон убил Зубарева гантелями? — ахнул Иван.

— В этом я не уверен. Но найти их надо! Как вы будете вести поиск?

— Скоро будет обеденный перерыв, и Антон уйдет в буфет. Это, конечно, не очень порядочно, но я пороюсь в его рабочем кабинете. Если там гантелей не окажется, обшарю помойку. Если там их тоже нету, надо будет вызвать водолазов и прочесать дно Москвы-реки. Преступники обожают выбрасывать в реку то, чем они убивают.

— У вас большое будущее! — с сарказмом сказал следователь. — Одолжите мне, пожалуйста, ваш пистолет!

Дело в том, что Ячменев обычно не носил при себе оружие

Положив пистолет в задний карман брюк, Георгий Борисович приоткрыл дверь и нерешительно протиснулся в библиотеку.

Там все оставалось по-прежнему. Ячменев осторожно присел на корточки и, поглядывая по сторонам, начал собирать обрывки рукописи.

И в это время в библиотеке, где вроде бы, кроме Ячменева, никого не было, раздалось внятное, негромкое, но зловещее:

— Хи-хи-хи!

Ужас мгновенно поднял следователя на ноги.

Размахивая пистолетом, он стал описывать вдоль стен эксцентрические круги, надеясь убить пересмешника.

— Выходи! Стрелять буду! — кричал Ячменев.

Однако никто не появился. Наверное, не хотел, чтобы в него стреляли.

С неожиданной для его грузного тела скоростью, Ячменев метнулся к двери и рванул ее на себя.

За дверью стоял представительный мужчина выше среднего роста и выше средней унитанности. У него был огромный лоб, потому что волосы отступили назад на заранее приготовленные позиции. Мужчина близоруко щурился, но, разглядев следователя, который вращал смертоносным оружием, со-

вершил естественную попытку пуститься наутек. Ячменев успел схватить его за руку и втащил в библиотеку.

— Ваша фамилия?

— Спрячьте оружие, здесь не полигон! — возмутился неизвестный. — Выпустите мою руку! Как вы себя ведете? Кто вы такой?

— Я следователь! — по бархатному баритону Ячменев узнал Юрия Константиновича.

— Предъявите документы! — потребовал человек, которому следователь угрожал оружием.

Ячменев не уважал тех, кто доверяет документам. Он предпочитал доверять людям. В своих кругах он слыл крупным физиономистом и знатоком души. Коллеги Ячменева знали, что он не просит преступников предъявлять характеристики с места работы. Ячменев любил повторять, что исправные документы и безупречные анкетные данные не являются гарантией порядочности.

Георгий Борисович достал из внутреннего кармана служебное удостоверение и показал мужчине, которого подвыврал в хихиканье.

Юрий Константинович брезгливо взял удостоверение и попытался прочесть, что в нем написано. Но видно было, что он не привык читать без очков.

— Я вам помогу! — вкрадчиво сказал Георгий Борисович. — Вот ваши очки, которые вы забыли возле трупа... Если не ошибаюсь, вы Юрий Константинович Кузнецов, доктор школьных наук и первый заместитель Зубарева?

— Да, — ответил Кузнецов, — я — большой ученый.

Ячменев насмешливо поклонился:

— А я великий следователь — Георгий Борисович Ячменев.

Это подействовало. Кузнецов посмотрел на него, как на равного:

— Видите ли, Георгий Борисович, мыслителям свойственно быть рассеянным. Этот литературный штамп прочно перекочевал в жизнь. Не будешь рассеянным, не будешь держать за ученого, — улыбнулся он. — Вот я и теряю очки в неподходящих местах.

— Извините, пожалуйста, — продолжал ехидничать Ячменев, — что вы делали в библиотеке прошедшей ночью, перед тем как потерять очки?

Кузнецов вальяжно расселся в кресле, в котором накануне закончил жизненный путь академик:

— Вчера мне пришла в голову талантливая концепция. Со мной это бывает. Я поделился идеей с друзьями, кото-

рые специально приходят ко мне домой слушать мои сочинения. Поверьте, они были потрясены. Они плакали. Я понял, что потомки не простят мне, если я не запишу эту гениальную гипотезу. Это, конечно, шутка, — обаятельно разъяснил Кузнецов. — Но в каждой шутке есть доля истины. Итак, мне понадобились кое-какие материалы, которые хранятся в нашей библиотеке. Читатели моего дарования проводили меня до дверей академии. Я распрощался с ними, поднялся по лестнице, вошел в библиотеку и увидел убитого Сергея Ивановича!

— Что это была за концепция? — Возможно, Ячменеву хотелось приобщиться к научному творчеству.

— Смерть Сергея Ивановича, — стал сокрушаться Кузнецов, — настолько все во мне перевернула, что я начисто забыл свою уникальную концепцию. Этого я никогда убийце не прощу!

— Но вы можете узнать ее содержание у ваших читателей! — подсказал Ячменев.

Кузнецов просиял:

— Это грандиозно! Мне бы подобный примитивный ход ни за что не пришел на ум. Меня всегда посещает что-то экстраординарное! Спасибо вам за услугу, Георгий Борисович!

— Услуга за услугу, Юрий Константинович. Похихикайте, пожалуйста!

— Что?

— Ну, сделайте так — хи-хи...

— Пожалуйста! — Юрий Константинович пожал плечами. — Хи-хи...

Его хихиканье явно расстроило Ячменева:

— Вы, Юрий Константинович, сделали это совсем не так, как мне бы хотелось!

— Что вы, собственно говоря, имеете в виду? — озадаченно спросил ученый.

— Мне надо переступить грань реального, — туманно заговорил Ячменев. Когда следователи говорят туманно, они подразумевают самое главное. — Надо поверить в то, во что ни один человек не поверит!

— Вы, наверно, устали! Хотите, я покажу вас приятелю, он хороший невропатолог.

— Я вас попрошу, покажите! — согласился Георгий Борисович, чувствуя, что зайти к невропатологу уже пора.

— Разрешите? — в дверь просунулась энергичная голова Фомина.

— Одну минуту, я занят!

— Но я нашел убийцу! — воскликнул Зиновий в полной уверенности, что следователь прижмет его к груди и расцелует. Но шеф оказался не на высоте.

— Прекрасно! — сказал Ячменев. — Тогда тем более обождите!

Фомин присел возле двери с видом собаки, которую незаслуженно обидел хозяин. На Зиновия нельзя было глядеть без боли в сердце.

— Может быть, вы его выслушаете? — вмешался Кузнецов. — Все-таки он говорит, что нашел убийцу!

— Мало ли кто что говорит! — Ячменев был безжалостен.

Но продолжить разговор с Кузнецовым Георгию Борисовичу все равно не удалось. В библиотеку влетел Антон в растрепанных чувствах:

— Юрий Константинович, я хочу вам сказать, что протестую решительным образом! И не только я!

— Что случилось, Антон Сергеевич? — Кузнецов не любил шума. — Вы успокойтесь, сядьте!

— Ну, некролог ладно... Хотя и это было уже слишком. Но вы же на этом не остановились! Вы заказали передачу по телевидению, связались с кинохроникой, вы создаете комиссию по творческому наследию этого...

— Антон Сергеевич, нехорошо! — остановил его Кузнецов.

— Вы ходатайствуете о присвоении школе № 1214 имени Зубарева и даже наш милый переулочек хотите назвать Зубаревским!

— Извините, — вмешался Ячменев. — Антон Сергеевич, где гантели, которые вы вчера купили?

— Я их вчера же забыл в метро! — отмахнулся Антон и снова перешел в атаку. — Да, кандидатская диссертация была у Зубарева талантливая, я ее читал. Он мог, без сомнения, вырасти в крупного ученого, но предпочел стать конъюнктурщиком, пускать пыль в глаза, начал везде представлять...

— В ваших рассуждениях, Антон Сергеевич, — мягко прервал Кузнецов, — есть некоторая доля истины. Конечно, Сергей Иванович не совсем соответствовал той высоте, на которую его вознесла волна. Но для будущего нашей академии важно поднять значение Зубарева.

— Для будущего нашей академии самое важное правда! И так думает большинство сотрудников! — пылко произнес Антон и, махнув рукой, вышел из библиотеки.

— Простите, пожалуйста, Георгий Борисович! — пови-

нился Кузнецов. — Аптон человек молодой, горячий, необузданный, но в нем много хорошего. Лично мне глубоко симпатична его принципиальность! Ее нам зачастую не хватает...

Когда большой ученый степенно удалился, Ячменев сказал Фомину с некоторой досадой:

— Ваша энергия, Зиновий, меня доконает!

— Вот вы относитесь ко мне иронически, — приступил к докладу Фомин, расценивая поведение следователя как зависть, — а мой Ростовский был в библиотеке прошлой ночью! Я сам слышал, как он говорил об этом жене.

— Ну и что? — спросил Ячменев.

— Значит, он убил!

— Это он тоже говорил жене?

— Нет, этого он, к сожалению, не говорил. Он сказал, что зашел в библиотеку, увидел покойного, испугался и убежал действительно на Казанский вокзал.

— А вы выяснили, почему он не ночевал дома?

— Его жена выгнала! — сообщил дотошный Фомин. — За то, что он проиграл зарплату на бегах. Раз он на бегах играет, он человек азартный и убить другого ему пара пуштыков!

— Я склоняюсь перед вашей железной логикой!

— Значит, я могу просить у прокурора постановление на арест Ростовского? — обрадовался Зиновий.

— Нет! — охладил его пыл Георгий Борисович. — Потому что вы находитесь сейчас в состоянии азарта, а как вы сами недавно заметили — это очень опасно!

В библиотеку, потупив глаза, вошел Шалыто:

— Не сердитесь на меня, Георгий Борисович, но этих паптелей нигде нет — ни в кабинете, ни на помойке! Можно, я схожу в баню, а то я весь испачкался?

— Чистоплотность в нашей работе — это самое главное! — назидательно сказал следователь, и помощник ушел мыться.

В дни розыска у Ячменева особенно остро были развиты чувства. В эти дни его внимание привлекало все, что привлекает внимание, и даже то, что внимания не привлекает. Георгий Борисович заметил, что копия с картины Репина «Иван Грозный и сын его Иван» до сих пор висит криво.

— Давайте поправим картину, Зиновий! — попросил Ячменев. — Самое главное в нашей работе — это порядок!

— Но какое значение для следствия имеет то, что картина висит криво? — воспротивился Фомин.

— Самое главное в нашей работе, — веселился следователь, продолжая сыпать афоризмами, — не проходить мимо того, что не имеет никакого отношения к следствию!

Фомин послушался, и вдвоем они водворили картину на место.

— Что мне теперь прикажете делать? — спросил Фомин вызывающе. Ему не терпелось арестовать Ростовского.

Но следователь попытался направить энергию подчиненного в другое русло:

— Соберите обрывки рукописи и слетайте к эксперту, чтобы их опять склеили!

Уходя, разочарованный Зиновий демонстративно хлопнул дверью, чего он в обычном состоянии не делал.

Тотчас за спиной следователя раздался легкий сухой треск. Ячменев порывисто обернулся и увидал, что портрет Екатерины Второй висит на стене вниз головой и покачивается.

Любой детектив на месте Ячменева, копечпо, решил бы, что портрет сорвался с гвоздя, так как Фомин сильно хлопнул дверью. Но у Георгия Борисовича имелись теперь на этот счет кое-какие сомнения. Пока он держал их при себе. Ячменев приблизился к портрету и вернул его в исходное положение. На потемневшем холсте была изображена русская императрица в расцвете царственной красоты. Ее немигающие глаза, написанные виртуозной кистью неизвестного мастера, с вожделением смотрели на Ячменева. Ему стало неловко, он застеснялся и поспешно ретировался из библиотеки, не забыв запереть ее на ключ.

Георгий Борисович спустился по лестнице в вестибюль и вошел в каморку комендантши с виноватым видом:

— Извините, Надежда Дмитриевна, у меня к вам опять деликатный вопрос!

— Я готова ко всему! — бодро ответила старуха.

— Скажите, пожалуйста, с этим домом не связана какая-нибудь старинная легенда?

— Связана! — не моргнув глазом, сказала дворянка. — Мой пра-пра-прадед был любовником Екатерины Второй!

Надежда Дмитриевна не заметила, что следователь несколько изменился в лице.

— Предание гласит, — увлеченно продолжала хулиганствующая старуха, — что Екатерина подарила этот дом моему пра-пра-прадеду за то, что он был хорош в любви. Может быть, вы и не знаете, но императрица жила в Петербурге. Когда она бывала в Москве, то тайно, чтобы не узнали остальные фавориты, она прибывала на свидание

в этот особняк. Утром пра-пра-прадед подсаживал ее в карету. Екатерина возвращалась во дворец вершить государственные дела. Кстати, ее портрет, который висит в библиотеке, писал крепостной художник моего предка...

— Достаточно! Спасибо! — остановил Ячменев и, подхватив озорную интонацию, улыбнулся: — Теперь мне остается вызвать на допрос Екатерину и проверить, правда ли то, что вы рассказываете?

— Не забудьте передать ее величеству, — попросила Надежда Дмитриевна, — мой верноподданный привет!

— Разумеется, не забуду! — пообещал Ячменев.

Они расстались почти друзьями.

Ячменев взглянул на часы и с ужасом обнаружил, что уже четверть четвертого. Он выбежал в переулочек и замахал руками, надеясь остановить машину. Такси, конечно, не было. Наконец какой-то водитель подбросил Георгия Борисовича ко Дворцу бракосочетания на казенной машине. Это обошлось блюстителю закона в один рубль.

Ячменев, как и предполагал, приехал последним. Но ему повезло — все еще толпились в фойе. Он увидел дочь в белом венчалном платье и пошел к ней навстречу. У Ячменева защемило сердце, а на глазах навернулись слезы. Он подумал о том, что ни к чему было заниматься сегодня расследованием, что теннисную ракетку он позабыл в библиотеке, что он не успел заехать домой переодеться и не купил цветов, и что парадный костюм и цветы — все это чепуха, главное, что Аня счастлива. Он подошел к ней и расцеловал, и расцеловал жениха тоже, и поверил, что жених — прекрасный парень, и полюбил его, как сына. Тут заиграла торжественная музыка. Все, как дети, разбились на пары. Ячменев медленно шел под руку с женой, впереди их выступали молодые, и в Ячменева тоже пела музыка, и он поцеловал жену, и пробормотал ей что-то о том, как хорошо...

А когда приятная немолодая женщина стала поздравлять новобрачных, Ячменев, не сказав никому ни слова, повернулся и молча зашагал к выходу.

Дело в том, что именно в этот неподходящий момент он понял, кто совершил убийство!

Это неувядающая традиция! Следователи прозревают именно тогда, когда это грозит им разрушением личного счастья, служебными неприятностями или чем-нибудь в том же роде. В нормальное время озарение их не посещает.

В академии следователя дожидался Фомин, который вручил ему вторично реставрированную рукопись.

— Теперь, Зиновий, — сказал Ячменев, — я даю вам особое поручение, которое потребует от вас полного напряжения сил. Пойдите в исторический архив, перелистайте его и проверьте, нет ли там дарственной императрицы Екатерины Второй па особняк, в котором мы с вами находимся...

Больше Зиновий Фомин на страницах повести не появится! Поиск исторического документа окажется настолько сложным, что Фомин безвылазно просидит в архиве два года. За этот короткий для истории отрезок времени Зиновий Петрович станет крупнейшим специалистом по екатерининской эпохе, бросит уголовный розыск, защитит кандидатскую диссертацию и поступит на службу в Академию школьных наук. Он разыщет дарственную Екатерины на особняк и напишет правдивую повесть об истории дома № 18 по Зубаревскому переулку. В этой повести он вспомнит грехи молодости и подробно опишет, как Ячменев не смог разыскать убийц Сергея Ивановича Зубарева.

Избавившись от Фомина, Ячменев решил, наконец, прочесть пресловутую рукопись. Он не нашел ничего лучшего, как уединиться для этого в библиотеке. Легкомыслие ему дорого обошлось. Он бесследно исчез. Его как ветром сдуло, как языком слизало, он как в воду канул, как сквозь землю провалился...

...Затем прошло двадцать страниц. Этих страниц в повести нет. Они вычеркнуты рукой редактора. Редактор веско разъяснил авторам, что эти двадцать страниц тормозят действие и никому, кроме самих авторов, неинтересны!

На этих двадцати страницах вкратце происходило вот что.

Первое: Ячменев так и не нашелся. Правда, его никто и не искал, — Фомин был в архиве, а Шалыто — в бане.

Второе: Антон и Алла встретились в библиотеке. Несмотря на угрозу, которая нависла над их свободой, они целовались.

Третье: о Ячмене не было ни слуху ни духу.

Четвертое: вдова Зубарева сдавала в ремонт импортный электрический утюг.

Через двадцать вычеркнутых страниц в библиотеку вернулся из бани розовый Шалыто. В руке он держал утюг, от которого недавно избавилась вдова.

В библиотеке никого не было.

Шалыто встревожился и начал искать следователя.

Иван искал долго: залез на крышу и спустился в под-

бал, заглядывал в кабинеты, всех расспрашивал, но никто не видел Ячменева. Затем помощник вернулся в библиотеку и безутешно заплакал, прислонившись плечом к картине «Иван Грозный и сын его Иван». Шалыто хотел было позвонить в угрозыск и попросить поискать гражданина Ячменева Георгия Борисовича, но вовремя вспомнил, что он сам там служит.

Вдруг за картиной, в узком и пыльном пространстве между стеной и обратной стороной холста, Иван обнаружил начальника: Ячменев лежал, связанный по рукам и ногам, а изо рта шефа торчал кляп!

Горе надломило преданного помощника. Он знал, что Ячменев не такой человек, чтобы сдаться в плен живым. Совершенно ясно, что Георгия Борисовича сначала убили, а потом уже связали. Иван хотел произнести надгробную речь, но не было слушателей.

От обморока его спасла наблюдательность, которой он заслуженно славился. Он заметил, что покойник слегка шевелит левой ногой.

— Ура! — заорал Ваня, отбросил утюг в сторону и стал вынимать Георгия Борисовича из-за картины. Ячменев оказался тяжел. Шалыто, чуть не уронив его на пол, с трудом дотащил следователя до кресла, усадил и снял путы. Кляп изо рта вынул сам следователь, когда у него освободились руки.

— Что случилось? — спросил Шалыто с любопытством и сочувствием.

— Никогда не спите на работе! — скорбно сказал Ячменев, едва ворочая языком. — Вот я вздремнул над рукописью, а они подкрались ко мне и, прежде чем я открыл глаза, связали мне руки и ноги, заткнули рот этой самой рукописью и засунули меня за картину. Разглядеть их я не сумел. Вечер. А они потушили свет.

— Но вы знаете, кто они? — затаил дыхание Иван.

— Знаю, — ответил Ячменев. Его взгляд остановился на акварели Кузьмина к роману Пушкина «Евгений Онегин». На этой акварели прежде был изображен Онегин на берегу Невы. Пейзаж остался, Онегин исчез!

Ячменев перевел затравленный взгляд на старинную гравюру Санкт-Петербурга. Там на фоне Михайловского дворца... появился Онегин, которого раньше на гравюре не было вовсе.

— Ваня! — заговорил следователь, приходя в себя. — Я даю вам сейчас важное поручение. Оно потребует от вас мобилизации всех сил. Пойдите в литературный архив,

перелистайте его и установите, любил ли Онегин гулять у Михайловского дворца...

Когда Шалыто уже собрался уходить, следовательно задержал его:

— Что это за утюг?

Помощник обрадовался, что следователь обратил внимание на добытую им улику:

— По дороге в баню я увидел, что вдова Зубарева сдает в ремонт электрический утюг. Обратите внимание, она делает это в день смерти мужа. Я конфисковал утюг и отнес эксперту. Пока я мылся, эксперт обнаружил на нем следы крови убитого. Вдова, наверно, из ревности, ударила мужа утюгом и убила его.

— Идите в архив! — послал его следователь.

И Шалыто ушел...

Так же, как и Фомин, он не появится больше на страницах повести. Два года проведет Иван Ефремович в стенах архива, установит, что Евгений любил гулять у Михайловского дворца, станет крупнейшим специалистом по Онегину, защитит диссертацию и поступит на работу в Академию школьных наук.

Дело об убийстве в библиотеке обойдется Ячменеву потерей двух помощников. Ячменева утешит лишь мысль о том, что эти светлые умы, работая рука об руку, двигают вперед школьную науку.

После безвозвратного ухода Шалыто следователь в последний раз проверил логические выводы. Со стороны может показаться, что в действиях Георгия Борисовича отсутствовала какая бы то ни было логика, но это лишь на поверхностный взгляд. На самом деле им руководили безошибочное чутье, знание человеческой психологии, умение поставить себя на место как жертвы, так и убийцы. И вообще умение поставить себя на место.

Любой следователь раньше всего обратил бы внимание на то, что несколько сотрудников академии побывали в библиотеке страшной ночью. Но Ячменева это не смутило. Опыт убеждал его, что на месте преступления всегда оказываются застигнутыми врасплох невинные, а преступники на место преступления не заходят. Им там делать нечего.

Любой следователь мог бы сделать умозаключение, что убили Зубарева дружным коллективом. Но Ячменев знал, что коллектив никогда не убивает физически.

Отказавшись от версии коллективного убийства, любой следователь мог бы заподозрить каждого сотрудника академии в отдельности.

Например, Антон. Он просто просится за решетку. Ведь у него были все основания уничтожить Зубарева. Они ненавидели друг друга. Антон был повагор, Зубарев — консерватор. Как и положено, они любили одну и ту же женщину. В день убийства Антон купил гантели, а потом, по его словам, потерял их в метро. Но Ячменев понимал, что Антон купил гантели, чтоб развивать мускулатуру, что улики против Антона чересчур очевидны и именно поэтому не годятся.

Любой следователь мог бы привлечь Аллу, поскольку неизвестно, при каких обстоятельствах Алла забыла возле трупа брошку. Может, она убила Зубарева в порядке самообороны? Но Ячменев испытывал к Алле, если не влечение, то во всяком случае симпатию, а к преступникам он никогда симпатии не испытывал.

Любой следователь мог бы обвинить в убийстве Юрия Константиновича Кузнецова. К этому были все основания. Он был заместителем Зубарева и метил на его место. Но Ячменев знал, что в наши дни заместители не проламывают головы своим начальникам, а действуют иными, более тонкими методами.

После истории с утюгом свобода вдовы повисла бы на волоске, но только при другом следователе. Ячменев легко догадался, что Зубарев брился безопасной бритвой, поре-

зался, капли крови попали на рубашку, ее плохо выстирали, и, когда рубашку гладили, кровь перешла на утюг, где ее обнаружил эксперт.

Любой следователь мог потребовать изоляции от общества Ростовского. Во-первых, он главный хранитель библиотеки и отвечает за то, что в ней происходит. Во-вторых, Ростовский, в отличие от сослуживцев, все время врал и не мог толком объяснить, зачем приходил в библиотеку в ночь убийства. Но Ячменев знал, что у Ростовского в 49-м томе Большой советской энциклопедии лежит записка. Так называются деньги, которые мужья утаивают от бдительных жен. Кроме того, Ростовский не должен отвечать за то, что происходит во вверенной ему библиотеке. Если все руководители станут отвечать за то, что делается в их учреждениях, это добром не кончится.

Оставалась старуха комендантша со своим сомнительным происхождением и сомнительными шутками. Одного этого было достаточно, чтобы возбудить против нее дело. Кроме того, Зубарев был убит между одиннадцатью и двенадцатью ночи, а старуха позвонила в милицию только в четыре часа утра. Правда, остальные сотрудники академии вообще не звонили в милицию, но они ведь не были комендантами!

Любому следователю показалось бы смехотворным заявление Надежды Дмитриевны о том, что она не позвонила сразу, потому что не могла оторваться от интересной книги. Но Ячменев старуху понимал. На ее месте он тоже бы не смог бросить книгу, тем более что человека все равно убили, а негодля все равно убежали.

Но самое главное — у Ячменева было развито чутье на все наше, хорошее. Георгий Борисович сердцем чувствовал, что никто из сотрудников академии, несмотря на отдельные личные недостатки, не был способен на уголовное преступление.

Теперь Ячменев думал о Зубареве, и его раздирали противоречия. Сердцем Георгий Борисович чувствовал правоту Антона. Но примириться с мыслью, что Зубарев — элементарный карьерист, Ячменев не мог. Этому противостояло все, что он слышал о Зубареве прежде: его звания, должности, его популярность и даже приятная внешность.

Ох, как трудно свергать кумира в сердце своем!

Тем не менее Зубарев был мертв! С этим фактом нельзя было не считаться! Кто-то ведь его убил. Кто-то звонил Ячменеву домой и рассказал про убийство, назвавшись

привидением. Кто-то мог безобразничать в библиотеке — запереть Фомина в книжном шкафу, швырять вазой, дважды рвать рукопись, хихикать, и наконец, позволить себе неслыханную дерзость: скрутить самого следователя и, как хлам, засунуть за раму. А Онегин, который скачет из одной картины в другую? А портрет Екатерины, который вдруг повисает вниз головой?

Ячменев понимал, что в этом деле нельзя руководствоваться привычными методами реализма. Придется разочек, в порядке исключения, вступить на порочный идеалистический путь. Нелегко ему было сейчас, воспитанному на лучших образцах. Моральный кодекс Ячменева восставал против того, что собирался совершить его хозяин. Но Ячменев приказал своему кодексу помолчать.

— Другого выхода нет! — объяснил Георгий Борисович кодексу. — Надо переступить грань!

И Ячменев переступил!

Он поднялся с кресла, тяжелой поступью приблизился к двери и запер ее. Затем он подошел к выключателю и, собрав волю в кулак, погасил свет.

Старинная хрустальная люстра померкла. Слабый качающийся отсвет уличного фонаря создавал страшное настроение. Под полом скреблись мыши. За окном гудел зловещий ветер, и в доме напротив жалобно скрипели ставни. Где-то гулко пробили часы... Одним словом, все было, как положено!

Переступая грань, Ячменев не представлял себе, как обратиться к тем, кого хотел вызвать из потустороннего мира. Он не знал ни магических слов, ни каббалистических знаков. Он даже фокусов не умел показывать. Он сказал просто, как дети при игре в прятки:

— Выходите, я вас нашел!

И дальше все стало происходить так, как будто в этом не было ничего особенного.

Бронзовая рама картины Репина накренилась, и от холста отделился облезлый старик в домашнем одеянии. Шаркая туфлями, старикан поплелся к креслу, вытирая о полу халата кровавую левую руку. Он расселся поудобнее, потянулся, хрустнул пальцами и сказал, зевая:

— Охо-хо!.. Кости ломит! Должно быть, к дождю...

И Ячменев опознал голос, который он слышал по телефону в ночь убийства.

Портрет Екатерины Второй сорвался с гвоздя и закачался. Из портрета выпорхнула пышная дама бальзаков-

ского возраста, зябко повела наудренными плечами и сказала грустно:

— Припоминаю, служил у меня в лейб-гвардии полку отчаянный поручик Ячменев. Я ему за верную службу деревеньку отписала в Пензенской губернии. Не из тех ли ты Ячменевых, голубчик?

Со старинной гравюры Санкт-Петербурга спрыгнул молодой человек, одетый, как лондонский денди, и обаятельно улыбнулся.

Все, чему учили Ячменева, полетело к чертовой матери! Он не ущипнул себя ни за какое место, не стал тереть глаза, не предпринял попытки сбежать, не покрылся холодным потом. Вместо всего этого он сказал тихо, но внятно:

— Караул!

— Ничего, обвыкнешь! — дружелюбно утешил Иван Грозный.

— Отпустите меня — домой! — неожиданно попросил Ячменев. — У меня сегодня дочь замуж выходит!

Екатерина привычным жестом сняла с пальца перстень и протянула Ячменеву.

— Передай ей наш свадебный подарок!

Перстень сверкал в темноте. Он был усыпан драгоценными камнями. Очевидно, это был очень дорогой перстень. Если бы Ячменев отнес его в скупку, он смог бы на полученные деньги купить дочери кооперативную квартиру.

— Я не могу принять... — засмутился Георгий Борисович. — Понимаете, братъ с подследственных не полагается. Это будет выглядеть как взятка!

— В первый раз вижу такого дурака! — добродушно воскликнула Екатерина и вновь надела драгоценность.

— Пожалуйста, сделайте... ну такое, чтобы я во все это поверил! — взмолился Ячменев.

Грозный наклонился к Екатерине и что-то шепнул на ухо. Императрица подошла к телефону, сняла трубку и набрала номер.

— Алло, — сказала она, — позовите следователя Ячменева... Когда вернется, передайте, что звонила Екатерина Великая!

— Все равно, этого не может быть, — упирался Ячменев.

— Давай перейдем к делу! — распорядился Грозный. — Ты что же, хочешь обвинить нас в убийстве презренного холуя Сережки Зубарева?

Напоминание о Зубареве вернуло Ячменева к реальной действительности.

— Да! — сказал он нетвердо. — Я должен заполнить протокол.

— Валяй! — разрешил Грозный. — Любят у вас бумаги. Грамотные все стали, умники, интеллигенты, критики. Гибнете в бумагах, лес переводите!

Сесть в царском обществе Ячменев не рискнул и приспособился писать стоя.

— Только все это зряшное дело... — отечески усмехнулся Иван Васильевич, — кто тебе поверит, что ты с нами разговаривал, это в ваш-то век науки и техники...

— Поверят! — сказал Ячменев. — Вы подпишете протокол, и экспертиза установит подлинность подписей. Извините, ваша фамилия? — он обратился сначала к даме.

— Романова Екатерина Алексеевна, Вторая, Великая! — отрекомендовалась царица. — В девичестве София-Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская!

— Год рождения? — бестактно спросил следователь и тут же поправился: — Простите! Я хотел сказать, год смерти...

Екатерина вздохнула:

— 1796... Господи, сколько времени прошло... — и посчитала в уме довольно быстро, — сто семьдесят три года...

— Ваша профессия?

— Русская императрица! — удивилась вопросу Екатерина.

Ячменев постепенно смелел.

— Спасибо, ваше величество! — и обернулся к Грозному: — Можно вас побеспокоить?

— Пиши, пиши! — изрек царь-батюшка. — Иван Четвертый, по прозванию Грозный, профессия — великий государь.

Онегин заговорил не без иронии в голосе:

— Со мной посложнее, сударь. Я, в некотором роде, плод фантазии поэта... И профессия у меня... — он задумался и процитировал: — «Дожив без цели, без трудов до двадцати шести годов»... По-сегодняшнему, должно быть, тунядец...

Екатерина захихикала, и Ячменев узнал смех, который испугал его в библиотеке.

— Теперь прошу рассказать мне: как и за что убили вы Сергея Ивановича Зубарева, академика, доктора школьных наук?

— Школьных наук! — Грозный презрительно фыркнул. — Мы, к примеру, в школах не учились, но прекрасно руководили!

— Зубарева мы судили! — спокойно разъяснил Онегин.

— Как — судили? — не понял Георгий Борисович.

— Успокойтесь, судили по вашим правилам! — продолжал Евгений. — Я был судьей, а монархи — народными заседателями!

— Что же вы инкриминировали Зубареву?

— Мы судили его, — сообщил Онегин, — за приспособленчество, беспринципность, карьеризм, за надругательства над литературой.

— И историей! — добавил Грозный.

— Откуда вы знаете эти современные слова? — Ячменев поразился эрудиции призраков.

Онегин пожал плечами.

— В библиотеке живем. Читаем газеты, журналы. Следим за текущими событиями.

— Иногда прогуливаемся по Москве-матушке, — вста-

вил Грозный. — На цивилизацию вашу поглядываем. Шум! Бензин!

— И невоспитанность, — добавила Екатерина.

— Минуточку! — следователь подпрыгнул на месте. — Значит, здесь есть потайной ход?

— Ну, конечно... — Екатерина оживилась, подогретая приятными воспоминаниями... — Этот особнячок я потому подарила своему фавориту, что сюда вел потайной ход, — она понизила голос, — по этому ходу... было очень удобно... ты понимаешь, Ячменев?

Ячменев кивнул, что понимает, и императрица продолжала:

— Между прочим, часть потайного хода была использована при строительстве вашего метро... Иногда мы всем обществом спускаемся смотреть на проходящие поезда...

— Боже мой! Ну, а привидение, которое солит компот, тоже есть, да? — спросил вконец обессиленный следователь, одинаково близкий к тому, чтобы заплакать или бессмысленно запеть.

— Это моя фрейлина Белосельская-Белозерова! — опять развеселилась императрица. — У нее был скандальный роман с этим же фаворитом. Пришлось его заточить в Шлиссельбургскую крепость, а ее высечь и отправить в имение. Теперь на месте этого имения построили кооперативный дом близ метро «Аэропорт». Она там и сейчас живет, в призраках...

— Чуть не забыл, ваше величество, пра-пра-правнучка вашего фаворита Надежда Дмитриевна просила передать вам поклон.

Екатерина милосливо кивнула:

— Шлем ей наше царское расположение.

— А теперь вернемся к главной теме. Вот вы говорили — карьеризм... Приспособленчество... Все это общие слова... Где конкретные доказательства?

Первым вспыхнул Онегин.

— Вы читали когда-нибудь, господин Ячменев, учебник литературы для восьмого класса, тот, где меня проходят? — и принялся запальчиво шарить наизусть: — Я был оторван от национальной и народной почвы... Я вел типичную для золотой молодежи жизнь — балы, рестораны, прогулки по Невскому, посещение театров... Посещение театров — это, оказывается, порок! — В голосе Онегина зазвучали те специфические ноты, с какими в XIX веке вызывали на дуэль. — А темы домашних сочинений. «По-

чему Онегин недост достоин Татыяны?» Это почему же, спрашивается, милостивый государь, я недост достоин?

— Вы вполне достойны! — поспешино согласился Ячменев.

— А меня вообще забыли! — вмешалась Екатерина. — Из учебников, можно сказать, повыкидывали! А я, между прочим, завоевала для вас всесоюзную здравницу Крым.

Ячменев молчал. Ему нечего было возразить.

С кресла величественно поднялся Иван Грозный, направился к книжному шкафу и достал из него книгу:

— Послушай, Ячменев, что Зубарев писал про меня всего двадцать лет назад.

Он отыскал нужное место и начал читать с выражением:

— «Иван Грозный был талантливый и умный человек. Он был хорошо образован, любил и умел писать, обладал тонким и острым умом».

Царь перелистал несколько страниц:

— «Опричнина представляла собой крупный политический сдвиг, учреждение прогрессивное, хотя и в сопровождении известных крайностей». Ну, без крайностей в нашей профессии не бывает! — добавил Грозный с ласковой улыбкой, которая четыреста лет назад заставляла всех трепетать. — А что недавно насочинял про меня этот мерзавец? Ты читал рукопись?

Ячменев кивнул.

— И тиран я, и маньяк, и убийца! — царь был явно обижен. — И хунвейбины мои, то есть опричники, отрицательное явление...

Ячменев посмотрел Грозному в лицо и несгибаемо заявил:

— Так ведь это правда!

Екатерина оценила мужество Ячменева:

— Жорж, ты мне нравишься. Никогда не думала, что мне может понравиться простой советский человек!

Грозный вздохнул и снисходительно растолковал:

— Сразу чувствуется, что ты не руководил государством! Разве народу нужно говорить правду? Народ может ее неверно понять!

— У вас вредная точка зрения! — бросился в схватку Ячменев. — Чисто царская!

— Ты должен понять государя, Ячменев! — поддержала коллегу Екатерина. — Твой Зубарев писал то одно, то прямо противоположное. Где его принципиальность историка?

— В этом я не могу с вами не согласиться, ваше величество! — вздохнул Ячменев. — Но нельзя же за это убивать!

— Надо! — кротко возразил Иван Четвертый. — Поверь моему богатому опыту. Ничто так не сплачивает вокруг тебя, как убийства! Уцелевшие очень тебя любят!

Ячменев захлебнулся от ярости.

— Вы... Вы... Вы бандит, ваше царское величество! Екатерина и Онегин обмерли. Они знали, что Грозный не прощал оскорблений.

Но царь тепло улыбнулся смельчаку и сказал сочувственно:

— Испортили тебя, Ячменев. Посмел бы ты так разговаривать со мной раньше. Пораспускались вы... Авторитетов не признаете... Мнения собственные заимели...

— Положим, Зубарев собственных мнений не имел! — Ячменев не заметил, что говорит словами Антона.

— Имел! — хитро прищурился самодержец. — В глубине души он меня любил. Ему нравились мои методы. Он был сторонником крепкой руки. Он был искренен, когда меня восхвалял. А сейчас он меня предал... А предателей я не терплю! Как я вчера вспомнил про все это — горько мне стало. И я погорячился. — Он взглянул на Ячменева, как на обреченного, — и сейчас я тоже погорячусь!

Самодержец неторопливо шагнул к картине и вынул из нее посох, которым он 388 лет назад убил сына Ивана, а вчера прикончил академика.

— Государь, не надо кровопролития! — вскричал Онегин. Накануне он тоже был против убийства, но не сумел обуздать гнев властителя.

— Молись, Ячменев! — приказала Екатерина, в которой выиграло классовое императорское чувство.

Но в Ячменеве тоже выиграло классовое чувство.

— Георгий Борпсович, спасайтесь! — закричал Онегин. Царь уже надвигался на Ячменева с посохом наперевес. Стрелять в призрак было безнадежным занятием.

— Я буду не первой жертвой царизма! — гордо произнес Ячменев.

— Ну, если тебе от этого легче, — Грозный замахнулся и ударил следователя посохом по голове...

Ячменев очнулся на полу. На лбу надулась шишка. Он потрогал ее рукой.

По законам жанра в библиотеке не должно было никого быть, и Ячменеву следовало решить, что ему все это померещилось.

Но вопреки правилам, над ним склонился призрак и заботливо поливал ему голову водой из графина.

— Значит, это правда! — прошептал Ячмев.

— Я так рад, что вы живы! — Онегин помог ему встать. — Как вы себя чувствуете?

— Где цари? — спросил следователь.

— Они сделали свое дело и ушли!

Георгий Борисович бросил взгляд па картины и увидел, что цари как ни в чем не бывало вернулись в произведения искусства.

— Они же не подписали протокол, — расстроился Ячмев. — Теперь мне никто не поверит. Может быть, вы подпишете?

— Для вас с удовольствием! — Онегин взял у Георгия Борисовича шариковую ручку и вывел на протоколе затейливый росчерк. — Но, боюсь, моя подпись вам не поможет. Она ведь никому не ведома.

— Пожалуй, это так... — грустно улыбнулся Ячмев. — Но я сохраняю ее для себя как уникальный автограф. Возможно, это банальность, но из всех поэтов я больше всех люблю Пушкина.

— Я тоже, — сказал Евгений.

Ячменев проводил Онегина до акварели, и они сердечно распрощались.

Георгий Борисович почувствовал себя одиноко, как на вокзальной платформе после ухода поезда с близким человеком. Следователь зажег свет и печально огляделся.

Мирно висели на стенах прижизненный портрет Екатерины, гравюры Санкт-Петербурга, акварель Кузьмина из иллюстраций к «Евгению Онегину» и копия с картины Репина «Иван Грозный и сын его Иван».

Где-то гулко пробили часы.

Ячменев взял со стола протокол с бесценным автографом и бережно спрятал в карман. Затем он достал ключ, отпер им дверь, вышел в коридор и спустился по лестнице в вестибюль.

В вестибюле висело зеркало. Ячменев поглядел в него и увидел, что стал совершенно седым и лысым...

Через полчаса Георгий Борисович собрал сотрудников академии в библиотеке. Пришли Кузнецов, Ростовский, Алла, Антон, вдова, комендант Надежда Дмитриевна и множество других штатных единиц.

Когда улегся шум, вызванный переменой во внешности следователя, Ячменев поглядел на живопись, украшающую стены библиотеки, и бесстрастно сказал:

— Сергея Ивановича Зубарева убил Иван Грозный! Он действовал в заговоре с Екатериной Второй. Онегин был против убийства, но не смог ему помешать!

Сотрудники молчали. Они не понимали — шутит следователь или сошел с ума.

— Советую вам, — строго продолжал Ячменев, — в своей научной деятельности будьте аккуратны с историей и литературой! Иначе вас может постигнуть участь Зубарева! Пожалуйста, помните, — ваша академия отвечает за культурное воспитание детей.

— Георгий Борисович, — сочувственно сказал Антон, — за это отвечает не только академия, но и Министерство школьной промышленности, и бесчисленные Школоно, и «Школьная газета», и сами школы. Когда отвечают все, не отвечает никто!

Ячменев вздохнул и повернулся к вдове:

— Возьмите ваш утюг. А кефир и колбасу я вам верну завтра.

Затем Георгий Борисович обратился к Ростовскому:

— Кирилл Петрович, вот ваш билет в город Куйбышев. Вы еще успеете на поезд. А вам, Надежда Дмитриевна, —

тсперь Ячменев смотрел на комендантшу, — Екатерина
Вторая просила передать царское расположение...

— Большое спасибо, что вы обо мне не забыли, —
поклонилась Надежда Дмитриевна.

— Наш коллектив искренне вам признателен! — осто-
рожно сказал следователю Юрий Константинович. — Вы
проделили замечательную работу. То, что мы услышали,
превзошло все наши ожидания!

— Вы так ничего и не поняли... Я еще раз вам повто-
рю: когда историческим или литературным героям стано-
вится неважноту, они выходят за рамки и... — тут Ячменев
махнул рукой и покинул библиотеку.

Он ушел, не понятыи людьми, которым не было дано
переступить грань. Вскоре он уже брел по темному пере-
улку, удаляясь все дальше и дальше от дома № 18, о кото-
ром он не забудет до конца своих дней. Про то, что случи-
лось с ним в этом доме, он не станет рассказывать, потому
что никто ему не поверит.

Ячменев возвращался в знакомый и добрый мир. Он
думал о том, что жена и дочь, конечно, на него обиделись.
О том, что у него в семье станет теперь жить чужой чело-
век...

Закрапал холодный, тоскливый дождь.

— Не зря у Ивана Грозного ломило кости, — вспомнил
Ячменев, поднимая воротник пальто, — эти старики здорово
умеют предсказывать погоду...

Р. С. Спустя полтора месяца телефонный звонок разбу-
дил следователя Ячменева в четыре часа ночи.

— Это говорит привидение! — сказал незнакомый муж-
ской голос. — Я только что убил кинорежиссера, который
ставил картину на историческую тему.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕРЕГИСЬ АВТОМОБИЛЯ!

6

ЗИГЗАГ УДАЧИ

103

УБИЙСТВО В БИБЛИОТЕКЕ

183

**Эмиль Вениаминович
Брагинский**

**Эльдар Алекоандрович
Рязанов**

ЗИГЗАГ УДАЧИ

Редактор Т. М. Мугуев.

Художественный редактор Э. А. Розен.

Технический редактор Е. А. Ельская.

Корректор Л. М. Логунова

Сдано в набор 28.VIII. 1968 г. Подп. к печати 12.II. 1969 г. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 7,5. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 12,71. Изд. инд. ЛХ-350. А09729. Тираж 100 000 экз. Цена 58 коп. в переплете. Бум. № 1. 7—3—2. 127—69.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавиолиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров
РСФСР, г. Электросталь Московской области,
Школьная, 25, Зак. 666.